

ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННОКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ III.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ КОММИССИИ ДЛЯ ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА ПРИ
ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУКЪ.

С.-Петербургъ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 линія, № 12.

1905.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Олденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Опыты окончанія «Русалки». <i>Θ. Е. Корша</i>	1— 22.
<i>А. С. Пушкинъ</i> въ Казани. <i>Е. А. Боброва</i>	23— 67.
<i>Пушкинъ</i> и <i>Рылѣвъ</i> . <i>В. В. Сиповскаго</i>	68— 88.
Къ исторіи опредѣленія <i>Пушкина</i> въ Лицей. <i>В. Е. Рудакова</i>	89— 91.
<i>Θ. Ф. Юрьевъ</i> и посланіе къ нему <i>Пушкина</i> (1819 г.). <i>Б. Л. Модзалевскаго</i>	92— 95.
« <i>Пушкинскія</i> » замѣтки. <i>А. И. Маркевича</i>	96—106.
О словаряхъ: языка <i>Пушкина</i> и <i>Пушкинскихъ</i> римъ ...	107—108.
Планъ словаря языка <i>А. С. Пушкина</i> . <i>А. И. Соболевскаго</i>	109—110.
Планъ изслѣдованія о стихосложеніи <i>Пушкина</i> и словаря <i>Пушкинскихъ</i> римъ. <i>Θ. Е. Корша</i>	111—134.
Указатель.....	135—138.

ОПЫТЫ ОКОНЧАНИЯ „РУСАЛКИ“.

Появление конца „Русалки“ по записи покойнаго Дмитрія Павловича Зуева вызвало въ свое время цѣлую литературу: большинство критиковъ признало эту запись поддѣлкой, меньшинство высказалось за ея подлинность, не скрывая впрочемъ сомнѣній въ правдоподобіи обстановки и условій, при которыхъ Д. П. Зуевъ познакомился съ этимъ окончаніемъ и записалъ его, а также въ точности передачи нѣкоторыхъ мѣстъ Пушкинскаго текста, если онъ въ самомъ дѣлѣ существовалъ. Памятниками этой литературы остались, помимо нѣсколькихъ газетныхъ статей, мой „Разборъ вопроса о подлинности окончанія „Русалки“ Пушкина по записи Д. П. Зуева“ („Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, т. III, 1898, кн. 3, стр. 633—785, т. IV, 1899, кн. 1, стр. 1—100 и т. IV, кн. 2, стр. 476—588) и составленный какъ-бы въ отвѣтъ на это изслѣдованіе сборникъ А. С. Суворина „Поддѣлка „Русалки“ Пушкина“ (С.-Пб. 1900), въ который вошли между прочимъ всѣ статьи самого собирателя, направленные противъ Д. П. Зуева, его записи и меня, какъ единственнаго изъ защитниковъ подлинности этой записи, посвятившаго ей цѣлое изслѣдованіе. Въ числѣ статей А. С. Суворина объ этомъ вопросѣ есть три, которымъ нельзя отказать въ историко-литературномъ интересѣ. Въ одной изъ нихъ (изъ № 8591 „Новаго Времени“) г. Суворинъ путемъ

филологической критики (на которую въ моемъ лицѣ онъ тутъ-же ополчается) убѣдительно доказываетъ поддѣльность извѣстнаго стихотворнаго переложенія молитвы Господней, приписаннаго не задолго до того Пушкину профессоромъ Н. О. Сумцовымъ въ книгѣ „А. С. Пушкинъ“ (Харьковъ. 1900, стр. 153—155), впрочемъ не имъ первымъ. Критику г. Суворина на это стихотвореніе можно дополнить указаніемъ на два недостатка: 1) изъ первой строфы можно заключить, что авторъ, чловѣкъ несомнѣнно взрослый, не слыхалъ этой молитвы до того времени, къ которому относится описанная обстановка, и 2) повтореніе слова „Твое“ вмѣсто риемы¹⁾. Первый изъ этихъ недостатковъ замѣченъ г. Рождественскимъ (Пушкинъ, Черты внутренняго облика, стр. 24—26; оттискъ изъ журн. „Вѣра и Церковь“ 1899 г., № 5), который пытался устранить его предположеніемъ, что это отрывокъ изъ поэмы, напр. „Галуба“; но ни по языку, ни по стиху не можетъ быть и рѣчи о принадлежности этой стихотворной молитвы Пушкину: стбитъ только сравнить ее съ безспорнымъ „Отцы пустынники и жены непорочны“. Къ тому-же называютъ еще и другого автора.

Другія двѣ изъ упомянутыхъ статей г. Суворина (изъ №№ 8607 и 8615 „Новаго Времени“ въ сборникѣ „Поддѣлка „Русалки“ Пушкина“ стр. 261—284) важны не выводами, а указаніемъ на двѣ забытыя попытки окончанія „Русалки“, написанныя Крутогоровымъ (Штукенбергомъ) и И. О. П. (Е. А. Богдановой). Г. Суворинъ вывелъ ихъ изъ забвенія потому, что предположилъ въ нихъ источники, которыми пользовался Д. П. Зуевъ для своей пресловутой „поддѣлки“. Штукенберга въ то время уже

1) Отецъ людей, Отецъ небесный!
 Да имя вѣчное Твое
 Святится нашими сердцами!
 Да прійдетъ царствіе Твое!

не было въ живыхъ, а г-жа Богданова немедленно отозвалась въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ энергическимъ, но бездоказательнымъ выраженіемъ полного согласія съ мыслью г. Суворина, раскрывъ при этомъ свой псевдонимъ. Насколько правы г. Суворинъ и г-жа Богданова, выяснится изъ разсмотрѣнія обоихъ продолженій сравнительно съ продолженіемъ, извѣстнымъ изъ записи Д. П. Зуева.

Какъ у него, такъ и у Штукенберга и у г-жи Богдановой¹⁾ продолженіе драмы открывается давно извѣстнымъ Пушкинскимъ началомъ 6-ой сцены.

„Невольнo къ этимъ грустнымъ берегамъ —
Откуда ты, прелестное дитя?“,

за чѣмъ слѣдуетъ, конечно, отвѣтъ Русалочки, у каждаго автора уже свой. Зуевская запись рѣзко отличается отъ нихъ тѣмъ, что самыя слова Пушкина находятся въ ней лишь съ 10-го стиха, и при томъ съ вариантами, изъ которыхъ замѣчательнъ „Пропедашаго печальныя мечты“ вмѣсто „Печальныя, печальныя мечты“. Въ своемъ изслѣдованіи („Извѣстія“, т. III, кн. 3, стр. 745 — 746) я показалъ, что общеизвѣстные начальные 15 стиховъ этой сцены содержатъ въ себѣ цѣлыхъ два введенія: одно — ст. 1 — 9 (изъ которыхъ первые два есть и въ 4-ой сценѣ):

Невольнo къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила.
Все здѣсь напоминаетъ мнѣ бывшее
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повѣсть.

1) „Осенніе листы. Собраніе стихотвореній Антонія Крутогорова. Санктпетербургъ. 1866“, стр. 167—228. И этотъ сборникъ, и книжку г-жи Богдановой „Продолженіе и окончаніе драмы Пушкина Русалка (Сцены: шестая, седьмая, восьмая, девятая, десятая, одиннадцатая, сочиненіе И. О. П.“, М. 1877) желающіе могутъ найти въ бібліотекахъ Публичной и Академической.

Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала
Свободнаго свободная любовь.
Я счастливъ былъ. Безумецъ! . . . и я могъ
Такъ вѣтрено отъ счастья отказаться!...,

другое — ст. 10 — 15:

Печальныя, печальныя мечты
Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
Отецъ несчастный! Какъ ужасенъ онъ!
Авось опять его сегодня встрѣчу,
И согласится онъ оставить лѣсъ
И къ намъ переселиться...,

и Пушкинъ при окончательной обработкѣ, вѣроятно, устранилъ-бы одно изъ нихъ, именно первое, что можно заключить уже изъ того, что непосредственно за выписанною частью 15-аго стиха слѣдуетъ сценическая замѣтка „Русалочка выходитъ на берегъ“ и слова князя, начало которыхъ составляетъ окончаніе того-же 15-аго стиха:

Что я вижу!

Откуда ты, прелестное дитя?

Въ Зуевской рукописи такъ и есть: она начинается прямо съ 10-аго стиха. Что-же это? удачная мысль поддѣльщика или нѣчто иное? Этотъ вопросъ оставимъ пока безъ отвѣта и возвратимся къ рассмотрѣнію обоихъ „источниковъ“ спорной записи. X

Продолженіе Штукенберга написано въ діалогическихъ частяхъ, какъ Пушкинское начало, пятистопными ямбами, изрѣдка съ примѣсью шестистопныхъ и четырехстопныхъ, тоже какъ у Пушкина (напр., ст. 6 этой сцены— четырехстопный), но не сплошь четырехстопными, какъ почему-то показалось г. Суворину, а въ лирическихъ (пѣсняхъ русалокъ) — четырехстопными амфибрахіями (стр. 177 и 199, кромѣ случайнаго анапеста:

И несемъ, и онъ тихъ какъ ягненокъ

стр. 177) или двухстопными съ риемой черезъ стихъ (стр. 203, да еще съ нарушеніемъ предѣла двухъ сосѣднихъ стиховъ

И выплыветъ къ берегу
Нѣмъ, недвижимъ

стр. 204), т. е. въ фформахъ, изъ которыхъ первая не встрѣчается у Пушкина въ „Русалкѣ“, а вторая — нигдѣ. Но и діалогическій размѣръ построенъ у Штукенберга не вездѣ по - Пушкински: нерѣдки у него окончанія стиха безъ ударенія на послѣднемъ слогѣ, напр.

И я росла въ подводномъ теремѣ

(стр. 169, такъ-же 174, 175, 181, 185, 204 и др.). Что касается метрической фформы у г-жи Богдановой, то г. Суворинъ замѣчаетъ о ней лишь то, что авторъ „плохо владѣлъ стихосложеніемъ“; но онъ ея не понялъ, потому что принималъ за стихъ все то, что напечатано въ одну строчку, и даже послѣ того, какъ г. Гр. Немировъ указалъ ему его ошибку исключительно на основаніи его-же выписокъ, онъ все-таки не разобралъ, въ чемъ тутъ сила, и призналъ искаженными всѣ тѣ мѣста, гдѣ не выходятъ пятистопные или шестистопные ямбическіе стихи, т. е. чуть не половину всего текста („Новое Время“ № 8615 и сборникъ „Поддѣлка Русалки Пушкина,“ стр. 262 и 276—280). Странно, что г-жа Богданова, откликнувшись такъ сочувственно на причисленіе ея драматическаго опыта къ источникамъ Зуевской записи, не объяснила г. Суворину строя своихъ стиховъ и не указала виновника ихъ неправильнаго дѣленія въ печати. А выбрала она для діалога фформу оригинальную, болѣе свойственную оперному либретто, чѣмъ обыкновенной, немзыкальной драмѣ: по надлежащемъ раздѣленіи всѣ стихи у нея оказываются ямбическими, но разной длины — отъ одной стопы до шести, даже до семи, напр.

О нѣтъ, дитя: ты вѣрно заблудилась.

Смотри:

Кругомъ все дико, нѣтъ жилья людского,

А ночью до-дому одна

Ты не дойдешь. Пойдемъ со мной

(стр. 4). При такомъ, можно сказать, речитативномъ складѣ, разумѣется, невозможна „реставрація“ г. Суворина:

И настезь растворилась дверь. Иду,

Иду къ тебѣ, приютъ гостепріимный

вмѣсто музыкально-правильнаго:

И настезь растворилась дверь.

Иду, иду къ тебѣ, приютъ гостепріимный

(стр. 24). Отклоненія отъ ямбическаго строя попадаютъ мѣстахъ въ осьми (стр. 4, 12 — 13, 17, 18 — 19, 22 — 23, 32, 33, 39), большею частію при смѣнѣ говорящихъ, какъ и въ Зуевской записи два раза; другіе примѣры, какъ и вообще стихотворныя погрѣшности въ родѣ „чтобъ“ вмѣсто „чтобы“ (стр. 35), позволительно отнести на счетъ издателя, редактора или корректора, введшаго г. Суворина въ заблужденіе неправильнымъ раздѣленіемъ стиховъ. Какъ-бы то ни было, такой формы, скорѣе оперной, чѣмъ литературной, у Пушкина нѣтъ, также нѣкоторыхъ лирическихъ размѣровъ, употребленныхъ г-жей Богдановой. Такъ обстоитъ дѣло съ метрической стороны въ „источникахъ“ Д. П. Зуева, но совсѣмъ иначе въ его собственномъ текстѣ: здѣсь въ діалогѣ вездѣ пятистопный ямбъ Пушкинской структуры, кромѣ двухъ мѣстъ, подозрительныхъ и по другимъ причинамъ (см. „Извѣстія отд. р. я. и сл.“, т. IV, кн. 1, стр. 46 — 49 и кн. 2, стр. 522 — 524), а въ пѣсняхъ — Пушкинскія двухстопные амфибрахіи и четырехстопные трохеи съ риемой во всѣхъ стихахъ.

Языкъ и стилистика обоихъ „источниковъ“ даже не напоминаютъ Пушкина, напр. у Штукенберга стр. 169:

И мать ужель *совсьмъ* въ Днѣпрѣ живетъ?,

тамъ-же:

Ахъ подлинно я *виноватъ преступный!*,

стр. 173:

Сойди къ водѣ, а я подружекъ *скликну*,

стр. 184:

И, *скликнувъ* рыбаковъ, протащимъ неводъ,

тамъ-же:

Оставь меня одну, пока не *скличу!*¹

стр. 175:

Все, все, что было дорогова *тутъ*,

Черезъ тебя *мишилась*,

стр. 188:

Исполнилось *что надо* наконецъ!,

стр. 201:

бывало

Поволочиться ты *гораздъ* любилъ¹),

стр. 215:

Дивья — коль запретилъ,

и кромѣ того странная перетасовка словъ, какъ стр. 17:

Да не чужой какой *ли* подвернулся?,

стр. 182:

Ты по слѣду дошелъ *куда-жъ?*,

стр. 191:

Но сердце, что тобою только жило,

Тебя *что* безъ оглядки полюбило,

стр. 199:

Въ неволѣ я у этихъ лже-существъ,

Дѣтей *которыми* пугаютъ няньки,

¹) По-малорусски „ти сам гаразд був охочий“.

гдѣ авторъ, издатель или наборщикъ, запутавшись въ конструкціи, поставилъ передъ „которыми“ запятую. У г-жи Богдановой языкъ въ общемъ ближе къ Пушкинскому, но насколько, трудно рѣшить сразу; вотъ, гдѣ пригодился-бы Пушкинскій глоссарій, до сихъ поръ еще не составленный. Во всякомъ случаѣ г-жа Богданова употребляетъ иногда ударенія, кажется, не встрѣчающіяся у Пушкина, напр. стр. 17:

Какъ смерть *блѣдно* лице,

стр. 35:

Блѣдно твое лице и руки холодны¹⁾

стр. 19:

Какъ разъ отъ *нѣдуга* избавилъ,

стр. 36:

О нѣтъ! То *нѣдугъ* черный *мутитъ*.

Въ Зуевской записи критика указала необычныя ударенія *продѣвецъ*, *мамá* и *сказкí*; но какъ произносилъ Пушкинъ первое слово, по видимому, неизвѣстно, а послѣднія два находятся въ явно испорченныхъ или неотдѣланныхъ стихахъ. Но вообще эта запись со стороны языка (кажется, кромѣ слова *омево́й*), грамматическихъ формъ, синтаксиса и просодіи не заключаетъ въ себѣ ничего противорѣчащаго Пушкинскому употребленію, въ риторикѣ же представляетъ полное сходство съ несомнѣнными произведеніями Пушкина. А въ пресловутыхъ источникахъ? Въ нихъ встрѣчаются, и то изрѣдка, лишь единоначатіе и вообще повтореніе словъ: у Штукенберга „что“ въ трехъ предложеніяхъ подъ рядъ (стр. 171), „никто“ въ двухъ (стр. 184), у г-жи Богдановой „Давно, давно“ (стр. 23), быть можетъ, изъ „Каменнаго Гостя“ сд. 3:

*) Но *холодны́* у Пушкина есть напр. въ „Анджело“:
Всѣ средства женскаго искусства вы должны
Теперь употребить. Вы слишкомъ холодны.

Вы развлекли меня
Рѣчами свѣтскими; отъ нихъ ужь ухо
Мое давно, давно отвыкло.

При этихъ сравненіяхъ еще рѣзче выступаетъ тотъ выводъ, къ которому привелъ меня разборъ записи Д. П. Зуева, — что или онъ былъ безпримѣрнымъ, неслышаннымъ знатокомъ Пушкинской формы (чего за нимъ никто не подозрѣвалъ), или — не онъ авторъ опороченнаго критической окончанія „Русалки“.

А каково отношеніе этихъ будто-бы источниковъ Зуевской записи къ Пушкину съ тѣхъ сторонъ, которыя были доступны наблюденію авторовъ при посредствѣ простаго, хоть, можетъ быть, и внимательнаго чтенія подлинныхъ произведеній Пушкина? У Штукенберга стр. 171:

Ты близокъ намъ? ты мой отецъ?
ср. въ „Русалкѣ“ сд. 5 („Днѣпровское дно“):

Онъ намъ близокъ —

Онъ твой отецъ.

Стр. 172:

А счастье было такъ возможно,
Такъ близко

ср. въ „Евгени Онѣгинѣ“:

А счастье было такъ возможно,
Такъ близко.

Стр. 218:

Смеркается... вотъ такъ и тянетъ сила
Невѣдомая

ср. въ „Русалкѣ“ сд. 4 („Днѣпръ. Ночь“) и 6 („Берегъ“):
Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила.

У Е. А. Богдановой (дѣлю стихи по ритму) стр. 5:

Онъ продалъ мельницу свою

Бѣсамъ запечнымъ,
А деньги на храненье бросилъ въ Днѣпръ
ср. въ „Русалкѣ“ сц. 4:

Я продалъ мельницу бѣсамъ запечнымъ,
А денежки отдалъ на сохраненье
Русалкѣ, вѣщей дочери моей;
Онѣ въ песку Днѣпра-рѣки зарыты
и сц. 5:

Со дна рѣки собрать ему тѣ деньги,
Которы когда-то въ воду къ намъ
Онъ побросалъ.

Стр. 6:

Ночной порой и дикій звѣрь
Изъ лѣсу можетъ набѣжать
ср. въ „Русалкѣ“ сц. 3 („Свѣтлица“):

въ лѣсу ночной порою
И дикій звѣрь, и лютый человѣкъ,
И лѣшій бродить.

Стр. 29:

Сейчасъ, мой свѣтъ, бѣгу

ср. въ „Русалкѣ“ сц. 3:

Бѣгу, мой свѣтъ, бѣгу.

На стр. 35 — 36 княгиня и князь передъ сценой съ ожерельемъ говорятъ почти то-же, что князь и дочь мельника, оставшись наединѣ („Русалка“ сц. 1). Въ Зуевской записи позаимствованій изъ Пушкина, такъ сказать, сырьемъ нѣтъ ни одного, а есть только намеки на содержаніе первой части и какъ-бы слѣды безотчетныхъ воспоминаній объ отдѣльных мѣстахъ изъ другихъ произведеній Пушкина, иногда едва уловимые, какіе часто встрѣчаются и у самого Пушкина.

Тонъ рѣчи и вообще характеръ лицъ въ пресловутыхъ

„источникахъ“ не такіе, какъ въ первой части „Русалки“. У Штукенберга Русалочка говоритъ иногда совсѣмъ не по-дѣтски, напр. на стр. 175:

Ты мужчина.

У насъ молва, что вы такъ смѣлы.

Мнѣ стыдно за тебя.

Княгиню у него мѣстами трудно отличить по языку отъ мамки, старшая Русалка покрикиваетъ на младшихъ не какъ „строгая сестра“, а скорѣе какъ подвыпившій ундеръ, а съ княземъ бесѣдуетъ какъ безстыжая баба, хотя кое-гдѣ не безъ сентиментальности; да и у князя выражаются выраженія совсѣмъ не княжескія въ родѣ

О, гдѣ я? спалъ я что ли, али нѣтъ?

гдѣ къ тому-же очень непріятно сталкиваются патетическое „О“ и простонародное „али“, умѣстное въ устахъ мельника (ср. 1):

Али ты

Отъ радости неожиданой одурѣла?

У г-жи Богдановой характеры въ общемъ выдержаны, однако и здѣсь Русалочка сплошь да рядомъ вдается въ далеко не ребячій тонъ, и кроткая и безотвѣтная княгиня на стр. 30 кричитъ на охотниковъ:

Разбойники, холопы!

а на стр. 31 отрѣзываетъ ловчему:

Ты лжешь, дуракъ!

Есть, правда, брань „Дуракъ“ и во второй сценѣ подлинной „Русалки“, но тамъ это слово произноситъ князь, крайне раздраженный тѣмъ, что конюшій не умѣлъ отыскать Русалку въ хорѣ дѣвушекъ на свадьбѣ. Такъ-ли изображены дѣйствующія лица въ Зуевскомъ продолженіи? Правда, что нѣкоторые критики находили и въ немъ подобныя несоотвѣтствія, не принимая въ расчетъ даже различія въ положеніи даннаго лица согласно

съ событіями, но весьма поучительно сравнить эти мнимыя противорѣчія съ уклоненіями отъ Пушкинскихъ характеровъ хотя-бы у Штукенберга, что впрочемъ читателю легко сдѣлать самому.

По содержанію оба завѣдомо не Пушкинскихъ продолженія сходны въ томъ, что Русалка мститъ князю до конца, и что князь и княгиня погибаютъ. Но въ частностяхъ разница между этими продолженіями значительна, начиная съ того, что у г-жи Богдановой предметомъ мести является не столько князь, сколько княгиня. Впрочемъ оба мотива даны Пушкинымъ: Русалка въ 5-й сценѣ готовится къ мести, о чемъ говоритъ въ концѣ прямо слѣдующими словами:

Я каждый день о мщеньи помышляю

И нынѣ, кажется, мой часъ насталь,

а въ 1-ой дочь мельника, т. е. она-же при жизни на землѣ, грозитъ разлучницѣ, разрывая подаренное ей княземъ ожерелье:

Такъ бы я

Разорвала тебя змѣю-злодѣйку,

Проклятую разлучницу мою!

У Штукенберга князь попадаетъ въ теремъ русалокъ въ самомъ началѣ, будучи завлеченъ туда дочерью, а потомъ выходитъ на сушу и въ концѣ умираетъ при видѣ Русалки въ водяномъ столпѣ, который появляется на его дворѣ, а княгиня отъ такой неожиданности также умираетъ, поручая окружающимъ благословить за нее ея маленькаго сына, мельникъ же во время этихъ ужасовъ внезапно исцѣляется отъ безумія. Заключительныя слова произноситъ мамка:

Ахти!

Что будетъ съ нимъ-то, съ круглымъ сиротою!

У г-жи Богдановой мельникъ гибнетъ за сценой, за-

стрѣленный изъ ружья княжымъ охотникомъ во время своей борьбы съ княземъ изъ-за Русалочки, что читатель узнаетъ изъ ея разказа; князь отъ свиданія съ дочерью становится полупомѣшаннымъ, душитъ княгиню жемчужнымъ ожерельемъ, которое онъ подарилъ нѣкогда дочери мельника, а потомъ Царица русалокъ нанизала на волшебную нить, сплетенную ею изъ русалочьихъ костей; по смерти княгини онъ, спасаясь отъ собственныхъ слугъ, бросается со скалы въ Днѣпръ. Заключительныя слова принадлежатъ слугамъ:

Князь утонулъ! спускайте лодки!
Несите сѣти и багры!

Мотивъ удушенія ожерельемъ, которое, по словамъ Царицы русалокъ на стр. 16,

Какъ лютая змѣя,
Вкругъ шейки лебединой обовьется
И кольцами своими
Ее сожметъ,

заимствованъ отчасти изъ восклицанія дочери мельника въ первой сценѣ передъ утопленіемъ:

Охъ, душно!
Холодная змѣя мнѣ шею давить...
Змѣей, змѣею онъ меня — ¹⁾
Не жемчугомъ опуталъ,

отчасти изъ словъ мельника въ четвертой сценѣ въ отвѣтъ на приглашеніе князя:

Въ твой теремъ? Нѣтъ, спасибо!
Заманишь, а потомъ меня, пожалуй,
Удавишь ожерельемъ.

¹⁾ Четырехстопный ямбъ вмѣсто пятистопнаго, устроенный первыми издателями изъ такихъ обрывковъ, которые въ подлинномъ видѣ могли бы навлечь на ихъ автора не меньшія нареканія, чѣмъ тѣ стихи Зуевской записи, гдѣ нѣкоторымъ критикамъ пригрезились *мамѣ* и *сказки*.

Пушкинымъ-же внушено и введеніе маленькаго сына, но только косвенно: въ третьей сценѣ княгиня говорить:

Когда бъ услышалъ Богъ мои молитвы
И мнѣ послалъ дѣтей, къ себѣ тогда бъ
Умѣла вновь я мужа привязать,

и нельзя сказать, чтобы такое пользованіе положеніемъ, даннымъ у Пушкина, вызывалось ходомъ драмы, какъ и возвращеніе разсудка мельнику у Штукенберга. Прямо противорѣчитъ даннымъ Пушкина промежутокъ между началомъ и концемъ дѣйствія въ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ вмѣсто осьми¹⁾. Впрочемъ вся дальнѣйшая фѣбула и ея развитіе вообще довольно слабы въ обоихъ этихъ продолженіяхъ,—очевидно, потому, что ихъ авторы лишены драматическаго дарованія, а Штукенбергъ къ тому-же совсѣмъ не поэтъ. А въ Зуевской записи? Князь тоже бросается въ Днѣпръ, а княгиня умираетъ, но то и другое само по себѣ такъ естественно, что этому совпаденію въ трехъ продолженіяхъ нельзя придавать важности при разсмотрѣніи вопроса о заимствованіяхъ. За то месь Русалки у Д. П. Зуева принимаетъ оборотъ неожиданный: прежняя дѣвушка, дочь мельника, увидѣвъ князя, ощущаетъ къ нему ту-же любовь, которая ее погубила. Это—не внутреннее противорѣчіе и не выворотъ готоваго мотива на изнанку, а творческое развитіе даннаго положенія. Мельникъ умираетъ отъ проклятія дочери, заботами которой, прямыми и при посредствѣ Русалочки, поддерживалось его существованіе. Основы этого вымысла также находятся въ первой части, но не въ готовомъ видѣ и не въ обратномъ: недружелюбное отношеніе дочери къ мельнику выразилось въ концѣ первой сцены:

¹⁾ По посмертному изданію; но въ рукописи „Прошло 8 долгихъ лѣтъ“, при чемъ 8 передѣлано изъ 7 (изд. facsimile, л. XXII); см. „Извѣстія“, т. III, кн. 3, стр. 749.

Да, бишь, забыла я; тебѣ отдать
Велѣлъ онъ это серебро за то,
Что былъ хорошъ ты до него, что дочку
За нимъ пускалъ таскаться, что ее
Держалъ не строго... Въ-прокъ тебѣ пойдетъ
Моя погибель!

и въ пятой, гдѣ послѣ разсказа Русалочки о томъ, какъ она разыскивала для дѣда брошенныя имъ въ рѣку деньги, и какъ онъ обрадовался пестрымъ раковинкамъ, которыя она дала ему вмѣсто денегъ, Русалка восклицаетъ:

Безумный скряга!

Проклятiе Русалки и его дѣйствiе на мельника есть выводъ изъ этихъ данныхъ, естественный, но не такой формально-логическiй, до какого было-бы нетрудно дойти всякому сколько-нибудь изобрѣтательному человѣку, а не менѣе творческiй, чѣмъ пробужденiе прежней любви въ Русалкѣ, — мотивъ, доступный или автору самыхъ данныхъ или, если другому лицу, то лишь насквозь проникнутому работой его духа въ этомъ направленiи. Смерть княгини обусловлена не мелодраматическимъ ужасомъ, какъ у Штукенберга, и не чужимъ мотивомъ, полученнымъ посредствомъ обращенiя метафоры подлинника въ дѣйствительность, какъ у Е. А. Богдановой, а нравственнымъ потрясенiемъ при видѣ обручальнаго кольца, возвращеннаго ей отъ имени мужа, — потрясенiемъ, тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что, какъ видно изъ ея словъ въ началѣ послѣдней сцены, сердце ея было надорвано до явленiй патологическихъ. Эта передача кольца есть *сюр де грѣсе* послѣ ея долгихъ страданiй, и всякiй человѣкъ въ здоровомъ умѣ и твердой памяти долженъ признать такую развязку самой естественной и эстетической, — конечно, если онъ не хочетъ обмануть себя или

другихъ. Послѣднія слова драмы и въ этомъ продолженіи говорить мамка:

Умерла!

Въ сонмъ Ангеловъ прими ее, Всевышній!

Указанія для правильной оцѣнки этихъ словъ, личныхъ будто-бы болѣе архіерею, чѣмъ мамкѣ, даны въ моемъ изслѣдованіи („Извѣстія“, т. IV, 1899 г., кн. 2, стр. 567 — 574). Какъ-бы то ни было, уже изъ этого обзора главныхъ моментовъ конца драмы по тремъ редакціямъ всякому непредубѣжденному критику ясно, что Зуевская выше остальныхъ въ драматическомъ отношеніи, хотя, по крайней мѣрѣ, одна изъ этихъ двухъ, принадлежащая г-жѣ Богдановой, обнаруживаетъ нерѣдко въ своемъ авторѣ поэтическую изобрѣтательность, а Д. П. Зуевъ, судя по безспорнымъ его произведеніямъ, былъ одаренъ этой способностью въ слабой степени.

Отличается Зуевское продолженіе отъ двухъ другихъ также краткостью, и при томъ такъ рѣзко, что это замѣтилъ и г. Суворинъ; но онъ объясняетъ эту особенность Зуевской записи тѣмъ, что, по его свѣдѣніямъ, Дмитрій Павловичъ „былъ мастеръ на мистификаціи, и потому зналъ, что чѣмъ короче поддѣлка, тѣмъ менѣе въ ней прорѣхъ“. Въ чемъ иномъ проявилось его мастерство по этой части, если не считать довольно неопредѣленнаго указанія г. А. К. на его подправку сказки Чернышева, о томъ ни одинъ изъ отрицателей подлинности этой записи не говорилъ ни слова, а что касается критиковъ, выступавшихъ въ „Новомъ Времени“, то признаніе Д. П. Зуева такимъ искуснымъ мистификаторомъ кажется особенно страннымъ на страницахъ этой газеты, гдѣ онъ ославленъ чуть не кретиномъ. Не менѣе удивительна и отличающая его продолженіе сдержанность въ измышленіяхъ и красотахъ, которая никакъ не согласуется съ его отмѣченной тамъ-же „стихоманіей“, и это противорѣчіе достойно

тѣмъ большаго вниманія, что похитители чужихъ сюжетовъ и подражатели, даже свободные отъ недостатковъ, приписываемыхъ „Новымъ Временемъ“ покойному Зуеву, обыкновенно склонны къ размазыванью своихъ образцовъ. Въ своемъ продолженіи „Русалки“, онъ, по словамъ г. Суворина, „собиралъ по зернышку“ — у кого? у Пушкина? нѣтъ: у Штукенберга и г-жи Богдановой! Далѣе идетъ перечень „зернышекъ“, похищенныхъ у этихъ будто-бы предшественниковъ. Этотъ списокъ слѣдуетъ прежде всего сократить, выкинувъ изъ него напр. указаніе на красоту дочери мельника и на ея самоутопленіе у Зуева и у г-жи Богдановой, какъ черты, которыя не зачѣмъ было воровать одному у другого, также упоминаніе того, что Русалка долго ждала князя, общее Зуеву со Штукенбергомъ, но и имъ обоимъ — съ Пушкинымъ, у котораго въ пятой сценѣ Русалка наказываетъ своей дочери:

скажи,

Что все его я помню и люблю,

И жду къ себѣ.

Недоказательна и общая этимъ обоимъ продолженіямъ задержка князя внѣ дома охотой, нѣсколько разъ упоминаемая и Пушкинымъ въ концѣ третьей сцены, гдѣ охотники воротились домой безъ князя, послѣ чего и въ четвертой онъ остается на берегу Днѣпра и является тамъ же въ шестой. Но за всѣми такими вычетами останется все-таки не мало мѣстъ, несомнѣнно доказывающихъ связь между тремя продолженіями „Русалки“, не случайную и не ограничивающуюся повтореніемъ Пушкинскихъ мотивовъ и выраженій. Это приходится признать, только не слѣдуетъ поспѣшно выводить отсюда заключеніе, къ какому пришелъ г. Суворинъ, рассуждая такъ: между всѣми тремя продолженіями есть сходство, а Зуевское напечатано послѣ двухъ другихъ; слѣдовательно Зуевъ

обокралъ своихъ предшественниковъ. Но вѣдь печатать можно только написанное, а написанное можетъ долго и даже никогда не печататься; потому изъ факта болѣе поздняго появленія чего-либо въ печати никакъ не слѣдуетъ, что оно и написано позже того, что напечатано раньше. А что Зуевская редакція продолженія „Русалки“ написана, по крайней мѣрѣ, гораздо раньше, чѣмъ она была обнародована, видно между прочимъ даже изъ „Новога Времени“ (№ 8593—сборникъ „Поддѣлка „Русалки“ Пушкина“, стр. 225), гдѣ было помѣщено свидѣтельство г-на Н. У., что о ней шла рѣчь въ года его дѣтства, т. е. едва-ли позже 1866 г., когда появилось продолженіе Штукенберга. Послѣдній былъ не только современникомъ Д. П. Зуева, но также инженеромъ, какъ онъ, и потому легко могъ быть съ нимъ знакомъ и знать его продолженіе. Г. Суворинъ думаетъ, напротивъ, что Зуевъ зналъ продолженіе Штукенберга и даже воспользовался имъ и потому выступилъ со своею записью лишь въ Ноябрь 1887 г., выждавъ кончину Штукенберга, который умеръ въ Мартѣ того-же года. Однако и тогда онъ ограничился тѣмъ, что прочелъ свою рукопись въ обществѣ литераторовъ, а печатать ее еще не рѣшался — почему? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ въ „Новомъ Времени“ упомянутый выше г. Н. У., что Дмитрій Павловичъ ждалъ, пока умретъ его братъ Петръ Павловичъ, который зналъ объ его обманѣ, а умеръ онъ въ 1895 г. Если такъ, то какъ-же не побоялся Дмитрій Павловичъ огласить, по крайней мѣрѣ, фактъ обладанія этой подозрительной записью лѣтъ за восемь до смерти своего брата, который тогда-же могъ его изобличить? И такъ не только предположеніе г. Суворина противорѣчитъ показанію г-на Н. У., но и оба эти объясненія исключаютъ одно другое. Свидѣтельству г-на Н. У. — если оно есть на самомъ дѣлѣ свидѣтельство, а не такое-же предположеніе, какъ выска-

занное г. Суворинымъ — можно противопоставить свидѣтельство разносторонне образованнаго и всѣми уважаемаго лица, также инженера (назвать его я пока не уполномоченъ), что Дмитрій Павловичъ читалъ ему продолженіе „Русалки“ лѣтомъ 1883 или 1884 г. на дачѣ Петра Павловича въ Петергофѣ при хозяинѣ. Для выясненія истины г. Н. У., дальній свойственникъ Дмитрія Павловича, предлагаетъ опросъ родныхъ; конечно, это было-бы желательно, но могло-бы и не дать ожидаемыхъ результатовъ, потому что оставшіеся въ живыхъ родственники Дмитрія Павловича мало чтò знаютъ точно объ его молодости, а при его „стихоманіи“, о которой говоритъ г. А. К., между ними, не смотря на все ихъ уваженіе къ душевнымъ качествамъ покойнаго, легко могло сложиться предубѣжденіе противъ его рассказовъ о записи, чѣмъ объясняются какъ слухи о томъ, что онъ „занялъ окончаніемъ Русалки“, такъ и его молчаніе въ ихъ кругу объ этомъ „занятіи“. Безусловно важно было-бы добыть его подлинную запись, которую онъ при мнѣ вынималъ изъ ящика, стоявшаго въ его кабинетѣ (на Захарьевской), на лѣвомъ концѣ письменнаго стола, у стѣны, противоположной входу, и по которой прочелъ мнѣ начало, не попавшее на первый разъ въ печать, потому что было извѣстно изъ общедоступнаго Пушкинскаго текста, и нѣсколько другихъ мѣстъ, казавшихся мнѣ сомнительными. Объ отличіи одного изъ этихъ мѣстъ по рукописи и по напечатанному П. И. Вартеневымъ тексту я упомянулъ въ своемъ изслѣдованіи („Извѣстія“, т. III, кн. 3, стр. 636 — 638), гдѣ отмѣчена и важность того обстоятельства, что запись начинается не съ отвѣта Русалочки на вопросъ князя:

Откуда ты, прелестное дитя?,

а со словъ князя:

Прошедшаго печальныя мечты

и т. д., составлявшія, очевидно, начало сцены въ рукописи, по которой читалъ Пушкинъ, когда его слушалъ Зуевъ, какъ рассказываетъ послѣдній, или — если кто не вѣритъ его разсказу, — которая какъ-то попала въ его руки. Но важнѣе всѣхъ этихъ предполагаемыхъ внѣшнихъ фактовъ факты внутренніе, извлекаемые изъ самаго произведенія посредствомъ разбора его содержанія, языка и строя стиховъ при постоянномъ сличеніи съ несомнѣнными произведеніями Пушкина. Такому разбору подвергнута запись Д. П. Зуева въ моемъ изслѣдованіи, и выводы, къ которымъ я пришелъ въ немъ, еще ярче отгнѣняются сравненіемъ этой записи съ двумя другими продолженіями „Русалки“, которыя г. Суворинъ считаетъ источникомъ продолженія, обнародованнаго Д. П. Зуевымъ. Однако прежде, чѣмъ привести свои настоящія заключенія, мнѣ еще остается сказать нѣсколько словъ о возможной причинѣ сходства въ нѣкоторыхъ частностяхъ между продолженіями Д. П. Зуева и Е. А. Богдановой, хотя это сходство и слабо и нехарактеристично. Это объясненіе кажется тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что касается отчасти и продолженія Штукенберга. Дѣло въ томъ, что г-жа Богданова, какъ и Штукенбергъ, писали свои продолженія, по видимому, не безъ вліянія со стороны либретто извѣстной оперы Даргомыжскаго на ту-же тему. Это вліяніе можно предположить напр. потому, что и у г-жи Богдановой и въ оперѣ Русалка мститъ не столько князю, сколько княгинѣ, мельникъ бросается на князя, князь отъ встрѣчи съ русалками теряетъ сознаніе своихъ поступковъ, драма кончается крикомъ охотниковъ о подавіи помощи князю (въ оперѣ параллельно съ возгласомъ русалокъ:

Ох. Тутъ недоброе случилось,
Надо князя отыскать!

Рус. Теперь отъ насъ онъ не уйдетъ!)

По всей вѣроятности, изъ оперы г-жа Богданова заимствовала и свою поэтическую форму. Общія черты Штукенбергова продолженія съ либретто: приведенное выше заимствованіе изъ „Евгенія Овѣгина“ (впрочемъ у либреттиста не дословно:

Не самъ ли безумецъ я счастье утратилъ!

А было такъ близко, возможно оно),

водяной столпъ въ соотвѣтствіе облаку, изъ-за котораго является теремъ русалокъ, смерть княгини отъ испуга (въ оперѣ княгиня, по крайней мѣрѣ, „падаетъ безъ чувствъ“), отсутствіе всякаго намека на смерть мельника. И такъ нѣкоторая зависимость обоихъ этихъ продолженій отъ либретто оперы во всякомъ случаѣ весьма вѣроятна, а въ соотвѣтствующемъ имъ „Финалѣ“, который почти всецѣло принадлежитъ либреттисту, встрѣчается много Пушкинскихъ выраженій. Со своей стороны Штукенбергъ и г-жа Богданова, умышленно или безсознательно, внесли въ свои продолженія кое-что Пушкинское. Присутствія Пушкинскаго элемента въ Зуевской записи не отрицаютъ и тѣ критики, которые считаютъ ее поддѣлкой. Эти-то Пушкинскія кое-что и нѣчто и сближаютъ взаимно всѣ три продолженія и оперный „Финалъ“. Однако и въ отношеніи къ либретто Зуевское продолженіе занимаетъ особое мѣсто: не смотря на нѣкоторое общее сходство съ текстомъ либретто, въ этомъ продолженіи нельзя найти никакихъ признаковъ даже косвеннаго вліянія оперы. Правда, мотивъ любви Русалки къ князю во время исполненія задуманной ею мести можетъ, пожалуй, показаться съ перваго взгляда общимъ Зуевской записи съ либретто; но на самомъ дѣлѣ это не такъ: въ оперѣ Русалка, говоря словами Пушкина о своей мести князю, тутъ-же представляетъ эту месть лишь мѣрой къ тому, чтобы снова вступить въ обладаніе любимымъ человѣ-

комъ, а въ Зуевской записи она думаетъ только о мести до тѣхъ поръ, пока вновь не увидѣла его, что гораздо болѣе согласно съ мыслью Пушкина, насколько можно ее угадать изъ конца пятой сцены.

И такъ вотъ тѣ положенія, къ которымъ я пришелъ на основаніи упомянутыхъ выше данныхъ, почерпнутыхъ мною изъ внимательнаго изученія Зуевской записи, изъ личнаго знакомства съ Дмитріемъ Павловичемъ и съ безспорными его произведеніями и изъ свидѣтельствъ и показаній знавшихъ его людей:

1) Свѣдѣнія о записи Д. П. Зуева восходятъ къ 50-ымъ, если не къ 40-ымъ годамъ.

2) Если онъ ждалъ чьей-либо смерти для сообщенія своей записи постороннимъ, то не смерти брата или Штукенберга, а, быть можетъ, кого-нибудь изъ Пушкинскаго кружка, послѣдовавшей не позже 1883 г.

3) Его продолженіе „Русалки“ во всѣхъ отношеніяхъ несравненно ближе къ несомнѣннымъ произведеніямъ Пушкина, чѣмъ два другія (и чѣмъ Вельтмановское, не говоря уже объ оперѣ), хотя г-жа Богданова, по видимому, даровитѣе Д. П. Зуева.

4) Оно значительно короче прочихъ, что не согласно ни съ обычаями подражателей вообще, ни съ манерою Дмитрія Павловича въ частности.

Ө. Коршъ.

А. С. Пушкинъ въ Казани.

I.

Пребываніе А. С. Пушкина въ Казани составляетъ кратковременный эпизодъ изъ его путешествія на востокъ Европейской Россіи осенью 1833 года. Прежде, чѣмъ перейти къ обрисовкѣ этого эпизода, мы позволимъ себѣ предпослать нѣсколько словъ объ указанномъ путешествіи нашего поэта вообще, объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ путешествіе, о цѣляхъ и намѣреніяхъ, какія съ нимъ связывались.

Бѣхатъ побуждали поэта отчасти обстоятельства его личной жизни, отчасти интересы художественные и научные.

Вотъ что писалъ Пушкинъ своему закадычному другу, *П. В. Нащокину* отъ 23 февраля 1833 г.¹⁾:

*«Нѣтъ у меня досуга, вольной, холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь въ свѣтѣ, жена моя въ большой модѣ; это требуетъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ *уединенія*. Вотъ какъ располагаю я своимъ будущимъ лѣтомъ: послѣ родовъ жены²⁾ отправляю ее въ калужскую деревню, къ се-*

1) Письма Пушкина цитируются нами по первому Морозовскому изданію, т. VII, а отчасти по собранію Брюсова.

2) 6 іюля 1833 г. родился у него сынъ Александръ Александровичъ, крестнымъ отцомъ котораго былъ именно П. В. Нащокинъ. При отъѣздѣ Пушкина въ путешествіе жена его осталась въ Петербургѣ. Пушкинъ полагалъ тогда, что жена его опять беременна, какъ видно изъ его письма къ женѣ изъ села Языкова отъ 12 сентября (№ 353, стр. 325): „я радъ, что ты не брюхата“.

страмъ, а самъ съѣзжу въ *Нижній*, да можетъ быть, въ *Астрахань*. Мимоходомъ увидимся и наговоримся досыта. Путешествіе *нужно* мнѣ нравственно и физически“. (Письмо № 339, стр. 314).

Кромѣ желанія прокатиться, освѣжиться и доставить себѣ досугъ для занятій, Пушкина привлекали на Востокъ и сюжеты тѣхъ произведеній, надъ которыми онъ тогда работалъ.

Въ началѣ 1833 года А. С. Пушкинъ еще имѣлъ намѣреніе писать біографію генералиссимуса князя *А. В. Суворова*, куда, въ качествѣ одной главы, должно было войти изображеніе его участія въ усмиреніи Пугачевского бунта. 9 февраля Пушкинъ писалъ военному министру, графу *А. И. Чернышову*, прося доставить ему для занятій разные документы, въ томъ числѣ и „слѣдственное дѣло“ о *Пугачевѣ* (стр. 312, письмо № 338). Просьба Пушкина была удовлетворена Чернышовымъ 25 февраля (*В. Брюсовъ*, Письма Пушкина и къ Пушкину, стр. 70, № 30)¹⁾. 5 марта (у Морозова, № 340, стр. 314) Пушкинъ приглашалъ себѣ въ сотрудники по архивнымъ историческимъ занятіямъ *М. П. Погодина*, а 8 числа того же мѣсяца (№ 341, стр. 315) еще разъ обращался къ Чернышову, прося къ полученнымъ уже о *Пугачевѣ* бумагамъ добавитъ еще донесенія и реляціи за 1776 г. 8 марта Чернышовъ (у Брюсова, стр. 71, № 31) опять доставилъ Пушкину кое-какія бумаги.

Какъ это часто бываетъ, отдѣльный эпизодъ первоначальнаго обширнаго замысла разросся въ особое цѣлое произведеніе, — и вмѣсто біографіи Суворова у Пушкина написалась „Исторія Пугачевского бунта“.

Уже 8 мая *Н. В. Гоголь* съ восторгомъ сообщалъ въ

1) Доставлены были не все документы, просимые Пушкинымъ; слѣдственное дѣло о Пугачевѣ Пушкинъ читалъ уже *послѣ* напечатанія своей „Исторіи Пугачевского бунта“.

Москву М. П. Погодину (Письма, изд. В. И. Шенрокомъ, т. I, стр. 250, № 81): „Пушкинъ ужъ почти кончилъ *Исторію Пугачева*. Это будетъ единственное у насъ въ этомъ родѣ сочиненіе. Замѣчательна очень вся жизнь Пугачева. Интересу пропасть! Совершенный романъ!“ Впрочемъ, въ данномъ случаѣ Гоголь поспѣшилъ и упредилъ событія. Матеріалы къ написанію „Исторіи Пугачевского бунта“ были вполнѣ готовы у Пушкина только къ осени. Наряду съ научно-историческимъ изображеніемъ исторіи Пугачевщины, у Пушкина возникъ замыселъ нарисовать ту же эпоху и художественно — въ видѣ романа или повѣсти: то была „Капитанская дочка“¹⁾, написанная позднѣе, а именно, между 1834 и 1836 годами.

Для болѣе подробнаго и точнаго изложенія событій Пугачевщины требовалось Пушкину самому осмотрѣть тѣ мѣста, гдѣ они происходили. Въ этомъ направленіи онъ началъ хлопотать, добываясь себѣ отпуска въ Казань и Оренбургъ. Прошеніе о томъ, или письмо Пушкинъ представилъ Государю чрезъ шефа жандармовъ 22 іюля, а 29 іюля Управляющій III Отдѣленіемъ *А. Н. Мордвиновъ*, за отсутствіемъ самого шефа, графа *А. Х. Бенкендорфа*, уѣхавшаго въ свое знаменитое имѣніе *Фалль*²⁾, увѣдомилъ Пушкина, что Государю угодно знать, что побуждаетъ его къ поѣздкѣ, и по какой причинѣ хочетъ онъ „оставить занятія, здѣсь на него возложенныя“.

На другой же день, 30 іюля Пушкинъ прислалъ съ

1) См. Николай Лернеръ, „Труды и дни“, стр. 108. *П. О. Морозовъ* (т. VII изданія сочиненій Пушкина, стр. XII, хронологическій списокъ произведеній) указываетъ, что „Капитанская дочка“ окончена въ августѣ 1833-го года, а въ т. V, стр. 274, полагаетъ, что эта повѣсть была написана одновременно съ „Исторіею Пугачевского бунта“, какъ результатъ занятій Пушкина по составленію этой исторіи.

2) Видъ этого имѣнія, по картинѣ *Фрикке*, былъ помѣщенъ въ альманахѣ жандармскаго офицера *Владиславлева* „Утренняя Заря“ за 1843 г.

дачи на Черной рѣчкѣ отвѣтъ¹⁾). Любопытно, что въ этомъ отвѣтѣ А. Н. Мордвинову Пушкинъ мотивируетъ свою просьбу объ отпускѣ чисто матеріальными соображеніями. По его словамъ, онъ желалъ бы провести два мѣсяца въ совершенномъ *удиненіи*, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно имъ начатую, которая ему *доставитъ деньги*. „Мнѣ самому *совестно*“, признается поэтъ, „тратить время на *суетныя* занятія (NB поэзію!) — но что дѣлать? они одни доставляютъ мнѣ независимость и способъ прожить съ моимъ семействомъ въ Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря Государя, имѣютъ цѣль *болѣе важную и полезную*“. Въ деревнѣ онъ хочетъ дописать *романъ*, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани; вотъ почему ему бы хотѣлось посѣтить обѣ сіи губерніи (у Брюсова, № VII, стр. 21).

На это письмо, писанное „со всею искренностью“, Мордвиновъ, по порученію Бенкендорфа, 7 августа сообщилъ поэту, что Государь дозволяетъ ему ѣхать на четыре мѣсяца въ Оренбургъ и Казань. 11 августа поэтъ подалъ фформальное прошеніе, а 12-го ему уже былъ разрѣшенъ отпускъ дѣйствительно на четыре мѣсяца, и поэтъ могъ ѣхать туда, куда его влекли историческіе и художественные интересы.

18 августа Пушкинъ началъ свое путешествіе, изъ котораго возвратился въ Петербургъ на цѣлый мѣсяцъ ранѣе срока истеченія отпуска, т. е. не черезъ четыре, а черезъ три мѣсяца, не въ декабрѣ, а въ ноябрѣ того же года.

По дорогѣ въ Москву Пушкинъ заѣзжалъ еще въ стору, гостилъ у знакомыхъ и былъ, между прочимъ, въ

1) У Морозова (цитированное изданіе, т. VII, № 344, стр. 316) это письмо ошибочно отнесено, какъ адресованное къ самому Бенкендорфу, котораго уже не было въ городѣ. Та же ошибка повторена и у А. С. Арсатемскаго, „Пушкинъ въ Казани“, стр. 1.

имѣніи родныхъ своей жены, Гончаровыхъ, въ *Ярополць*¹⁾. Въ Москву онъ прибылъ только 25 августа и остановился въ домѣ Гончаровыхъ же, на Никитской. Здѣсь онъ оставался до 29 августа, когда выѣхалъ въ Нижній, куда онъ прибылъ 2 сентября. Изъ Нижняго поѣтъ поѣхалъ въ Казань, куда онъ рассчитывалъ (въ Москвѣ) прибыть еще около третьяго²⁾.

II.

Въ Казани Пушкинъ пробылъ всего около трехъ сутокъ. Но возстановить полную картину пребыванія поэта въ этомъ городѣ, какъ мы убѣдимся ниже, весьма затруднительно; это связано съ нѣкоторыми вопросами, не поддающимися окончательному рѣшенію.

Прежде всего дадимъ отчетъ о тѣхъ первоисточникахъ, какими мы располагаемъ по вопросу о пребываніи Пушкина въ Казани.

Оффиціальнѣйшій органъ, издававшійся тогда при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, „Прибавленіе къ Казанскому Вѣстнику“ о проѣздѣ Пушкина хранить полное молчаніе.

Главнымъ и надежнѣйшимъ источникомъ является воспоминаніе о Пушкинѣ мѣстной Казанской поэтессы Александры Андреевны *Фуксъ*.

1) Ярополць, Ераполецъ, или Казанское—большое село на рѣкѣ Ламѣ, въ 115 в. отъ Москвы по дорогѣ въ Зубцовъ, принадлежало графу Захару Григорьевичу *Чернышову*, славилось садами и великолѣпными постройками; Екатерина II не разъ посѣщала Чернышова въ его имѣніи. Ярополць былъ воспѣтъ Василиемъ Ивановичемъ *Майковымъ* (см. его „Сочиненія и переводы“, изд. 1867 г., стр. 516—519 и прим. на стр. 554) въ одѣ:

Градского шуму удался,
Пріемлю лиру я мою:
Во Ярополчѣ веселяся,
Пріятность онаго пою....

и т. д.

2) № 347, отъ 26 августа, стр. 320.

Мы не станемъ здѣсь останавливаться подробно на этой замѣчательной провинціальной дѣятельницѣ — потому, что нами написана о ней отдѣльная монографія, помѣщенная въ „Русской Старинѣ“ за истекшія 1904 годъ, въ іюньской и іюльской книжкахъ. Къ сожалѣнію, ея воспоминаніе о Пушкинѣ касается только одного дня, а именно 7 сентября.

Воспоминаніе г-жи Фуксъ представляетъ собою собственно письмо къ ея подругѣ, Еленѣ Николаевнѣ *Мандрыкиной*¹⁾, желавшей по поводу смерти Пушкина узнать подробности о личномъ знакомствѣ своей подруги съ великимъ поэтомъ. Это письмо г-жи Фуксъ къ Мандрыкиной вмѣстѣ съ подлинными письмами поэта къ г-жѣ Фуксъ было прочтено на одной изъ литературныхъ бесѣдъ (1 декабря 1843 года) въ домѣ г-жи Фуксъ, какія она устраивала въ Казани по зимамъ въ теченіе многихъ лѣтъ; тогда же это сообщеніе было напечатано въ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (за 1844 г., № 2).

Въ своемъ воспоминаніи поэтесса очень подробно и съ любовью *записала всѣ детали* знакомства съ поэтомъ 7 сентября 1833 г., когда она съ мужемъ принимала Пушкина въ своемъ домѣ; въ статьѣ приведены всѣ разговоры, какіе были съ нимъ тогда ведены. Но первая половина казанскаго пребыванія Пушкина, т. е. 6 сентября, въ воспоминаніи Фуксъ совершенно отсутствуетъ.

Кое въ чемъ дополняются свѣдѣнія г-жи Фуксъ тѣми письмами, какія поэтъ писалъ ей и своей женѣ. И тѣ, и другія вошли въ изданіе *П. О. Морозова*. Особенное значеніе имѣютъ теперь для насъ письма Пушкина къ женѣ изъ Казани отъ 8 сентября (№ 351, стр. 323), отъ 12 сен-

1) Эта младшая и незамужняя дочь Казанскаго начальника внутренней стражи, генерала Н. Я. Мандрыки, впоследствии поступила въ Богородицкій монастырь въ Свіяжскѣ, гдѣ постриглась подъ именемъ Есепри и скончалась монахиней.

тября изъ с. Языкова¹⁾, въ 65 верстахъ отъ Симбирска (№ 353, стр. 324—325) и перепечатанное изъ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ письмо къ А. А. Фуксъ изъ Казани отъ 8 сентября (№ 352, стр. 324).

Наконецъ, къ пребыванію А. С. Пушкина въ Казани относится еще особое оффиціальное дѣло, не содержащее, впрочемъ, никакихъ цѣнныхъ указаній. О немъ будетъ у насъ рѣчь ниже. Оно напечатано въ „Русской Старинѣ“ за 1882 г., въ январьской книжкѣ, т. 33, стр. 223—226.

На основаніи этихъ первоисточниковъ писались различныя справки и юбилейныя поминки. Такъ, къ столѣтней годовщинѣ рожденія нашего поэта казанскій профессоръ исторіи права (при Университетѣ) *Н. П. Загоскинъ* помѣстилъ о пребываніи Пушкина въ Казани статью въ майскомъ (*юбилейномъ*) номерѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1899 годъ.

Статья проф. Загоскина представляетъ собою, въ существенномъ, пересказъ воспоминанія г-жи Фуксъ съ нѣкоторыми собственными указаніями, не всегда, впрочемъ, надежными.

Къ тому же юбилею издалъ особую брошюру профессоръ русской литературы при томъ же Университетѣ *А. С. Архангельскій* подъ заглавіемъ: „А. С. Пушкинъ въ Казани (5—8 сентября 1833 года). Нѣсколько замѣтокъ о пребываніи А. С. Пушкина въ Казани съ присоединеніемъ относящихся къ этому литературныхъ матеріаловъ“²⁾ въ 8-ую долю.

Уже самое заглавіе брошюры показываетъ, что это есть нѣчто случайное, сборное, *mixtum compositum*, на-

1) А. С. Архангельскій (ор. cit., стр. 3) ошибочно считаетъ это письмо писаннымъ изъ *Симбирска*, тогда какъ изъ Симбирска писано письмо женѣ 14 сентября (№ 354, стр. 325).

2) Эту брошюру нужно отличать отъ другой брошюры того же автора, изданной въ Казани же и тогда же: „А. С. Пушкинъ, какъ писателъ народный“ (въ 12-ую долю листа).

скоро написанное. Въ брошюрѣ 67 стр., но текста всего 27 стр.; остальные 40 стр. заняты разнообразными „приложеніями“. Нѣкоторыя изъ этихъ приложений цѣнны; напр., перепечатано воспоминаніе г-жи Фуксъ. Но есть и вещи, рѣшительно неимѣющія никакого отношенія къ проѣзду Пушкина черезъ Казань: напр., 10 стр. заняты перепечаткою баллады Г. П. Каменева „Громвалъ“¹⁾. Каменевъ приходился г-жѣ Фуксъ дядею, и Пушкинъ, при свиданіи съ племянницею, хвалилъ ей стихи покойнаго ея дяди, но спеціально о „Громвалѣ“ ничего не говорилъ. И вдобавокъ перепечатанъ „Громвалъ“ съ небрежностію, никакъ непростительною для ученаго спеціалиста по русской словесности: на стр. 60 и 61 четырнадцать строфъ (56 стиховъ) совершенно перемѣшаны между собою, такъ что въ результатѣ получается полнѣйшая бессмыслица, которую читатель-неспециалистъ, пожалуй, припишетъ еще ни въ чемъ неповинному Каменеву, тогда какъ она всецѣло внесена отъ себя г. профессоромъ Архангельскимъ. Не говоримъ уже о томъ, что для перепечатки взятъ *не подлинный*, первый текстъ самого Каменева изъ „Періодическаго изданія“ Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, 1804 г., а текстъ, значительно передѣланный В. А. Жуковскимъ для его „Собранія образцовыхъ русскихъ сочиненій“. О передѣлкѣ каменевского текста г. Архангельскій, преимущественно работавшій по русской словесности надъ „твореніями святыхъ отцовъ“, пожалуй, могъ и не знать.

Въ „приложеніяхъ“ еще разъ приведены письма Пушкина къ г-жѣ Фуксъ, уже перепечатанныя въ Морозовскомъ изданіи. Но, перепечатавъ письма Пушкина къ Фуксъ, проф. Архангельскій почему то не перепечаталъ

1) Объ этомъ поэтѣ см. нашъ трудъ „Къ біографіи Гавріила Петровича Каменева“, Варшава. 1905.

двухъ сохранившихся отвѣтныхъ писемъ г-жи Фуксъ къ Пушкину, вошедшихъ въ Бартеневское изданіе „Бумаги А. С. Пушкина“, М. 1881, вып. I, стр. 21—22, отъ 20 января 1834 г. и отъ 24 мая 1836 г., и даже ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ этихъ письмахъ такъ, какъ будто о существованіи ихъ онъ совершенно не подозрѣваетъ.

Обратимся къ тексту брошюры. А. С. Архангельскій никогда не занимался казанскою исторіею и казанскими древностями. Поэтому онъ обратился за содѣйствіемъ къ извѣстному мѣстному знатоку казанской исторіи, Николаю Яковлевичу *Агафонову*, который предоставилъ въ распоряженіе профессора свой громаднй архивъ, обширную библіотеку *Casalpensis* и даже свои ненапечатанныя сочиненія (см. стр. 11). Въ большинствѣ случаевъ заимствованное у Н. Я. Агафонова или почерпнутое по его указанію изъ рѣдкихъ печатныхъ источниковъ того времени цѣнно; таковы свѣдѣнія о г-жѣ Фуксъ, объ Э. П. Перцовѣ, о состояніи тогдашней Казани (по „Губернскимъ Вѣдомостямъ“ и книгамъ тѣхъ годовъ). Собственныя библіографическія указанія проф. Архангельскаго, какъ мы уже видѣли выше, не всегда точны. Выводы его (напр., о мѣстѣ остановки Пушкина въ Казани) часто невѣрны.

Наконецъ, по одному частному вопросу (а именно, гдѣ въ Казани останавливался Пушкинъ) высказался уже въ печати пишущій эти строки (см. субботнее приложеніе къ газетѣ „Новое Время“ отъ 8 ноября 1903 г., № 9943, стр. 7—8). Разобравъ какъ мѣстное казанское преданіе, поддерживаемое проф. Н. П. Загоскинымъ, такъ и аргументы проф. А. С. Архангельскаго, и доказавъ несостоятельность всѣхъ этихъ мнѣній, мы привели отысканное нами свидѣтельство самого Пушкина и представили новую формулировку интересующаго насъ вопроса, о которой скажемъ и здѣсь нѣсколько словъ ниже.

III.

Первымъ вопросомъ изслѣдователя, приступающаго къ описанію пребыванія Пушкина въ Казани, является опредѣленіе момента времени, *когда* онъ прибылъ въ этотъ городъ.

Самъ поэтъ писалъ женѣ изъ Казани отъ 8 сентября: „Я здѣсь съ *пятого* и до сихъ поръ не имѣлъ время (*sic*) тебѣ написать слова“ (т. VII, стр. 323, № 351).

А. А. Фуксъ въ своемъ воспоминаніи сообщаетъ, что о пріѣздѣ Пушкина въ Казань она узнала отъ Е. А. Боратынскаго, пріѣхавшаго къ ней съ прощальнымъ визитомъ *шестого*. Далѣе, рассказывая, что ея мужъ познакомился съ Пушкинымъ *седьмого* утромъ, А. А. прибавляетъ, что Пушкинъ останавливался въ Казани на *одни сутки*. Изъ этого сопоставленія выходитъ какъ будто, что поэтъ прибылъ въ Казань не *пятого*, а *шестого*, и притомъ утромъ, ибо объ его пріѣздѣ А. А. узнала уже въ визитное время, т. е. послѣ полудня.

Наконецъ, по полицейскимъ свѣдѣніямъ въ вышеуказанномъ „дѣлѣ“, поэтъ прибылъ въ Казань тоже *шестого*, а не *пятого* сентября.

Такимъ образомъ, получается противорѣчіе: съ одной стороны, показаніе самого поэта полагаетъ днемъ его пріѣзда въ Казань *пятое* число; съ другой стороны, А. А. Фуксъ и полиція свидѣтельствуютъ о прибытіи его въ Казань не *пятого*, а *шестого* сентября.

Какъ примирить эти показанія между собою, или которое изъ нихъ положительно вѣрно, а которое неправильно?

Мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ показаніи поэта. Вдобавокъ, А. А. Фуксъ познакомилась вѣдь съ Пушкинымъ только наканунѣ его отъѣзда, т. е. *седьмого* вечеромъ, а при пріѣздѣ его не присутствовала

и судила со словъ Е. А. Боратынскаго, который могъ и не сказать ей точно, когда именно прїѣхалъ Пушкинъ, ограничившись лишь простымъ указаніемъ на самый фактъ прїѣзда; или же А. А. могла не понять Евгенія Абрамовича, а быть можетъ и не доспросила его прямо о моментѣ прїѣзда дорогого гостя.

Что касается свѣдѣній полиціи, то они оказываются весьма запоздалыми, ибо они помѣщены въ бумагахъ отъ 30 октября, т. е. болѣе, чѣмъ черезъ 1½ мѣсяца послѣ отъѣзда поэта изъ Казани.

Повидимому, примирить разногласящія показанія всего лучше такъ.

Въ письмѣ къ женѣ еще изъ Нижняго отъ 2 сентября (№ 350, стр. 323) поэтъ сообщаетъ, что онъ былъ у губернатора, генерала *Бутурлина*; онъ и жена его приняли Пушкина „очень мило и ласково“; поэта уговаривали обѣдать „завтра“ (т. е. 3 сентября) у нихъ. Такимъ образомъ, изъ Нижняго поэтъ могъ выѣхать самое раннее — послѣ губернаторскаго обѣда, 3 сентября, вечеромъ. Расстояніе между Казанью и Нижнимъ (550 верстъ) при безостановочной, быстрой ѣздѣ на перекладныхъ, безъ остановокъ и ожиданія лошадей, на бойкихъ коняхъ, при хорошемъ состояніи пути и благопріятной погодѣ¹⁾, поэтъ дѣйствительно могъ проѣхать въ двое съ лишкомъ сутокъ²⁾, а значить, и могъ прибыть въ Казань именно

1) Въ другомъ письмѣ къ женѣ изъ Нижняго отъ того же 2 сентября (№ 349, стр. 321) поэтъ восклицаетъ: „Что у насъ за *погода!* дни жаркіе, съ утра маленькіе *морозы*: роскошь! такъ ли у васъ?“ Хорошая дорога была и далѣе. „Надобно тебѣ знать“, пишетъ Пушкинъ женѣ уже изъ Болдина 2 октября (№ 356, стр. 327), „что нынѣшній годъ была всеобщая *засуха*, и что Богъ угодилъ на одного меня, уготовя мнѣ вездѣ прекраснѣйшую дорогу“.

2) Однако, изъ Москвы въ Нижній (расстояніе 410 в.) поэтъ „дотащился“ только на *пять* сутки, хотя дорога была „хороша“; но это потому, что на станціяхъ, особенно подъ Москвою смотрители не давали лошадей, несмотря на бумагу, взятую Пушкинымъ отъ самого московскаго почтъ-директора *Булакова* (№№ 349 и 350, стр. 321 — 323).

пятого очень поздно вечеромъ или уже въ ночь на шестое, почему казанцы могли отнести его приѣздъ уже къ слѣдующему дню, къ шестому числу. Наконецъ, нельзя не признать возможнымъ и того, что, прибывши въ Казань въ ночь съ пятого на шестое, поэтъ допустилъ обычную въ такихъ случаяхъ неточность обозначенія: еще не ложившись спать, считалъ день незаконченнымъ, т. е. все еще пятымъ сентября, тогда какъ астрономически послѣ 12 часовъ ночи уже началось шестое число.

IV.

Разсмотрѣвъ вопросъ о времени приѣзда поэта въ Казань, обратимся теперь ко второму вопросу, еще болѣе трудному, а именно, къ вопросу о мѣстѣ жительства А. С. Пушкина во время пребыванія его въ Казани.

Въ виду того, что этому вопросу была уже посвящена нами особая специальная статья, выше нами указанная, мы можемъ ограничиться здѣсь лишь приведеніемъ ея существеннаго содержанія и выводовъ.

Въ самой Казани на этотъ счетъ существовало преданіе, будто бы А. С. Пушкинъ останавливался у своего пріятеля (по Петербургу) Эраста Петровича *Перцова* въ его и его братьевъ домѣ, на углу Рыбнорядской и Малой Проломной улицъ. Домъ этотъ нынѣ принадлежитъ бакалейному торговцу, купцу *А. В. Афанасьеву*¹⁾, содержащему въ немъ одну изъ своихъ лавокъ.

Казанцы были такъ твердо убѣждены въ вѣрности этого преданія, что даже собирались въ 1887 и въ 1899 годахъ отъ лица Думы прикрѣпить къ дому мраморную доску съ соотвѣтствующею надписью, а кромѣ того, про-

1) Видѣ дома былъ приложенъ къ моей статьѣ.

легающую мимо дома Рыбнорядскую улицу намѣревались переименовать въ Пушкинскую.

Противъ этого преданія и основанныхъ на немъ предположеній неоднократно выступали, какъ прежнїй владѣлецъ дома, братъ Эраста Петровича, Петръ Петровичъ, такъ и сынъ послѣдняго, племянникъ пушкинскаго прїятеля, не только устно и письменно, но и въ печати¹⁾.

Ученымъ защитникомъ мѣстной легенды о перцовскомъ домѣ выступилъ проф. Н. П. Загоскинъ; противъ легенды высказался проф. А. С. Архангельскій.

Подробному анализу какъ самаго преданія, такъ и аргументовъ (въ его пользу) — Н. П. Загоскина и выводовъ А. С. Архангельскаго была посвящена моя статья. Вопросъ приходится теперь ставить совѣмъ иначе, благодаря указанному мною обстоятельству, неизвѣстному для писавшихъ прежде. Изъ Казани 8 сентября 1833 г. Пушкинъ выѣхалъ и 9 сентября былъ уже въ Симбирскѣ. Здѣсь у губернатора Пушкинъ видѣлся съ однимъ старымъ поволжскимъ литераторомъ, отставнымъ чиновникомъ Иваномъ Алексѣевичемъ *Второвымъ*, который объ этомъ своемъ свиданіи съ знаменитымъ поэтомъ сообщилъ письмомъ сыну, Николаю Ивановичу Второву, въ это время жившему въ Казани. Въ монографіи *М. Ѳ. Де-Пуле* объ И. А. Второвѣ „Отецъ и сынъ“ („Русскій Вѣстникъ“, т. 118, за 1875 г., августъ, стр. 610) приведенъ изъ этого письма отрывокъ, одна фраза котораго имѣетъ въ данномъ случаѣ особенную важность: „Пушкинъ сказывалъ мнѣ, что былъ въ Казани у Фукса и стоялъ вмѣстѣ съ *Боратынскимъ*“²⁾.

Теперь трудность вопроса состоитъ уже въ томъ, чтобы опредѣлить, гдѣ же „стоялъ“ *Боратынскій* въ это

1) Въ мѣстномъ органѣ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ за 1899 г.

2) А проф. Архангельскій все старался доказать, что Пушкинъ жилъ „во всякомъ случаѣ“ не у *Боратынскаго* (стр. 18 — 19).

время, и гдѣ онъ обыкновенно останавливался, когда жила въ Казани.

Старшій сынъ извѣстнаго поэта, донинѣ еще здравствующій, Левъ Евгениевичъ Боратынскій любезно объяснилъ намъ, что его отецъ, бывая въ Казани, неподалеку отъ которой было расположено имѣніе его тестя, Льва Николаевича *Энгельгардта*, останавливался въ домѣ тестя; этотъ домъ стоялъ гдѣ-то на Грузинской улицѣ и теперь болѣе не существуетъ.

Наши собственные попытки и поиски въ городскомъ архивѣ, по нашей просьбѣ любезно произведенные городскимъ архивариусомъ и библіотекаремъ городской публичной библіотеки *А. И. Войцеховскимъ*, не дали никакихъ результатовъ, — и опредѣлить мѣстоположеніе дома Энгельгардта на Грузинской улицѣ намъ не удалось.

Итакъ, намъ одно только извѣстно положительно вѣрно, что Пушкинъ въ Казани жилъ вмѣстѣ съ Боратынскимъ, но было ли то въ домѣ Энгельгардта, или въ какомъ другомъ домѣ, или, наконецъ, въ какой-нибудь гостинницѣ, мы не знаемъ. Выраженіе Второва и Пушкина „стоялъ“ можетъ относиться и къ гостинницѣ. Если Боратынскій на этотъ разъ самъ останавливался въ домѣ Энгельгардта, то Пушкинъ, зная мѣсто его остановки, могъ проѣхать туда прямо съ дороги. Но вполне возможно и такое предположеніе, что Пушкинъ, по пріѣздѣ въ Казань, сначала остановился въ гостинницѣ, какъ останавливался, повидимому, въ гостинницахъ и въ Нижнемъ, и въ Симбирскѣ, а потомъ уже, на другой день, т. е. шестого поутру, какъ-либо узнавъ, что Боратынскій въ Казани, перебрался на житье къ нему, Боратынскій же, дѣлая послѣ этого въ тотъ самый день прощальный визитъ А. А. Фуксъ, сообщилъ ей о пріѣздѣ Пушкина; вотъ почему, можетъ быть, пріѣздъ Пушкина и начали считать съ шестого, т. е. со дня его переселенія къ Боратынскому.

Возможно, наконецъ, что Пушкинъ и случайно остано-вился въ той же гостинницѣ, гдѣ уже стоялъ Боратын-скій.

Замѣтимъ, что Пушкинъ врядь-ли могъ рассчитывать застать Боратынскаго въ Казани. Еще въ письмѣ къ Ивану Васильевичу *Кирѣевскому* отъ 4 августа 1833 г. (Татевскій Сборникъ *С. А. Рачинскаго*, 1899, № 40, стр. 49) Е. А. Боратынскій даетъ ему свой адресъ такъ: „Тамбовской губерніи въ *Кирсановѣ*“; слѣдовательно, онъ рассчитывалъ пробыть въ материномъ имѣніи *Вязьмѣ*, по крайней мѣрѣ, еще двѣ недѣли. При медленности тог-дашней почты онъ едва-ли получилъ бы отвѣтъ отъ И. В. Кирѣевскаго изъ Москвы ранѣе. Отъ 15 октября 1833 г. (тамъ же, № 41, стр. 51) онъ сообщаетъ Кирѣевскому, повидимому, изъ того же тамбовскаго имѣнія: „у насъ совершенный голодъ“. Въ промежутокъ между этими двумя письмами Е. А. Боратынскій успѣлъ *побывать* въ Казани и тамъ повидался съ Пушкинымъ¹⁾. Поѣздка Бо-ратынскаго въ Казань, кажется, произошла въ концѣ ав-густа мѣсяца и носила, надо полагать, для самого Бо-ратынскаго характеръ непредвидѣнной, спѣшной, неотлож-ной и дѣловой.

Мы не можемъ опредѣлить, когда Е. А. Боратынскій прибылъ въ Казань, гдѣ онъ тутъ жилъ, и долго ли тамъ пробылъ. Несомнѣнно, онъ прибылъ ранѣе Пушкина, ибо къ его пріѣзду онъ уже собирался уѣзжать и, сообщая г-жѣ Фуксъ о появлении Пушкина въ Казани, дѣлалъ ей визитъ pour prendre congé. Притомъ, этотъ отъѣздъ его былъ обратно въ Вязлю, ибо, если бы онъ уѣзжалъ только въ имѣніе тестя, въ Каймары, за 20 верстъ отъ Казани,

1) Поэтому совершенно ложно мнѣніе проф. *Архангельскаго* (стр. 12): „Боратынскій около этого времени (?) и жилъ въ Казани: здѣсь жилъ его тесть и ближайшіе родные.“ Именно „около этого времени“ они и не жили ни въ Казани, ни въ Каймарахъ, а Е. А. былъ въ Казани наѣздомъ.

то А. А. Фуксъ не имѣла бы повода „грустить“ объ этой разлукѣ. Съ Боратынскимъ и съ его тестемъ, Л. Н. Энгельгардтомъ А. А. Фуксъ (см. нашу монографію объ ней, стр. 509) видѣлась въ Москвѣ въ январѣ того же 1833-го года; какъ видно изъ ея писемъ къ мужу, она не одинъ разъ была въ Москвѣ въ домѣ Боратынскихъ, гдѣ познакомилась съ Кирѣевскимъ и Хомяковымъ.

Какъ мы увидимъ ниже, Е. А. Боратынскій, простившись шестого съ А. А. Фуксъ окончательно, не уѣхалъ седьмого утромъ прямо въ Вязлю, но воспользовался еще этимъ днемъ, чтобы предварительно съѣздить въ Каймары и восьмого утромъ рано былъ въ Казани на проводахъ Пушкина.

Пріѣздъ Пушкина обрадовалъ Е. А. Боратынскаго. Къ г-жѣ Фуксъ онъ „вошелъ въ комнату съ такимъ веселымъ лицомъ, что ей стало даже *«досадно»*, и она „приготовилась было сдѣлать ему упрекъ за такой равнодушный прощальный визитъ“. Эта, еще не успѣвшая остыть радость указываетъ, что Боратынскій свидѣлся съ Пушкинымъ не наканунѣ, а только-что, т. е. не пятого вечеромъ, а шестого утромъ.

V.

Допуская, что Пушкинъ прибылъ въ Казань пятого сентября поздно вечеромъ или же въ ночь съ пятого на шестое, надобно предположить, что послѣ отдыха съ дороги Пушкинъ первую половину дня шестого сентября употребилъ на то, чтобы розыскать Боратынскаго (если онъ не вѣхалъ къ нему прямо) и на то, чтобы сдѣлать нѣкоторые оффиціальныя визиты, напр., губернатору, каковымъ тогда (съ 1832 по 1841 г.) былъ въ Казани

генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ Степанъ Степановичъ *Стрекаловъ*¹⁾.

Помощь губернаторовъ была для Пушкина необходимою въ видахъ большей успѣшности при достиженіи его цѣлей—осмотра замѣчательныхъ мѣстностей и зданій, игравшихъ ту или другую роль во время Пугачевщины. И въ другихъ городахъ Пушкинъ посѣщалъ губернаторовъ: такъ, въ Нижнемъ, какъ мы видѣли, онъ даже отобѣдалъ у губернатора Бутурлина; и въ Симбирскѣ (см. его письмо къ женѣ, № 353, стр. 325, отъ 12 сентября изъ села Языкова, въ 65 верстахъ отъ Симбирска) онъ рассчитывалъ: „сегодня ѣду въ Симбирскъ, *отобѣдаю у губернатора*, а вечеромъ отправлюсь въ Оренбургъ, послѣдняя (sic) цѣль моего путешествія“. Пришлось ли ему пообѣдать у казанскаго губернатора С. С. Стрекалова, мы не знаемъ. Если губернаторъ его приглашалъ къ обѣду²⁾, то этотъ обѣдъ могъ имѣть мѣсто только шестого сентября, потому что седьмого Пушкинъ обѣдалъ у Э. П. Перцова.

1) Губернаторъ этотъ оставилъ по себѣ добрую память въ Казани, какъ человѣкъ гостепріимный и общительный; по отношенію къ самому городу ознаменовалось его губернаторство усиленнымъ мощеніемъ улицъ. Въ то время на самыхъ бойкихъ улицахъ, какъ, напр., на Большой Проломной, бывала такая грязь, особенно по осени, что, случалось, не могли вытащить изъ нея увязнувшихъ тарантасовъ и оставляли ихъ *зимовать* посреди улицъ!

2) По своему гостепріимству Стрекаловъ легко могъ пригласить Пушкина. Если онъ этого не сдѣлалъ, то развѣ по соображеніямъ политическаго характера. Стрекаловъ былъ губернаторомъ въ Тифлисѣ, когда въ 1829 г. тамъ проѣзжалъ Пушкинъ, состоявшій подъ полицейскимъ надзоромъ, о чемъ, какъ увидимъ ниже, у губернатора тогда была и переписка. Хотя въ Казани въ то время еще *не знали* (см. ниже), что надзоръ продолжается, но по старой памяти Пушкинъ могъ казаться Стрекалову человѣкомъ опаснымъ. Вѣроятно, приглашенія Пушкину не было; по крайней мѣрѣ, поэтъ ничего не упоминаетъ объ этомъ обѣдѣ въ письмахъ къ женѣ, тогда какъ обѣды у другихъ губернаторовъ отмѣчались имъ.

Что дѣлалъ Пушкинъ шестого сентября вечеромъ, мы не знаемъ. Вѣроятно, онъ провелъ его въ обществѣ своего стараго друга, Е. А. Боратынскаго.

VI.

Утромъ седьмого сентября Карлъ Федоровичъ Фуксъ, мужъ писательницы, пріѣхалъ провожать Боратынскаго; вѣроятно, онъ думалъ, что Боратынскій уѣзжаетъ совсѣмъ; но Боратынскій ѣхалъ еще только въ подгородное имѣніе Каймары. На проводахъ Евгенія Абрамовича былъ, разумѣется, и жившій съ нимъ Пушкинъ. Еще наканунѣ, шестого, Боратынскій предупредилъ Александру Андреевну о желаніи Пушкина видѣть обоихъ супруговъ, при чемъ „такая неожиданная и радостная вѣсть“ заставила г-жу Фуксъ „проститься съ Боратынскимъ гораздо равнодушнѣе, нежели какъ бывало прежде“. Здѣсь, въ этомъ домѣ, откуда уѣзжалъ Боратынскій, К. Фуксъ впервые увидѣлъ гениальнаго поэта и познакомился съ нимъ. По свидѣтельству г-жи Фуксъ, судившей со словъ своего мужа, К. Фуксъ и А. С. Пушкинъ чрезъ полчаса уже чувствовали себя такъ хорошо знакомыми, какъ бы они уже давно жили вмѣстѣ.

Знакомство съ Фуксомъ было для Пушкина очень важно. Фуксъ, хотя по происхожденію и былъ заграничный нѣмецъ, считался въ то время уже казанскимъ старожиломъ, былъ, при томъ, чуть ли не единственный въ то время знатокъ края, глубоко и всесторонне изучившій его исторію, этнографію и статистику и, въ добавокъ къ тому, какъ медикъ съ огромною практикой, зналъ въ Казани всѣхъ и все, не исключая татаръ и старообрядцевъ. И собственными знаніями, и черезъ своихъ знакомыхъ онъ могъ быть въ высшей степени полезенъ Пуш-

кину въ дѣлѣ собранія матеріаловъ о Пугачевщинѣ. Къ Фуксу направляли всѣхъ проѣзжихъ путешественниковъ, изучавшихъ край въ томъ или другомъ отношеніи; у Фукса были за свѣдѣніями и справками проѣзжавшіе чрезъ Казань баронъ Александръ фонъ *Гумбольдтъ*¹⁾, баронъ Августъ *Гакстаузенъ*, французъ-ориенталистъ *Лябатъ*, министръ *П. Д. Киселевъ*, *М. М. Сперанскій*. Послѣдній такъ отозвался о Фуксѣ: „Фуксъ — *чудо!*..... Многообразность его познаній. Страсть и знаніе татарскихъ медалей. Знанія его въ татарскомъ и арабскомъ языкѣ. Благочестивый и нравственный человѣкъ. Большое его вліяніе на татаръ по медицинѣ“²⁾.

Въ Казанскомъ университетѣ К. Ѳ. Фуксъ служилъ съ 1805 г., сначала въ качествѣ профессора естественной исторіи и ботаники, а съ 1818 г.—профессора терапіи, патологіи и клиники. Фуксъ имѣлъ большое вліяніе на студентовъ³⁾. И начальство цѣнило Фукса: неоднократно онъ былъ ректоромъ университета. Послѣдніе годы его службы были омрачены различными непріятностями, возникшими вслѣдствіе слабости его характера передъ попечителемъ *М. Л. Магницкимъ*⁴⁾, при которомъ Фуксъ былъ ректоромъ. Паденіе Магницкаго запутало служеб-

1) О пребываніи Гумбольдта въ Казани см. мою спеціальную статью въ сборникѣ „Поволжье“, 1903 года.

2) У *Корфа*, Жизнь графа Сперанскаго, т. II, стр. 190. Сперанскій былъ въ Казани проѣздомъ въ Сибирь, 10 — 13 мая 1819 г. Ранѣе того, 18 сентября 1812 г. его провезли черезъ Казань въ ссылку въ Пермь.

3) См., напр., въ воспоминаніяхъ *С. Т. Аксакова*.

4) Фуксъ сильно запачкалъ себя угодничествомъ Магницкому: для него онъ и сочинялъ „Инструкціи“ преподавателямъ (въ 1822 г.), и предлагалъ Аракчеева въ почетные члены Университета (въ 1824 г.), и предсѣдательствовалъ въ Комитетѣ по скандальному дѣлу объ изгнаніи профессора *Жобара*; при этомъ сбывъ Университету въ 1825 г. за 12 тысячъ рублей свое собраніе восточныхъ монетъ и прикрывалъ казнокрадство Магницкаго. По удаленіи послѣдняго, Фуксу въ присутствіи Совѣта былъ объявленъ (вмѣстѣ съ Правленіемъ) выговоръ министра за самовольныя и въ ущербъ казнѣ дѣйствія по денежнымъ счетамъ съ Магницкимъ.

няя дѣла Фукса. Незадолго до прїѣзда Пушкина въ Казань, Фуксъ, только-что (6 мая 1833 г.) получившій званіе заслуженнаго ординарнаго профессора, уже 1 іюля того же 1833 года вышелъ въ чистую отставку изъ университетской службы, оскорбленный тѣми условіями, на которыхъ ему предложено было продолжать служить, чего онъ еще хотѣлъ¹⁾. Не покидая науки и медицинской практики, К. О. скончался въ Казани 24 апрѣля 1846 г., въ возрастѣ 69 лѣтъ²⁾.

Къ прїѣзду Пушкина К. О. уже два мѣсяца не былъ профессоромъ и не принадлежалъ болѣе университету.

Александра Андреевна Фуксъ сама втайнѣ сознавала, что, вѣроятно, Пушкинъ хотѣлъ собственно познакомиться съ ея мужемъ, а не съ нею³⁾. Разумѣется, при состоявшемся знакомствѣ съ мужемъ, Пушкинъ долженъ былъ представиться и его женѣ. Но дѣло обошлось безъ визита: Пушкина прямо пригласили въ тотъ же день къ Фуксамъ на вечеръ, какъ въ свое время (23 и 27 мая 1829 г.) проводилъ у Фуксовъ вечера всемірно-извѣст-

1) Такимъ образомъ, совершенно невѣрно утверженіе А. С. Архангельскаго, будто бы К. О. Фуксъ (стр. 7) „прожилъ въ Казани съ 1805 г.“ *исключительно на службу* въ Казанскомъ университетѣ *всю свою жизнь* († 1846 г.)“ На самомъ дѣлѣ К. О. Фуксъ послѣ увольненія прожилъ въ Казани 13 лѣтъ и умеръ въ отставкѣ. Невѣрно и то, что онъ прїѣхалъ „въ Россію въ самой ранней своей молодости“ — это — 24 лѣтъ! И въ Университетѣ онъ служилъ вовсе не съ самаго его основанія: первый профессоръ, Петръ-Даніель-Фридрихъ *Цеплинъ* былъ назначенъ 21 января 1805 г., а К. О. Фуксъ былъ назначенъ черезъ 7½ мѣсяцевъ — уже седьмымъ по счету — 4 сентября того же года.

2) Память его почтена казанцами устройствомъ особаго „Фуксовскаго садика“ на берегу рѣки Казанки. Рядомъ съ садикомъ — мѣсто для свалки нечистотъ, зимній запасъ которыхъ по веснѣ свергается съ крутого берега въ рѣку, во время ледохода.

3) „Пушкинъ зналъ, что въ Казани мой *мужъ*, какъ старожилъ, постоянно занимавшійся изслѣдованіемъ здѣшняго края, всего болѣе могъ удовлетворить его желанію и потому, можетъ быть, и желалъ *съ нами* (sic) познакомиться“.

ный путешественникъ Гумбольдтъ¹⁾). Вечеръ у Пушкина былъ вполне свободенъ, потому что его сожителя, Е. А. Боратынскаго, не было въ городѣ. На другое утро, восьмого сентября, рано, еще до свѣту, Пушкинъ собирался уже ѣхать изъ Казани черезъ Симбирскъ на Оренбургъ.

Знакомство съ К. О. Фуксомъ Пушкинъ цѣнилъ высоко. Въ письмѣ къ женѣ (№ 353, стр. 325) онъ называетъ Фукса „умный и ученый нѣмецъ.... одолжилъ меня *очень*, и я *радъ*, что съ нимъ познакомился“. Въ „Исторіи Пугачевского бунта“, приводя разсказъ о казанскомъ лютеранскомъ пасторѣ, котораго Пугачевъ пожаловалъ въ полковники²⁾ и взялъ съ собою (Морозовское изданіе, т. VI, стр. 62), онъ въ „примѣчаніи къ главѣ седьмой“, № 112, стр. 109 отмѣчаетъ: „Слышано мною отъ К. О. Фукса, доктора и профессора медицины при Казанскомъ университетѣ (NB бывшаго!), человекъ столь же *ученаго*, какъ и любезнаго и снисходительнаго. Ему *обязанъ* я *многими* любопытными свѣдѣніями касательно эпохи и *стороны*, здѣсь описанныхъ“.

Проводивъ Е. А. Боратынскаго въ его недалній путь, Пушкинъ одинъ, тройкою на дрожкахъ поѣхалъ тоже за городъ, по Сибирскому тракту, за 10 верстъ отъ города къ такъ называемой *Троицкой* мельницѣ, гдѣ, послѣ удачнаго сраженія 10 іюля 1774 г. съ Казанскимъ коннымъ легиономъ подъ командою полковника *Толстого*, Пугачевъ 11 іюля расположился лагеремъ передъ окончательнымъ штурмомъ Казани. Отъ Троицкой мельницы Пушкинъ поѣхалъ назадъ, къ городу и объѣхалъ еще существовавшее тогда *Арское поле*³⁾, откуда 12 іюля Пугачевъ штурмовалъ Казань. Оборонительныя дружины

1) См. нашу монографію о Гумбольдтѣ, стр. 11 и 13.

2) За старое добро: когда Пугачевъ былъ еще колодникомъ въ Казани, пасторъ подавалъ ему милостыню.

3) Теперь оно сплошь застроено.

были смяты и остатки ихъ вмѣстѣ съ жителями укрылись въ крѣпости. Здѣсь казанцы и отсидѣлись отъ Пугачева, который обстрѣливалъ стѣны крѣпости и помѣщающійся въ нихъ *Спаскій* монастырь изъ пушекъ, поставленныхъ у трактира на углу Гостиннаго двора и въ Казанскомъ монастырѣ. Съ Арскаго поля Пушкинъ проѣхалъ въ крѣпость и обошелъ ее кругомъ. Затѣмъ онъ возвратился къ себѣ *домой*, т. е. въ тотъ домъ, гдѣ онъ „стоялъ“ вмѣстѣ съ Е. А. Боратынскимъ, уѣхавшимъ теперь въ Каймары, и до двухъ часовъ оставался тамъ, писалъ, очевидно, перенося на бумагу видѣнное и слышанное имъ; писемъ въ этотъ день онъ не писалъ, даже женѣ. Послѣ двухъ часовъ онъ поѣхалъ на обѣдъ къ Эрасту Петровичу Перцову¹⁾. Обѣдъ былъ званый; по крайней мѣрѣ, тутъ же обѣдалъ съ Пушкинымъ и К. О. Фуксъ. Боратынскаго, по случаю его отъѣзда, конечно, не было.

VII.

Въ шесть часовъ вечера Александрѣ Андреевнѣ Фуксъ доложили о Пушкинѣ. Поэтесса встрѣтила его въ залѣ. Пушкинъ подошелъ къ ней и, взявъ ее дружески за руку, ласково промолвилъ ей: „Намъ не нужно съ

1) О Перцовѣ, другѣ Александры Андреевны Фуксъ, см. въ нашей монографіи, стр. 5—8 и статью *В. Л. Модзалевскаго* въ „Русскомъ Біографич. Словарѣ“, С.-Пб. 1902, стр. 582—583. По поводу этого обѣда проф. А. С. Архангельскій вѣдаетъ въ хитрую аргументацію, не совѣмъ понятную (стр. 21): „Указаніе, что Пушкинъ былъ знакомъ съ Перцовымъ еще въ Петербургѣ, дѣлается госпожею Фуксъ едва ли не съ задней мыслью объяснить своей подругѣ, къ которой написано письмо, — почему Пушкинъ обѣдалъ именно у Перцова, а не у ней, казанской поэтессы, съ которой такъ тепло и сердечно, судя по ея же письму, *сошелся* Пушкинъ въ мимолетный проѣздъ свой черезъ Казань“. Да въ томъ то и дѣло, что Пушкинъ и „сошелся“, и вообще познакомился съ г-жею Фуксъ именно *послѣ* перцовскаго обѣда, на который онъ, вѣроятно, былъ приглашенъ ранѣе; къ Фуксамъ же его звали *на вечеръ* того же дня.

Вами рекомендоваться: Музы насъ познакомили заочно, а Боратынскій еще болѣе“. Съ Карломъ Ѳедоровичемъ Пушкинъ встрѣтился, какъ короткій знакомый.

Хозяева и знаменитый гость сѣли въ гостиной. Завязался разговоръ о Пугачевѣ. Хозяйкъ дома казалось неловкимъ вмѣшиваться въ эту спеціальную бесѣду; при томъ, очевидно, присутствіе знаменитости ее, какъ провинціалку, стѣсняло, и она робѣла. Какъ водится, подали чай.

Отпивши чай, К. Ѳ. Фуксъ повезъ Пушкина къ казанскому старожилу, купцу первой гильдіи, Леонтію Филипповичу *Крупеникову* (1757 — 1836), который семнадцатилѣтнимъ юношей былъ самъ изъ Казани захваченъ пугачевцами въ плѣнъ и уведенъ изъ города, а поэтому, какъ очевидецъ, могъ сообщить Пушкину немало любопытнаго. Л. Ф. Крупениковъ въ свое время игралъ среди казанскаго купечества видную роль и съ 1809 по 1811 г. былъ казанскимъ городскимъ головою. Сынъ его, Алексѣй Леонтьевичъ, принадлежалъ къ кружку *С. А. Москотильникова*¹⁾ и былъ другомъ казанскаго купца-поэта, Г. П. Каменева.

У Крупеникова Фуксъ и Пушкинъ пробыли часа полтора, а потомъ опять вернулись къ Фуксамъ.

Домъ, гдѣ принимали Фуксы Пушкина, принадлежалъ Карлу Ѳедоровичу, а нынѣ находится во владѣніи купца *Ерлыкина* (на углу Сѣнной площади и Владимирской улицы); внѣшній видъ его передѣланъ — убранъ увѣнчивавшій домъ большой куполь.

У подъѣзда дома Фуковъ Пушкинъ сталъ благодарить Карла Ѳедоровича, говоря ему: „Какъ Вы добры, К. Ѳ., какъ дружелюбно и привѣтливо принимаете насъ, путешественниковъ. Для чего Вы это дѣлаете? Вы те-

1) О кружкѣ Москотильникова см. въ нашей книгѣ о Каменевѣ.

ряете Вашу привѣтливость *понапрасну*: Вамъ изъ насъ *никто* (sic) этимъ не заплатитъ. Мы такъ не поступаемъ, мы въ Петербургѣ живемъ только для себя“ — и, окончивъ говорить, сжалъ руку добраго нѣмца, при чемъ своими щегольскими полувершковыми ногтями оставилъ на ней слѣды, не сходившіе нѣсколько дней¹⁾).

По возвращеніи домой за Фуксомъ прислалъ одинъ больной. Ради рѣдкаго гостя Фуксъ хотѣлъ-было измѣнить своему всегдашнему обычаю и не ѣхать къ паціенту, но Пушкинъ заставилъ его отправиться. Оставшіе съ Пушкинымъ наединѣ, поэтесса, по ея словамъ, не была довольна и чувствовала смущеніе.

Замѣтивъ смущеніе хозяйки, поэтъ удвоилъ свою любезность и перешелъ на тему, болѣе интересную для обоихъ ихъ, чѣмъ Пугачевъ, а именно на литературу. Усѣлись въ кабинетъ Александры Андреевны. Пушкинъ просилъ хозяйку показать стихи, написанные въ ея честь *Е. А. Боратынскимъ, Н. М. Языковымъ и Д. П. Ознобишинымъ*, прочелъ ихъ самъ всѣ вслухъ и очень хвалилъ стихотвореніе Языкова, дѣйствительно, вдохновенное. Это — пьеса, начинающаяся стихами:

Завиденъ жребій Вашъ. . . .

Отъ чужихъ сочиненій перешли къ собственнымъ стихамъ хозяйки дома. Пушкинъ просилъ ее прочесть стихи своего сочиненія, и та прочла ему юмористическую сказку „Женихъ“.

Сюжетъ этой пьесы состоитъ въ томъ, что женихъ, будучи израненъ и обезображенъ на войнѣ, по возвращеніи домой перестаетъ нравиться своей капризной невѣстѣ. Невѣста притворно расхварывается, не хочетъ болѣе выходить за него замужъ — и въ концѣ концовъ

1) По этимъ ногтямъ одна старуха, уральская казачка, которую Пушкинъ разспрашивалъ о Пугачевѣ, приняла поэта за *чорта* съ ногтями.

жениху объявляютъ-таки отказъ, который тотъ и выносить твердо, „безъ приключеній и романическихъ притворныхъ огорченій“; авторъ совѣтуетъ и всѣмъ брать такой конецъ за образецъ.

Пушкинъ распалился и, внутренно потѣшаясь надъ хозяйкою (какъ мы увидимъ ниже), нѣсколько разъ останавливалъ ея чтеніе похвалами; иные стихи заставлялъ повторять или перечитывать самъ.

Въ теченіе дальнѣйшаго разговора Пушкинъ интересовался семействомъ *Апектиныхъ*, изъ котораго происходила Александра Андреевна, спрашивалъ ее, гдѣ она училась, кто были ея учителя, потомъ сталъ рассказывать о Петербургѣ, о тамошней разсѣянной жизни и нѣсколько разъ самъ *приглашалъ* поэтессу пріѣхать туда: „Пріѣзжайте, пожалуйста, пріѣзжайте“, упрашивалъ Пушкинъ довѣрчивую провинціалку, распустившую уши отъ похвалъ великаго поэта; „я познакомлю съ Вами жену мою. Повѣрьте, мы будемъ умѣть отвѣчать Вамъ на *казанскую* привѣтливость *не* петербургскою благодарностью“.

Пушкинъ разошелся и началъ откровенно и подробно говорить о духѣ современности, объ его вліяніи на литературу, о русскихъ писателяхъ и поэтахъ, о каждомъ сказалъ свое мнѣніе и заключилъ бесѣду просьбою о молчаніи, называя „сегодняшній вечеръ“ своею „исповѣдью“.

VIII.

Въ такихъ разговорахъ прошло время до 10 часовъ вечера. Тутъ пріѣхалъ Карлъ Ѳедоровичъ, привезшій съ собою всегдашняго друга своего дома и пушкинскаго пріятели Э. П. Перцова. Они поддержали литературный разговоръ. Пушкинъ, говоря о русскихъ поэтахъ, пере-

шелъ къ мѣстному казанскому поэту Гавріилу Петровичу Каменеву, который приходился г-жѣ Фуксъ по ея матери, Аннѣ Петровнѣ, роднымъ дядею¹⁾), очень хвалилъ его, нарочно возвращался въ кабинетъ хозяйки полюбоваться его портретомъ и, посмотрѣвъ на него нѣсколько минутъ, сказалъ: „Этотъ человѣкъ достоинъ былъ уваженія: онъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма. Мы, *русскіе романтики*, должны принести должную дань его памяти: этотъ человѣкъ много бы сдѣлалъ, ежели бы не умеръ такъ рано“. Пушкинъ просилъ г-жу Фуксъ собрать о Каменевѣ всѣ свѣдѣнія, какія сохранились, и обѣщался самъ написать его біографію. Этого обѣщанія Пушкинъ, впрочемъ, какъ извѣстно, не сдержалъ.

Безъ отговорокъ Пушкинъ остался отужинать у радушныхъ хозяевъ и за столомъ самъ сѣлъ подлѣ Александры Андреевны. Разговоръ пошелъ объ очень модной тогда темѣ — *магнетизмъ*.

Всякому понятно, что, если въ обществѣ дамы заговорили о магнетизмѣ, то дѣло шло не объ инклинаціяхъ магнитной стрѣлки²⁾). Однако, А. С. Архангельскій считаетъ нужнымъ (стр. 15) приводить лично ему сообщенное „авторитетное“ мнѣніе своего университетскаго коллеги, проф. Л. О. Даркшевича, что разговоръ несомнѣнно шелъ о животномъ магнетизмѣ или месмеризмѣ. Впрочемъ, и г. Даркшевичъ сильно ошибается, уподобляя тогдашнихъ магнетизеровъ нынѣшнимъ „профессорамъ“ черной магіи и увѣряя, будто бы въ тридцатые года магнетизмъ демонстрировался, главнымъ образомъ, публикѣ со сцены. Проф. медицины Л. О. Даркшевичъ.

1) О Г. П. Каменевѣ см. мою юбилейную статью въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1903 г., августъ: „Первый русскій романтикъ“, въ III т. моего труда „Литература и просвѣщеніе“, гдѣ сдѣланъ полный сводъ всего извѣстнаго о Г. П. Каменевѣ, и выше названную мою книгу — мануграфію о Каменевѣ.

2) Которыми такъ интересовался А. Гумбольдтъ

совершенно забываетъ о широкомъ распространеніи магнетизма въ ту эпоху именно въ медицинскоѣ области, забываетъ о частомъ въ это время примѣненіи магнетотерапіи со стороны многихъ блестящихъ представителей германскоѣ университетскоѣ науки, при чемъ и у насъ, въ русскоѣ ученоѣ литературѣ явился ревностный защитникъ этого метода лѣченія, профессоръ Медицинскоѣ академіи и философъ *Д. М. Велланскій*, сначала выпустившій въ 1818 г., въ переработкѣ, сочиненіе о лѣчебномъ дѣйствиіи магнетизма нѣмецкаго профессора-медика *Клуге*¹⁾, а потомъ и составившій обширный трудъ собственный²⁾, къ сожалѣнію, въ 1840 г. не разрѣшенный цензурою къ печати³⁾. Послѣ „авторитетнаго“ мнѣнія г. Даркшевича по исторіи медицины, А. С. Архангельскій приводитъ и собственное мнѣніе изъ области физики: „что касается до „магнетизма“ въ чистомъ видѣ (?), какъ это (?) понимается въ настоящее время въ физикѣ, то

1) „Животный магнетизмъ. Представленный въ историческомъ, практическомъ и еоретическомъ содержаніи“, С.-Пб. 1818 (III-я часть — еорія — прибавлена самимъ Велланскимъ).

2) Двухтомная рукопись этого труда, считавшаяся утраченною, разскана мною. См. мое сочиненіе „Философія въ Россіи“, т. III, стр. 1—54: „Труды Д. М. Велланскаго по животному магнетизму“, гдѣ приведены у меня и отрывки изъ неизданнаго сочиненія Велланскаго, и подробныя свѣдѣнія о жизни и научной дѣятельности, какъ Клуге, такъ и Кизера, главнѣйшихъ представителей этого направленія въ Германіи. И А. С. Архангельскому, и Л. О. Даркшевичу, какъ казанскимъ профессорамъ, означенные факты могли бы быть извѣстны, такъ какъ мое сочиненіе печаталось какъ разъ въ то же время въ Казанскихъ „Ученыхъ Запискахъ“, гдѣ и когда появилась брошюра проф. Архангельскаго о „Пушкинѣ въ Казани“.

3) Полное заглавіе рукописи: „Животный магнетизмъ, или теллюризмъ, какъ обща магнитная сила земли, дѣйствующая въ организмѣ человѣческомъ и во всѣхъ живыхъ существахъ и бездушныхъ веществахъ. Физиологическое и врачебное сочиненіе, воздѣланное по вѣрнѣйшимъ практическимъ наблюденіямъ и основательнѣйшему теоретическому познанію физическаго и психическаго міра“. Въ основу его положено сочиненіе Kieser'a: „System des Tellurismus oder thierischen Magnetismus“, Jena. 1822.

этотъ вопросъ, какъ извѣстно (?), уже тогда, въ половинѣ 30-хъ гг., по существу (?) былъ почти (?) такъ же разработанъ (?), какъ и нынѣ“. Это мнѣніе профессора А. С. Архангельскаго о „чистомъ“ магнетизмѣ, кажется, и неавторитетно, и невѣрно.

Итакъ, ужинавшіе заговорили о магнетизмѣ, который былъ въ Петербургѣ тогда модною темой: удачныя излѣченія съ помощью магнетизма дѣлали много шума. Неизвѣстно, что полагалъ о „нечистомъ“ магнетизмѣ Э. П. Перцовъ. Но Фукусы оба не вѣрили въ магнетизмъ, мужъ — „потому, что былъ очень ученъ“, а жена — потому, что „ничего тутъ не понимала“. За то Пушкинъ всевозможными, отчасти и шутливыми, доказательствами старался увѣрить собесѣдниковъ въ истинѣ магнетизма. Поэтъ указывалъ на то, что мы напряженіемъ своей воли можемъ заставить человѣка оглянуться и смотрѣть на насъ; особенно волшебную силу, по мнѣнію Пушкина, магнетизмъ имѣетъ надъ женщинами; онъ приводилъ примѣры, что женщина при самой страстной и раздѣленной, взаимной любви можетъ остаться добродѣтельною, а иногда подъ вліяніемъ магнетизма отдаётся невольно и безъ любви. Хозяйка не вѣрила его указаніямъ и увѣреніямъ.

Кончили разговоръ о магнетизмѣ, чему г-жа Фукусъ была очень рада, но зашелъ другой разговоръ, еще менѣе для нея интересный, а именно — о посѣщеніи насъ духами, о предсказаніяхъ и тому подобныхъ вещахъ изъ области оккультизма, при чемъ Пушкинъ поразилъ хозяйку своимъ суевѣріемъ. Къ этому привелъ его, по его собственному признанію, одинъ случай, когда въ 1818 г. онъ съ Никиткою Всеволодовичемъ *Всеволожскимъ* зашелъ однажды изъ проказы къ кофейной гадальщицѣ, старой нѣмкѣ *Кирхгофъ*, и та сдѣлала ему три предсказанія: Пушкинъ на дняхъ долженъ былъ встрѣтиться со знакомымъ

и получить предложеніе хорошаго мѣста, во-вторыхъ, получить черезъ письмо неожиданныя деньги и, въ третьихъ, окончить жизнь неестественною смертію. Такъ какъ первыя два предсказанія въ скорости сбылись, то Пушкинъ съ увѣренностію ожидалъ исполненія и третьяго.

Послѣ ужина Пушкинъ опять пошелъ въ кабинетъ А. А. Фуксъ и, перебирая у нея книги, натолкнулся на сочиненія бывшаго казанскаго профессора *Г. Н. Городчанинова*¹⁾, гдѣ были и стихи, и проза. Онъ закрылъ книгу и какъ бы съ досадою сказалъ: „О! эта проза и стихи! Какъ жалки тѣ поэты, которые начинаютъ писать *прозой*; признаюсь, ежели бы я не былъ вынужденъ обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнулъ пера въ чернила“.

Пушкинъ засидѣлся у Фуксовъ до часу. Наконецъ, онъ простился съ четою, какъ со старыми знакомыми. Онъ нѣсколько разъ обнималъ Карла Федоровича, и „кажется“, говоритъ Александра Андреевна, „оставилъ насъ не съ притворнымъ сожалѣніемъ, сказавши при прощаніи: „Я никакъ не думалъ, чтобы минутное знакомство было причиною такого грустнаго прощанья; но мы въ Петербургѣ увидимся“.

1) Городчаниновъ до 1829 г. состоялъ при Казанскомъ Университетѣ профессоромъ краснорѣчія, стихотворства и языка русскаго. *И. И. Лажечниковъ*, знавшій Городчанинова лично, говоритъ про него, что въ его изсохшей головѣ и сердцѣ не было и чутья поэзіи. Пушкинъ состоялъ членомъ Казанскаго Общества любителей словесности, председателемъ котораго былъ Городчаниновъ. Онъ очень обидѣлся на Пушкина за то, что тотъ не сдѣлалъ ему, какъ председателю, визита. О невозможныхъ лекціяхъ Городчанинова, объ его литературномъ старовѣрствѣ и изувѣрствѣ сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ бывшій его слушатель, *С. Т. Аксаковъ*.

IX.

Просидѣвши наканунѣ у Фуксовъ до часу ночи, Пушкинъ 8 сентября, въ праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы, утромъ выѣхалъ изъ Казани. Александра Андреевна послѣ недолгаго отдыха тоже встала очень рано, -- въ пять часовъ утра, почти въ одно время съ Пушкинымъ, и принялась за поэзію. Она написала на проѣздѣ знаменитаго гостя стихи. Эти стихи А. А. напечатала въ мѣстномъ журналѣ „Заволжскій Муравей“, а потомъ они вошли и въ собраніе ея стихотвореній (стр. 175 — 179). Содержаніе ихъ такое. На разсвѣтѣ этого дня къ г-жѣ Фуксъ явился и пробудилъ ее отъ сна какой-то чудный геній, который отъ имени боговъ поздравилъ ее съ посѣщеніемъ поэта, приводящаго въ ликованіе самый Парнассъ. Онъ передалъ еще г-жѣ Фуксъ подарокъ, — лиру, но запретилъ ей воспѣвать похвалы поэту, потому что это для нея не по силамъ. Въ честь Пушкина, оказывается, вчера Аполлонъ давалъ пиръ на Геликонѣ и особенно отличалъ русскихъ, а въ частности казанскихъ „геніевъ“. Марсъ позавидовалъ славѣ Пушкина, гремѣвшей въ небесныхъ голосахъ, и выразился, что такъ не пировали и его герои по сожженіи Трои.

Черезъ три часа стихи были готовы и переписаны; въ восемь часовъ они были уже отосланы къ поэту. Но поэтесса опоздала; оказалось, что Пушкинъ еще на *разсвѣтѣ* этого дня, т. е. около 5 часовъ покинулъ Казань, оставивъ письмо для г-жи Фуксъ и отправивъ письмо къ женѣ (№ 351, стр. 323 — 324). Женѣ онъ сообщалъ, что въ Казани „возился со стариками, современниками моего героя¹⁾, объѣзжалъ окрестности города, осматри-

1) Л. Ф. Крупениковымъ.

валъ мѣста сраженій¹⁾, распрашивалъ, записывалъ и *очень доволенъ*, что не напрасно посѣтилъ эту сторону“. Погода стояла прекрасная, „чтобъ не сглазить только“. Въ Симбирскѣ онъ ожидалъ найти отъ жены письмо. Изъ Симбирска же онъ обѣщалъ женѣ писать о Казани подробно, „а теперь некогда!“ — „Здѣсь Боратынскій: вотъ онъ ко мнѣ входитъ“, прибавляетъ нашъ поэтъ. Очевидно, Боратынскій только что пріѣхалъ, прямо къ *проводамъ* своего друга. Письмо было писано передъ самымъ отъѣздомъ, наскоро: „сейчасъ ѣду въ Симбирскъ“.

Александрѣ Андреевнѣ Фуксѣ Пушкинъ писалъ (№ 352, стр. 324), изъявляя свою „глубокую признательность за ласковый пріемъ путешественнику, которому долго памятно будетъ минутное пребываніе его въ Казани“. Вмѣстѣ съ этимъ онъ посылалъ ей свой петербургскій адресъ и выражалъ надежду, что обѣщаніе ея „пріѣхать въ Петербургъ *не есть* одно любезное привѣтствіе“. Такая ласковость Пушкина, конечно, тронула бѣдную провинціалку до глубины души.

Х.

Свое обѣщаніе написать женѣ о Казани поэтъ исполнилъ не въ Симбирскѣ, какъ первоначально предполагалъ, а въ селѣ Языковѣ, Карсунскаго уѣзда, въ 65 верстахъ отъ Симбирска. 10 сентября²⁾ онъ прибылъ въ Симбирскъ и черезъ *Загряжскаго* получилъ письмо отъ жены. Изъ Симбирска Пушкинъ заѣхалъ въ Языково провѣдать своего стараго пріятеля, поэта Николая Михайловича Языкова, но не нашелъ его дома и познакомился съ его старшимъ братомъ, который ему очень по-

1) См. выше, стр. 43 — 44.

2) № 353, стр. 324.

правился. Отсюда 12 сентября онъ написалъ женѣ и коснулся Казани, или почти исключительно Фуксовъ (стр. 325).

Пушкинъ сообщаетъ, что онъ въ Казани таскался по окрестностямъ, по полямъ, по *кабакамъ* и попалъ на вечеръ къ одной blue stockings¹⁾, *сорокалѣтней, несносной бабѣ* съ вощеными зубами и съ ногтями въ грязи“. Домъ Фуксовъ, гдѣ такъ обласкали Пушкина, гдѣ такъ за нимъ ухаживали, помѣщается имъ въ письмѣ непосредственно рядомъ съ кабаками. Насчетъ ногтей поэтъ былъ весьма чувствителенъ, самъ себѣ отращивалъ ногти полувёршковыя и утверждалъ, что „быть можно умнымъ чело-вѣкомъ и думать о красѣ ногтей“. Ногти въ грязи и за-полненные воскомъ промежутки недостающихъ зубовъ, очевидно, сразу погубили Александру Андреевну во мнѣніи Пушкина, и она показалась ему несосною. „Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двѣсти, какъ ни въ чемъ не бывало“. Мы знаемъ, что она сдѣлала это по просьбѣ самого Пушкина. „Боратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ *безстыдствомъ* расхвалилъ ея красоту и геній. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ альбомъ — но Богъ помиловалъ“. Мы видѣли выше, что Пушкинъ звалъ г-жу Фуксъ къ себѣ въ Петербургъ въ гости отвѣдать его гостепріимства и самъ послалъ ей адресъ съ повторнымъ напоминаніемъ объ обѣщаніи навѣстить его. Въ письмѣ къ женѣ Пушкинъ изображаетъ дѣло такъ: „однако, она *взяла* мой адресъ и *стращаетъ* меня перепискою и приѣздомъ въ Петербургъ, съ чѣмъ тебя и *поздравляю*“. О Карлѣ Фёдоровичѣ онъ выразился благо-клоннѣе; этотъ отзывъ приведенъ у насъ выше²⁾. Но

1) Синіе чулки.

2) Стр. 43.

и надъ нимъ острить Пушкинъ за то, что тотъ „въ жену влюбленъ и въ *изумленіи* отъ ея *генія*“.

Наивные Фуксы и не подозрѣвали, что столичный гость все время отводилъ себѣ душу и сердечно надъ ними потѣшался... И какъ далека была отъ истины Александра Андреевна, заключившая свое воспоминаніе о Пушкинѣ такими словами: „Я думала, что его обязательная привѣтливость была обыкновенною свѣтскою любезностью, но ошиблась (*sic*). До самаго конца жизни, гдѣ только было возможно, онъ оказывалъ мнѣ особенное расположеніе: не писавъ почти ни къ кому (?), онъ писалъ мнѣ нѣсколько разъ въ годъ и всегда собственною своею рукою; познакомилъ меня заочно со всѣми замѣчательнѣйшими русскими литераторами и наговорилъ имъ обо мнѣ столько для меня *лестнаго*, что я по пріѣздѣ моемъ въ Москву и Петербургъ была удостоена ихъ посѣщеніемъ“.

Любопытно было бы знать, что именно сообщалъ Пушкинъ заочно русскимъ литераторамъ о своей казанской знакомкѣ, и что такое онъ наговорилъ о ней. Вѣроятно, не поздоровилось бы г-жѣ Фуксъ, если бы она услышала...

„Тебя уже нѣтъ съ нами, пѣвецъ любимый и неподражаемый! Зачѣмъ такъ рано ты оставилъ насъ? неужели земной міръ не былъ тебя достоинъ?“ — со слезами причитала Александра Андреевна, глядя на портретъ Пушкина, послѣ извѣстія о гибели его...

А. А. Фуксъ представила документальныя данныя въ доказательство своихъ словъ, что она остановила на себѣ вниманіе поэта. При своей статьѣ она напечатала подлинныя письма къ ней Пушкина, гдѣ мы съ удивленіемъ читаемъ различные комплименты. Объ этихъ письмахъ мы скажемъ еще ниже, а пока отмѣтимъ, что Пушкинъ въ нихъ доводитъ свою свѣтскую учтивость до очевидной

насмѣшки въ глаза. Онъ-де „съ жадностію прочелъ *преlestныя* стихотворенія“ г-жи Фуксъ и между ними ея посланіе къ нему самому, „недостойному поклоннику ея музы“, просить не бранить его за Пугачева, потому что поэзія, кажется, для него изсякла, и онъ весь въ прозѣ; ему совѣстно, особенно, передъ г-жею Фуксъ (№ 414, стр. 372). Въ дальнѣйшихъ письмахъ онъ разсыпается въ такихъ же любезностяхъ, даже просить г-жу Фуксъ, несмотря на невысокое мнѣніе объ ея стихахъ, „украсить“ его журналъ „Современникъ“ произведеніями своего пера (№ 446, стр. 394).

XI.

Доскажемъ вкратцѣ о ходѣ путешествія Пушкина послѣ Казани. 8 сентября Пушкинъ, какъ мы видѣли выше, выѣхалъ изъ Казани на Симбирскъ. Въ тотъ же день онъ былъ въ уѣздномъ городѣ Казанской губерніи, *Лаишевѣ*, находящемся отъ Казани въ 59 верстахъ. Здѣсь у Пушкина произошелъ инцидентъ со станціоннымъ смотрителемъ, котораго онъ страшно напугалъ своею подорожною, а именно словами, что онъ ѣдетъ „по особому Высочайшему повелѣнію“. Смотритель сбиль весь городъ на станцію и оповѣстилъ власти¹⁾....

10 сентября Пушкинъ былъ уже въ Симбирскѣ; отсюда онъ еще 12 сентября выѣхалъ было въ Оренбургъ, но заяцъ перебѣжалъ ему дорогу, и она оказалась неудачною: не было хорошихъ ямщиковъ; съ третьей станціи поэтъ возвратился въ Симбирскъ, тоже не безъ приключеній. Другой разъ онъ выѣхалъ иною дорогою и 18 сентября (№ 335, стр. 326) былъ уже въ Оренбургѣ.

1) Инцидентъ описанъ въ статьѣ *П. П. Суворова*: „Пушкинъ въ Лаишевѣ“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1901 г., № 323.

Подобно Фуксу въ Казани, здѣсь занялся Пушкинымъ *В. И. Дамъ*, который возилъ его по Оренбургу и окрестностямъ; былъ Пушкинъ и въ Пугачевской столицѣ, станицѣ *Берды*. Изъ Оренбурга Пушкинъ поѣхалъ въ Уральскъ. И здѣсь ему наперерывъ давали „всѣ извѣстія, въ которыхъ онъ имѣлъ нужду“ (№ 356, стр. 327), а 23 сентября Пушкинъ уже выѣхалъ въ обратный путь.

При выѣздѣ изъ Уральска вечеромъ пошелъ дождь, первый по его выѣздѣ въ путешествіе, и черезъ полчаса сдѣлалъ дорогу непроходимую. Потомъ выпалъ снѣгъ, и Пушкину пришлось обновить зимній путь на саняхъ. Ёхалъ онъ черезъ Саратовъ и Пензу. 29 сентября Пушкинъ снова проѣзжалъ мимо села Языкова, опять заѣхалъ, засталъ тамъ всѣхъ трехъ братьевъ, очень весело провелъ съ ними время, ночевалъ и на слѣдующій день, 30 сентября отправился дальше. 1 октября Пушкинъ закончилъ путешествіе, прибывши въ свое имѣніе *Болдино*, Арзамасскаго уѣзда Нижегородской губерніи.

Пребываніе въ Болдинѣ ознаменовалось созданіемъ такихъ шедёвровъ, какъ „Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ“, „Сказка о мертвой царевнѣ“, „Мѣдный Всадникъ“. Здѣсь Пушкинъ привелъ въ порядокъ свои записки о Пугачевѣ, окончательно обработалъ „Исторію“ и написалъ къ ней предисловіе (2 ноября). „Коли Царь позволитъ мнѣ „Записки“ (о Пугачевѣ; такъ онъ называетъ пока „Исторію“), то у насъ будетъ тысячь 30 чистыхъ денегъ. Заплатимъ половину долговъ и заживемъ припѣваючи“, мечтаетъ поэтъ въ письмѣ къ женѣ изъ Болдина, отъ 8 октября (№ 357, стр. 328), какъ бы объясняя свою работу надъ Пугачевымъ исключительно матеріальными расчетами. Около половины ноября Пушкинъ, наконецъ, возвратился въ Петербургъ. 28 ноября 1833 г. Е. А. Боратынскій просилъ И. В. Кирѣевскаго („Татевскій Сборникъ“, № 42, стр. 52): „Узнай деревенскій и город-

ской адресъ Пушкина; мнѣ нужно къ нему написать. Нарочно для этого распечатываю письмо“.

По приѣздѣ въ Петербургъ Пушкинъ принялся за хлопоты. 6 декабря 1833 г. онъ уже просилъ чрезъ графа А. Х. Бенкендорфа разрѣшенія представить рукопись, при чемъ сообщалъ ему: „Я думалъ нѣкогда написать историческій романъ, относящійся ко времени Пугачева; но, нашедъ множество матеріаловъ, я оставилъ вымыселъ и написалъ исторію Пугачевщины“ (№ 366, стр. 335).

Императоръ Николай Павловичъ лично прочелъ рукопись и при томъ весьма внимательно, дѣлая собственноручныя отмѣтки. Онъ даже измѣнилъ заглавіе, предложенное Пушкинымъ, „Исторія Пугачева“ на „Исторія Пугачевского бунта“, разсуждая, что „преступникъ, какъ Пугачевъ, не имѣетъ исторіи“¹⁾. Печатаніе было дозволено съ Высочайшаго одобренія, и на печатаніе разрѣшено выдать 20 тысячъ рублей изъ Государственнаго казначейства. 4 іюля 1834 года началось печатаніе „Исторіи“ въ типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а въ декабрѣ того же года печатаніе закончилось, и „Исторія Пугачевского бунта“ вышла въ свѣтъ въ двухъ томахъ. Историческій же романъ изъ эпохи Пугачевщины „Капитанская дочка“ появилась значительно позднѣе: она была напечатана въ 1836 г. въ четвертомъ томѣ пушкинскаго журнала „Современникъ“.

XII.

Пребываніе Пушкина въ Казани вызвало въ оффициальныхъ сферахъ переписку, носящую довольно

1) См. у Брюсова, стр. 77—79, №№ 36 и 37, письма Бенкендорфа отъ 8 и 24 марта 1834 г.

курьезный характеръ: это — требованіе учредить за Пушкинымъ полицейскій надзоръ.

19 августа 1828 г., Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Государственнаго Совѣта, былъ учрежденъ въ столицѣ секретный полицейскій надзоръ „за образомъ жизни и поведеніемъ извѣстнаго поэта Пушкина“.

Секретный надзоръ слѣдовалъ за Пушкинымъ, когда онъ въ маѣ 1829 г. поѣхалъ въ Грузію. Отъ 22 августа 1829 г. („Русскій Архивъ“ 1876 г., II: „Черта изъ жизни Пушкина“, стр. 236 — 237) Тифлисскій генераль-губернаторъ С. С. Стрекаловъ, который по случайности былъ именно потомъ и Казанскимъ губернаторомъ во время проѣзда Пушкина черезъ Казань, сообщилъ Московскому генераль-губернатору, князю Дмитрію Владимировичу *Голицыну*, что извѣстный поэтъ, отставной чиновникъ X класса А. С. Пушкинъ отправился изъ Тифлиса въ Москву по дѣламъ, и что на основаніи Высочайшаго повелѣнія онъ подлежитъ секретному надзору. Князь Д. В. Голицынъ немедленно предписалъ московскому оберъ-полицеймейстеру, генераль-маіору *А. С. Шульгину* имѣть означеннаго „отставнаго чиновника“ „подъ секретнымъ надзоромъ полиціи“. Шульгинъ донесъ потомъ Голицыну, когда 12 октября 1829 г. Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы, что по надзору полиціи въ поведеніи Пушкина ничего предосудительнаго не замѣчено, а объ учрежденіи надзора за нимъ и въ Петербургѣ (полиція полагала, что Пушкинъ уѣхалъ туда) онъ сообщилъ и. д. Петербургскаго оберъ-полицеймейстера полковнику *Дершау*. Послѣ этого Пушкинъ неоднократно ѣздилъ изъ Петербурга въ Москву и обратно, но ничего предосудительнаго за нимъ не оказывалось. Когда онъ въ 1833 г. задумалъ свое путешествіе на Востокъ Россіи по Пугачевскому дѣлу, то у полиціи, видимо, возникло насчетъ надзора сомнѣніе. Отъ 19 апрѣля 1833 г. Петербургскій военный генераль-

губернаторъ просилъ Московскаго генераль-губернатора увѣдомить его, *по какому случаю* признано нужнымъ имѣть г. Пушкина подъ надзоромъ полиціи. Очевидно, происхожденіе этой мѣры было уже забыто, а *raison d'être* для ея дальнѣйшаго сохраненія не имѣлось. На это Московскій губернаторъ отвѣчалъ, что свѣдѣній о томъ, по какому случаю признано нужнымъ имѣть Пушкина подъ надзоромъ, у него не имѣется. Начало исторіи оказалось уже позабытымъ. Но отъ надзора Пушкинъ и тутъ не избавился. Поѣхалъ онъ въ свое путешествіе съ Высочайшаго соизволенія, и за нимъ, правда, съ громаднымъ опозданіемъ, послѣдовалъ и надзоръ.

Наконецъ допытались до источника происхожденія надзора за Пушкинымъ. 20 сентября (когда Пушкинъ былъ уже въ Уральскѣ) Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ написалъ Нижегородскому военному губернатору объ установленіи надзора, указывая его начало съ 1828 г., и сообщая, что Пушкинъ выбылъ изъ Петербурга якобы 14 сентября (тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ уѣхалъ оттуда около 20 августа), и при томъ будто бы въ свое имѣніе, состоящее въ Нижегородской губерніи. Свѣдѣнія петербургской полиціи не отличались точностью, и если бы опасность отъ Пушкина соответствовала многочисленнымъ хлопотамъ о надзорѣ за нимъ, то онъ, разумѣется, успѣлъ бы натворить за это время горькихъ бѣдъ.

Управленіе Нижегородскаго военнаго губернатора хватило Пушкина и, несмотря на то, что съ 1 октября онъ уже точно былъ въ своемъ нижегородскомъ имѣніи Болдинѣ, не нашло его, а обратилось къ Казанскому военному губернатору отъ 9 октября 1833 г. за № 4344: „извѣстясь, что Пушкинъ намѣренъ былъ отправиться въ Казанскую и Оренбургскую губерніи“, оно просило учредить за нимъ надзоръ въ *Казани*. Замѣтимъ, что Пуш-

кинъ ѣхалъ, не скрываясь, и въ самомъ Нижнемъ, какъ и въ другихъ городахъ, представлялся губернаторамъ, даже обѣдывалъ у нихъ.

Нижегородскую „секретную“ бумагу отъ 9 октября получили въ Казани лишь 17 октября, т. е. черезъ недѣлю! Такъ быстро производилась погоня за исчезнувшимъ поэтомъ.

Въ Казани пребываніе Пушкина въ свое время не пробудило въ административномъ мірѣ никакой сенсациі. Какъ мы упоминали, ни его пріѣздъ, ни выѣздъ не отмѣчены даже въ оффиціальномъ органѣ. Теперь, по полученіи о немъ секретной бумаги, его разыскивали въ Казани довольно долго. А именно, только еще черезъ двѣ недѣли, уже 30 октября 1833 г., за № 8237, Казанскій губернаторъ по этому секретному и спѣшному дѣлу собрался отвѣтить своему Нижегородскому коллегѣ, что Пушкинъ прибылъ въ Казань 6 сентября и выѣхалъ въ Оренбургъ 8 минувшаго сентября мѣсяца. Правящему же должности Казанскаго полицеймейстера было рекомендовано, въ случаѣ прибытія въ Казань Пушкина (который, сидя у себя въ Болдинѣ, и не думалъ вторично ѣхать въ Казань), „имѣть за его поведеніемъ *строгое наблюденіе*“. Приказъ этотъ остался втунѣ: Пушкинъ изъ Болдина проѣхалъ въ Петербургъ. Въ Казани же только оставалось бумаги о Пушкинѣ подшить въ одно „дѣло“, которое получило № 142 и хранилось въ архивѣ канцеляріи Казанскаго губернатора. Здѣсь оно было найдено Н. Я. Агаѳоновымъ, и копія съ него передана сенатору *М. Е. Ковалевскому*, который тогда производилъ въ Казани ревизію. Ковалевскій же черезъ *Г. Рѣпинскаго* напечаталъ „дѣло“ въ „Русской Старинѣ“ за 1882 г., январь, т. 33, стр. 223 — 226, при чемъ объ Агаѳоновѣ, сдѣлавшемъ эту находку, не упомянуто ни словомъ....

ХІІІ.

Сношенія Пушкина съ Казанью послѣ его проѣзда черезъ нее не прерывались почти до самой его смерти и поддерживались черезъ Фуксовъ. Гдѣ напечатаны письма А. С. Пушкина къ А. А. Фуксъ и ея отвѣты къ нему, было уже упомянуто выше.

20 января 1834 г. г-жа Фуксъ писала Пушкину, собираясь послать — ему первому — экземпляръ отдѣльнаго изданія своихъ стихотвореній, куда вошли и стихи на его проѣздъ; изданіе должно было выйти въ свѣтъ черезъ двѣ недѣли. Поэтесса вызывала Пушкина на дальнѣйшую переписку, выражая надежду читать его отвѣтъ.

Кромѣ этого письма, г-жа Фуксъ посылала Пушкину еще два письма съ оказіями: одно черезъ барона *Люцераде* еще въ 1833 г., а другое черезъ Эраста Петровича Перцова, но ни тотъ, ни другой писемъ Александры Андреевны Пушкину не передали.

19 октября 1834 г. Пушкинъ собрался отвѣтить г-жѣ Фуксъ, благодаря ее за стихотворенія, извѣщая о неполученіи имъ вышеупомянутыхъ двухъ писемъ и прося кланяться Карлу Федоровичу, „коего любезность и благосклонность будутъ мнѣ вѣчно памятны“. На дняхъ онъ собирался отправить г-жѣ Фуксъ въ обмѣнъ на ея стихотворенія „отвратительно-ужасную исторію Пугачева“ (№ 414, стр. 372 — 373).

Но отсылка „Исторіи“ задержалась: не приходилъ изъ Парижа заказанный тамъ портретъ Пугачева. Только 15 августа 1835 г. книга была отправлена Пушкинымъ при письмѣ (№ 426, стр. 380 — 381). Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ посылалъ Фуксамъ еще одинъ экземпляръ „Исторіи“ для передачи Михаилу Сампсоновичу *Рыбуш-*

кину, бывшему адъюнкту Казанскаго Университета, переведенному какъ разъ тогда въ директоры училищъ Астраханской губерніи. М. С. Рыбушкинъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Фуксами, которые принимали живое участіе въ редактируемомъ имъ (вмѣстѣ съ адъюнктомъ Михаиломъ Васильевичемъ *Полиновскимъ*) оффициальномъ университетскомъ органѣ „Заволжскій Муравей“. Рыбушкинъ написалъ „Краткую Исторію города Казани“, имѣвшую большой успѣхъ. Экземпляръ книги Рыбушкинъ послалъ Пушкину, и теперь въ обмѣнъ тотъ посылалъ Рыбушкину своего Пугачева. Познакомился ли Пушкинъ ранѣе, будучи въ Казани, съ Рыбушкинымъ лично, какъ произвольно предполагаетъ А. С. Архангельскій (стр. 10), мы не знаемъ, и нигдѣ объ этомъ не говорится.

Посылка съ книгами не достигла своего назначенія: Фуксы не получили Пушкинскаго подарка, о чемъ г-жа Фуксъ писала Пушкину. Это письмо ея не сохранилось. Отъ 20 февраля 1836 г. изъ Петербурга (№ 446, стр. 394) Пушкинъ писалъ ей, что, возвратясь изъ деревни, нашель ея письмо и удивлялся, какимъ образомъ „бродяга Емельянъ Пугачевъ не дошелъ до Казани, мѣсто для него *памятное*“. Пушкинъ теперь вторично посылалъ ей книгу чрезъ графа *Апраксина*. При этомъ Пушкинъ пересылалъ г-жѣ Фуксъ и билетъ на получение его журнала „Современникъ“¹⁾ и приглашалъ ее въ сотрудницы, прося ее „украсить“ журналъ произведеніями своего пера.

Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 24 мая 1836 г., весьма восторженномъ, Александра Андреевна сообщала, что его драгоцѣнный подарокъ она получила въ деревнѣ въ день своихъ именинъ (значить, 21-го апрѣля). По ея

1) I томъ „Современника“ имѣлъ цензурное разрѣшеніе 31 марта.

выраженію, радость ея раздѣлялъ, безъ сомнѣнія, и самъ ея ангелъ! „При восклицаніяхъ кипѣлъ кубокъ“ за здоровье Пушкина, чему свидѣтелемъ былъ петербургскій житель *Приклонскій*, чиновникъ Департамента государственныхъ имуществъ. Исполняя „приказаніе“ Пушкина, А. А. Фуксъ отправила ему для помѣщенія въ „Современникъ“ цѣлую серію своихъ произведеній. Всѣ эти сочиненія А. А. предполагала печатать отдѣльными изданіями не раньше зимы того года; но она желала бы, чтобы сначала они появились въ журналѣ Пушкина: „тогда бы злая критика не смѣла очень грозно на меня вооружиться“.

Сочиненія г-жи Фуксъ, посланныя въ „Современникъ“, были слѣдующія: одна элегія, которую взялъ у нея *М. Д. Деларю*, чтобы передать ее Пушкину или Сенковскому въ „Библіотеку для Чтенія“ (гдѣ въ 1838 г., т. 28, стр. 209 — 257, появилась ея повѣсть „Черная коса“); два дѣйствія водевиля „Она похудѣла“, посвященнаго Э. П. Перцову и напечатаннаго отдѣльно въ 1837 г.; I главу повѣсти „Основаніе Казани“, вышедшей отдѣльною книгой въ 1836 г., и отрывки изъ писемъ „о скитахъ въ Нижегородской губерніи“; эти письма вообще не были напечатаны; кажется, они были запрещены цензурою за благопріятные отзывы о раскольникахъ.

По смерти Пушкина Александра Андреевна описала свое знакомство съ нимъ по просьбѣ своей пріятельницы, Е. Н. Мандрыкиной; этимъ воспоминаніемъ мы выше пользовались неоднократно. 1 декабря 1843 года письмо г-жи Фуксъ о пребываніи Пушкина въ Казани было прочтено самимъ авторомъ, Александромъ Андреевномъ, на одной изъ бесѣдъ въ ея домѣ. На томъ же вечерѣ читали и письма Пушкина къ г-жѣ Фуксъ, а князь А. А. *Доморуккой* въ числѣ другихъ своихъ стихотвореній прочелъ и стихотвореніе на смерть Пушкина,

такъ что значительная часть этого вечера была посвящена Пушкину¹⁾).

XIV.

Теперь надобно сообщить о тѣхъ литературныхъ работахъ супруговъ Фуксовъ, какія были вызваны пребываніемъ Пушкина въ Казани. Какъ мы видѣли выше (стр. 48), Пушкинъ просилъ собирать свѣдѣнія о Г. П. Каменевѣ и хотѣлъ было писать его біографію. Мы не знаемъ, были ли г-жею Фуксъ собираемы эти свѣдѣнія, и если были, то пересылались ли они Пушкину, и какое тотъ изъ нихъ сдѣлалъ употребленіе.

За то Карлъ Ѳедоровичъ Фуксъ по просьбѣ Пушкина горячо принялся за собраніе фактовъ о пребываніи Пугачева въ Казани. Четыре года онъ, по его собственнымъ словамъ, съ неусыпнымъ стараніемъ собиралъ „всѣ свѣдѣнія, всѣ историческія истины, рукописныя и изустныя сказанія казанскихъ старожилловъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями тогдашнихъ происшествій“. Однако, Фуксу не удалось при жизни Пушкина передать ему все собранное. Матеріалы, собранные Карломъ Ѳедоровичемъ, были использованы его супругою для написанія романа: „Зюлима, или *Пугачевъ въ Казани*“. Къ роману Александры Андреевны были прибавлены примѣчанія и приложенія, составленныя ея мужемъ, какъ это было сдѣлано и при стихотворной повѣсти г-жи Фуксъ: „Основаніе Казани“. Романъ хотѣли печатать отдѣльнымъ изданіемъ, о чемъ было уже сообщено въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Отрывки изъ своего романа г-жа Фуксъ уже читала на литературныхъ собраніяхъ въ ея домѣ, въ концѣ 1844 г. и въ началѣ 1845 г. Тогдашній редакторъ „Губернскихъ Вѣдомостей“, Нико-

1) См. нашу монографію о Фуксъ, стр. 505.

лай Ивановичъ Второвъ обѣщался печатать отрывки изъ романа въ своей газетѣ, въ распоряженіе которой авторъ предоставилъ свою рукопись. Но были помѣщены всего лишь два приложенія, а именно — разсказъ очевидцевъ, купцовъ *И. А. Сухорукова* и *Л. Ф. Крупеникова* (№ 44 за 1847 г., стр. 261 — 265 и № 51, стр. 330 — 331). Изъ самого романа въ „Вѣдомостяхъ“ не появилось ничего. Не вышелъ онъ и отдѣльнымъ изданіемъ, а рукопись его, повидимому, утрачена безвозвратно.

XV.

Преданіе о проѣздѣ Пушкина чрезъ Казань сохранилось у мѣстныхъ жителей, но связывалось съ невѣрными представленіями вродѣ легенды о Перцовскомъ домѣ¹⁾. По поводу юбилеевъ Пушкина были предположенія, о которыхъ сказано выше, а именно: прикрѣпить доску на Перцовскомъ домѣ и переименовать пролегающую мимо дома улицу. Ни то, ни другое не осуществилось. Послѣднимъ Пушкинскимъ отголоскомъ въ Казани надо считать основаніе Общества любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина. § 1 „Устава“ его (стр. 3) гласить: „Общество посвящается памяти А. С. Пушкина и носитъ названіе его имени въ память столѣтія дня рожденія великаго поэта (26 мая 1799 г. — 26 мая 1899 г.)“. Въ разсужденіи о „задачахъ“ этого Общества (стр. 10) сказано: „одной изъ *главныхъ* сторонъ будущей научной дѣятельности нашего Общества должно быть изученіе всего того, чтѣ относится *къ жизни и поэтической дѣятельности* А. С. Пушкина“. Къ сожалѣнію, юное казанское общество, повидимому, оказалось не очень

1) См. выше.

жизнеспособнымъ. О какихъ-либо научныхъ предпріятіяхъ этого Общества (кромѣ нѣсколькихъ популярныхъ тетрадокъ „Чтеній“) и тѣмъ болѣе о какихъ-нибудь спеціальныхъ работахъ его въ области Puschkiniana что-то пока еще не слышно...

Проф. *Евгеній Бобровъ.*

Пушкинъ и Рылѣевъ.

Современникъ великаго поэта, почти его ровесникъ, К. О. Рылѣевъ въ теченіе всей своей литературной дѣятельности пользовался его постояннымъ вниманіемъ; безъ преувеличенія можно сказать, что онъ состоялъ подъ его „особымъ надзоромъ“. По крайней мѣрѣ, онъ, одинъ изъ немногихъ, вызвалъ у Пушкина столько отзывовъ. Первые въ письмахъ поэта о Рылѣевѣ упоминается въ 1823 г. (Л. С. Пушкину, Кишиневъ, 30 января). Здѣсь дважды, съ замѣтной ироніей, Рылѣевъ названъ „знаменитымъ“, при чемъ высмѣяно слово „дума“, которымъ Рылѣевъ назвалъ цѣлый рядъ своихъ лироэпическихъ произведеній: по словамъ поэта, „тревожныхъ *думъ*, слово, употребляемое знаменитымъ Рылѣевымъ, *по-русски* ничего не значитъ“ (намекъ на нѣмецкое — *dumm*). Но уже въ слѣдующемъ 1824 году (Л. С. Пушкину, Одесса, 6-го января) онъ пишетъ: „Съ Рылѣевымъ мирюсь: „Войнаровскийкій“ полонъ жизни“. Въ томъ же году (А. А. Бестужеву, Одесса, 12 января) онъ пишетъ: „Рылѣева *Войнаровскийкій* несравненно лучше всѣхъ его „Думъ“: слогъ его возмужалъ и становится истинно-повѣствовательнымъ, чего у насъ почти нѣтъ“.

Въ слѣдующемъ году онъ уже обращаетъ на себя вниманіе друзей похвалами по адресу Рылѣева и считаетъ

своимъ долгомъ даже защищаться отъ обвиненій въ пристрастіи. Въ письмѣ къ А. А. Бестужеву изъ Михайловскаго, отъ 21 марта, онъ высказываетъ по этому поводу очень знаменательныя слова: „Откуда ты взялъ, что я льщу Рылѣву? Мнѣніе свое о его „Думахъ“ я сказалъ вслухъ и ясно; о поемахъ его также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своею дорогой. Онъ въ душѣ поэтъ, я опасаюсь его не на шутку и жалѣю очень, что его не застрѣлили, когда имѣлъ къ тому случай, да чортъ его зналъ! Жду съ нетерпѣніемъ „Войнаровскаго“ и перешлю ему всѣ мои замѣчанія. — Ради Христа, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе“. Л. С. Пушкину въ томъ-же 1825 году, въ началѣ апрѣля, онъ опять пишетъ: „Войнаровский“ мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣтъ у меня“. Наконецъ, въ томъ-же году въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому изъ Михайловскаго отъ 25 мая онъ, говоря о поэмѣ Козлова „Чернецъ“, опять возвращается къ Рылѣву: „Эта поэма, конечно, полна чувствъ и умнѣ „Войнаровскаго“, но въ Рылѣвѣ есть больше замашки или размашки въ слогѣ. У него есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ“. „Если Палчѣй пойдетъ, какъ начатъ, Рылѣвъ будетъ министромъ“ (на Парнасѣ) — пишетъ онъ брату въ февралѣ 1825 г.

Изъ всѣхъ этихъ отзываетъ ясно 1) что, начавъ съ ироническаго отношенія къ дѣятельности Рылѣва, поэтъ очень скоро увлекся ею, особенно поэмой „Войнаровский“, 2) Пушкинъ замѣтилъ, что поэтическій языкъ Рылѣва „возмужалъ“ подъ вліяніемъ его, Пушкина, 3) въ произведеніяхъ Рылѣва останавливали на себѣ его вниманіе нѣкоторые удачныя образы („палачъ“) и общій тонъ, „размашистый“, свидѣтельствующій о широтѣ вдохновенія...

Онъ идетъ „своею дорогой“ — говоритъ Пушкинъ о Рылѣвѣ, т. е. другими словами, живетъ въ кругу своихъ

оригинальныхъ замысловъ, въ атмосферѣ своихъ настроеній.. Шель „своей дорогой“, конечно, и самъ Пушкинъ, но литературная исторія нѣкоторыхъ его произведеній указываетъ, что онъ никогда не замыкался въ тѣсномъ кругу своего творчества и внимательно смотрѣлъ по сторонамъ, вглядывался въ произведенія крупныхъ и даже мелкихъ писателей, охотно бралъ отъ нихъ нѣкоторыя картины, образы, даже намеки — и перерабатывалъ по своему въ своихъ произведеніяхъ. Это было заимствованіе *художественной идеи* и самостоятельное развитіе ея. Всегда это взятое чужое изъ подъ его пера выходило вдвойнѣ прекраснѣе. Какъ на образецъ подобнаго заимствованія у маленькихъ писателей лучше всего указать, какъ Пушкинъ использовалъ одинъ образъ изъ поэмы Боброва „Таврида“: тамъ ему понравилось появленіе „скопца“ — и онъ ввелъ его въ свою поэму „Бахчисарайскій Фонтанъ“. „Меня, говоритъ онъ, ввелъ въ искушеніе Бобровъ; онъ говоритъ въ своей Тавридѣ: „*подъ стражею скопцовъ гарема*“. Мнѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть“ (къ князю Вяземскому, Одесса, ноябрь 1825 г.). Подобныхъ „мелкихъ“ заимствованій у Пушкина, думается, найти можно немало; выясненіе ихъ для пониманія творчества великаго поэта, конечно, не бесполезно. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно сопоставить Пушкина съ Рылѣевымъ.

Прежде всего, думается намъ, что подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ думы Рылѣева: „Олегъ Вѣщій“ написано стихотвореніе Пушкина: „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“. На эту связь указываетъ 1) и самое заглавіе „пѣснь“, которымъ Пушкинъ хотѣлъ замѣнить дико звучащее для него слово „дума“; затѣмъ, 2) несомнѣнное знакомство поэта съ самымъ произведеніемъ Рылѣева: еще въ январѣ 1823 года онъ полонъ воспоминаній о произведеніи Рылѣева; брату онъ пишетъ, что Рылѣевъ ошибался, сказавъ, что Олегъ прибилъ на вратахъ Царе-

града щить съ гербомъ росіійскимъ; 3) хронологическое совпаденіе: дума Рылѣева напечатана въ „Новостяхъ Литературы“ 1822 г. (ч. I, № 11), но, конечно, въ рукописи могла дойти до Пушкина и раньше: такъ было съ „Войнаровскимъ“, котораго Пушкинъ зналъ задолго до его напечатанія (см. выше). Произведеніе Пушкина окончено 1-го марта того-же 1822 года; 4) близость нѣкоторыхъ мѣстъ обоихъ произведеній. У Рылѣева Олегъ представлень неумолимымъ, суровымъ воиномъ: „Горятъ деревни, села пышутъ ... Кровь повсюду заструилась“; у Пушкина: „Ихъ села и яивы за буйный набѣгъ обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ“. У Рылѣева: „Прибилъ свой щить съ гербомъ Россіи къ цареградскимъ воротамъ“; у Пушкина: „Твой щить на вратахъ Царяграда“. Здѣсь внесена поправка: щить оказывается „безъ герба“; наконецъ, 5) произведеніе Пушкина въ ряду другихъ его стихотвореній, написанныхъ въ это время, стоитъ совершенно одиноко по содержанію и по настроенію, — ясное доказательство того, что созданіе его не было результатомъ продолжительныхъ настроеній или интересовъ, а было „случайнымъ“ произведеніемъ, написаннымъ подъ впечатлѣніемъ нечаянно блеснувшей идеи.

Но еще значительнѣе были воздѣйствія Рылѣева на поэму Пушкина „Полтава“ и даже на драму „Борисъ Годуновъ“. Оба произведенія прекрасны въ отдѣльныхъ частяхъ, но слабы въ цѣломъ: въ нихъ нѣтъ единства и, главное, цѣльности: они точно сшиты изъ отдѣльныхъ сценъ, отдѣльныхъ произведеній... Это замѣтили еще современники Пушкина, и въ этомъ отношеніи ихъ судъ былъ совершенно справедливъ. „Романтизмъ“, которымъ прикрывалъ Пушкинъ указанные недостатки своихъ произведеній, конечно, не представлялъ собою защиты серьезной, — такъ какъ его вліяніе могло сказаться на содержаніи, настроеніяхъ, стилѣ произведеній, но не на

ихъ построеніи: для хорошаго „романическаго“ произведенія единство содержанія и стройность плана такъ же необходимы, какъ и для „классическаго“.

Перечитывая „думы“ Рылѣва, мы должны отмѣтить, прежде всего, что онъ, одинъ изъ первыхъ, во всякомъ случаѣ *ранѣе Пушкина*, сталъ искать источниковъ вдохновенія въ далекомъ прошломъ Россіи: въ этомъ отношеніи онъ—*учитель Пушкина*. Затѣмъ, любопытно, что Рылѣвъ *раньше Пушкина* упорно ходилъ вокругъ того художественнаго замысла, который воплощенъ въ „Полтавѣ“: въ поэмѣ „Войнаровский“, въ поэмѣ „Мазепа“, „Палѣй“, „Богданъ Хмѣльницкій“, „Петръ Великій въ Острогжскѣ“ выведены почти всѣ лица, которыя повторяются потомъ въ „Полтавѣ“; многія отдѣльныя картины, даже стихи Рылѣва тоже повторены у Пушкина.

Прежде всего, слѣдуетъ остановиться на образѣ самого героя—Мазепы. Этотъ образъ, для Пушкина слишкомъ неестественный и напыщенный, цѣликомъ сложился подъ невольнымъ впечатлѣніемъ Мазепы Рылѣвскаго, а также біографическаго очерка, посвященнаго Мазепѣ („Жизнеописаніе Мазепы“ А. О. Корниловича) и приложеннаго къ поэмѣ „Войнаровский“ вмѣстѣ съ „Жизнеописаніемъ Войнаровскаго“ (соч. А. А. Бестужева). Если-бы поэтъ *самъ* подошелъ къ этому образу, онъ, конечно, избѣжалъ-бы слишкомъ неопредѣленныхъ и въ то же время сплошь темныхъ красокъ въ описаніи Мазепы. Поэтъ не обрисовалъ бы его такими общими, чертами:

- . . . онъ не вѣдаетъ святыни,
- . . . онъ не помнитъ благостыни,
- . . . онъ не любитъ ничего,
- . . . кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
- . . . презираетъ онъ свободу,
- . . . нѣтъ отчизны для него.

Онъ, конечно, нашелъ бы въ душѣ Мазепы больше свѣта, а на своей палитрѣ болѣе яркихъ красокъ! Написавъ же быстро свое произведеніе, онъ не успѣлъ переварить навѣяннаго извнѣ. „Однако, какой отвратительный предметъ,—отзывался онъ о Мазепѣ: ни одного добраго, благороднаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость!“—отзывъ интересный, особенно въ устахъ поэта, который всегда искалъ симпатичныя, смягчающія черты даже въ преступныхъ своихъ герояхъ и всегда ихъ находилъ! (Пугачевъ, Скупой Рыцарь, Донъ-Жуанъ, Сальери и пр.). „Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы— вотъ, что увлекли меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней, *даже не могъ-бы ею заниматься и бросилъ бы все!*“ Послѣднія слова тоже очень характерны: они свидѣтельствуютъ, что долго въ героевъ „Полтавы“ Пушкинъ не вдумывался, не изучалъ ихъ, что написаны они „порывомъ“, случайно, быть можетъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ опять подвернувшейся подъ руки давно любимой поэмы Рылѣева. Въ этой поэмѣ Мазепа является эпизодическимъ лицомъ и всегда предстаетъ какимъ-то мелодраматическимъ „злodeмъ“.

Нагрянулъ Карлъ на Русь войной:
Все на Украинѣ ополчилось,
Съ весельемъ всѣ летѣли на бой,
Лишь только мракомъ и тоской
Чело Мазепы обложилось.
Изъ подъ бровей нависшихъ сталь
Сверкать какой-то пламень дикій,
Угрюмый съ нами, онъ молчалъ...
...Глаза Мазепы засверкали;
Какъ предъ разсвѣтомъ ночи мгла.

У Рылѣва Мазепа представленъ „угрюмымъ“, его чело „обложилось мракомъ и тоской“, изъ-подъ „бровей нависшихъ“ сверкаетъ „какой-то пламень дикій“, онъ „угрюмъ“ и молчитъ въ присутствіи молодежи; онъ „отъ всѣхъ скрывался“. Глаза его „сверкаютъ“, „чело угрюмо“. Видъ у него „мрачный и суровый“, „глаза сверкаютъ“, онъ „волнуемъ тайно мрачной думой“, онъ — „Іуда“, „хитрый вождь“, „скрытный“, у него „дикій“ взглядъ, „очи полныя тоской“.

Изъ всѣхъ героевъ Пушкинъ только Мазепу обрисовалъ, пользуясь совершенно такимъ-же нехудожественнымъ приѣмомъ — красками темными и слишкомъ искусственно подобранными: и у пушкинскаго героя духъ „неукротимъ“, онъ — „старикъ надменный“, у него „умыселъ ужасный“, онъ — „злой старикъ“, „дерзкій хищникъ, губитель“ „злодѣй“, „скрытный“, душа его „мятежна, ненасытна“, онъ творитъ „козни“, душа его „коварна“, „воля злая“, въ сердцѣ его „преступный жаръ“, у него „блестящій“, впалый взоръ; онъ „мраченъ“, умъ его „смущенъ жестокими мечтами“, помышленья его „черны“, онъ старикъ „суровый“, онъ „блѣденъ“, рѣчь его „сурова“; онъ — „злодѣй“, онъ испытываетъ „угрызенья змѣиной совѣсти своей“, онъ „угрюмъ“, думы его „мрачны“, онъ старецъ „мрачный“, онъ „грозенъ“, „терзается какой-то страшной пустотой“, „молча скрежеталъ“, въ груди у него „кипучій ядъ“, у него „коварныя сѣдины“, онъ „сверкаетъ очами“, „злодѣй“, „Іуда“, „мрачный духъ“.

Конечно, такое исключительное для Пушкина сходство въ манерѣ описывать героя не случайно и ясно указываетъ, кто вдохновилъ нашего поэта на созданіе образа Мазепы, кто толкнулъ великаго поэта на ложный путь художественной неправды.

Любопытна еще одна деталь: „размашистый“, по

выраженію Пушкина, стиль Рылѣва очень любитъ изображать героя въ тотъ моментъ, какъ онъ „мчится“, „летитъ“ и пр. Такъ, Войнаровскій вспоминаетъ о своихъ удалыхъ набѣгахъ, когда онъ „часто за Палѣемъ вслѣдъ“ *мчался* на конѣ, какъ онъ „леталъ гордо на конѣ“. У Пушкина Мазепа вспоминаетъ, какъ „скакалъ“ рядомъ съ Кочубеемъ (дважды), къ мѣсту казни гетманъ „скакалъ“, оттуда онъ „мчался“; возставъ на Петра, онъ „мчится на конѣ“; спасаясь бѣгствомъ, онъ тоже „мчится“, мимо хутора „помчался“. Этотъ „наѣздническій“ характеръ Мазепы напоминаетъ какъ разъ многихъ героевъ „Думъ“ Рылѣва: очень многіе изъ нихъ отличаются такою-же „стремительною силою“ духа.

Но особенное значеніе для Пушкина имѣла біографія гетмана, составленная А. О. Корниловичемъ и приложенная къ поэмѣ „Войнаровскій“.

Изъ «Полтавы»:

Но старый гетманъ оставался
Послушнымъ подданнымъ
Петра...

[ной

Мазепа въ горести притвор-
Къ царю возносить гласъ
покорный:
„И знаетъ Богъ, и видитъ
свѣтъ:

Онъ, бѣдный гетманъ, двад-
цать лѣтъ
Царю служилъ душою вѣр-
ной.

Изъ «Жизнеописанія Мазепы».

..въ словахъ и поступкахъ
онъ казался самымъ рев-
ностнымъ поборникомъ вы-
годъ Россіи, изъявлялъ со-
вершенное покорство волѣ
Петра, предупреждалъ его
желанія.

Въ письмахъ къ царю Ма-
зепе говорилъ про себя, что
онъ одинъ, и что всѣ окру-
жающіе его недоброжела-
тельствуютъ Россіи.

Петръ, плѣненный его
умомъ, познаніями и доволь-
ный его службою, благово-
лилъ къ гетману особен-

На ложѣ мнимаго мученья
Стоная, молитъ исцѣленья...

... Съ нимъ полномощный
езуитъ

Мятежь народный учреж-
даетъ

И шаткѣй тронъ ему сулитъ.
Во тьмѣ ночной они, какъ

воры,

Ведутъ свои переговоры . . .

Какой-то нищій во дворецъ

Невѣдомо отколѣ ходитъ,

И Орликъ, гетмановъ дѣлецъ,

Его приводитъ и выводитъ.

Повсюду тайно сѣютъ ядъ

Его подосланные слуги:

Тамъ, на Дону, казачьи круги

Они съ Булавинымъ мутятъ.

Тамъ будятъ дикихъ ордь

отвагу,

Тамъ, за порогами Днѣпра,

Стращаютъ буйную ватагу

Самодержавіемъ Петра...

Плоды страстей, войны,

трудовъ,

Болѣзни, дряхлость и пе-

чали,

Предтечи смерти, приковали

Его къ одру. Уже готовъ

Онъ скоро бранный міръ

оставить;

Святой обрядъ онъ хочеть

править;

ни ходить, ни стоять и въ
то время, какъ всѣ полага-

ли его близкимъ къ гробу,
онъ приводилъ въ дѣйствіе

свои намѣренья: переписывался съ Карломъ XII и Ле-

щинскимъ, велъ по ночамъ
переговоры съ присланнымъ

отъ Станислава іезуитомъ
Зеленскимъ о томъ, на ка-

кихъ основаніяхъ сдать Ма-
лороссію полякамъ и отпра-

влялъ тайныхъ агентовъ къ
запорожцамъ съ разглашені-

ями, что Петръ намѣренъ ис-
требить Сѣчу и чтобъ они го-

товились къ сопротивленію.

Притворныя страданія
его часъ отъ часу усили-

вались, 22 Октября 1708 г.
писалъ онъ еще къ графу

Головкину, что не можетъ
ворочаться безъ пособія сво-

ихъ слугъ, болѣе 10 дней
не употребляетъ пищи, ли-

шенъ сна, и, готовясь уме-
реть, уже соборовался мас-

ломъ, а 29, явившись въ
Горкахъ, съ 5000 казаковъ,

положилъ къ стопамъ Кар-
ла XII булаву и бунчукъ,

въ знакъ подданства и вѣр-
ности. .

Онъ архипастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кон-
чины
И на коварные сѣдины
Елей таинственный течеть...
И день насталь. Встаетъ съ
одра
Мазепа, сей страдалецъ хи-
лый,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ мо-
гилой...
Къ ногамъ онъ Карлу поло-
жилъ

Бунчукъ покорный...

[Въ объясненіи причинъ из-
мѣны Мазепы Пушкинъ со-
шелся вполнѣ съ Рылѣ-
вымъ: Мазепа хотѣлъ ко-
роны, для чего рѣшилъ
обмануть и русскихъ, и шве-
довъ; казакамъ причину из-
мѣны выставлалъ, какъ бо-
язнь самодержавія Петра.]

„Что побудило Мазепу къ
измѣнѣ?

„Ненависть ли его къ рус-
скимъ, полученная имъ еще
въ дѣтствѣ во время его
пребыванія при польскомъ
дворѣ?

„Любовная-ли связь съ од-
ной изъ родственницъ Ста-
нислава Лещинскаго, кото-
рая принудила его перейти
на сторону сего короля? Или,
какъ нѣкоторые полагаютъ,
любовь къ отечеству, вну-
шившая ему неумѣстное
опасеніе, что Малороссія,
оставшись подъ владыче-
ствомъ русскаго царя, ли-
шится правъ своихъ?

„Но въ современныхъ актахъ ея не вижу въ поступкѣ гетмана Малороссіи сего возвышеннаго чувства, предполагающаго отверженіе отъ личныхъ выгодъ и пожертвованіе собою пользѣ согражданъ. Мазепа въ универсалахъ своихъ и письмахъ къ казакамъ клялся самыми священными именами, что дѣйствуетъ для ихъ блага; но въ тайномъ договорѣ съ Станиславомъ отдавалъ Польшѣ Малороссію и Смоленскъ, съ тѣмъ, чтобы его признали владѣтельнымъ княземъ полоцкимъ и витебскимъ. Низкое, мелочное честолюбіе привело его къ измѣнѣ. Благо казаковъ служило ему средствомъ къ умноженію числа своихъ соумышленниковъ и предлогомъ для скрытія своего вѣроломства. И могъ ли онъ, воспитанный на чужбинѣ, ужъ два раза опятнавшій себя предательствомъ, двигаться благороднымъ чувствомъ любви къ родинѣ?

Изъ этихъ „недоумѣній“ біографѣ Мазепы вышли и „недоумѣнія“ Пушкина:

Кто сидеть въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней,
Плоды подавленныхъ страстей,
Лежатъ погружены глубоко,
И замыселъ давнишнихъ дней,
Быть можетъ, зрѣеть одиноко.
Какъ знать?

Итакъ, и для Пушкина неясны цѣли измѣны Мазепы — ясно только его несомнѣнное, очевидное коварство.

.. Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.

Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ
Со старцами, старикъ болтливый,
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славить съ своевольнымъ,
Поносить власти съ недовольнымъ.

И, между тѣмъ, „не вѣдаетъ святыни“ (сношенія съ католиками-іезуитами, соборованье, чтобы обмануть Петра), „не помнитъ благостыни“ (неблагодарность по отношенію къ Петру), „не любитъ ничего“ (черта, заимствованная изъ „Жизнеописанія“, но *противорѣчащая любви* героя къ Маріи), „презираетъ онъ свободу“ (черта, не оправданная поэмой), „нѣтъ отчизны для него“ (тоже). Отсюда-же, изъ этого „Жизнеописанія“ позаимствовался онъ и „противорѣчіемъ“, рѣжущимъ глазъ: авторъ „Жизнеописанія“, представивъ въ Мазепѣ мелодраматическаго злодѣя, испортилъ свое созданье, указавъ на „малодушіе“ Мазепы. То же сдѣлалъ и Пушкинъ, неожиданно включивъ „малодушіе“ въ черты характера своего героя¹⁾.

Кромѣ заимствованій, такъ сказать, „психологическаго“ свойства, слѣдуетъ отмѣтить заимствованія Пушкинымъ у Рылѣева цѣлыхъ картинъ. Такъ, на примѣръ, картина привала утомленныхъ бѣглецовъ — Карла и Мазепы.

1) Кромѣ „Жизнеописанія“, воспользовался Пушкинъ для своей поэмы „Исторіей Малороссіи“ Баятыпа-Каменскаго; объ этомъ онъ самъ говоритъ; отсюда взяты нѣкоторые факты и имена изъ исторіи казачьихъ войнъ, взять текстъ письма Мазепы къ Петру.

Почти безъ отдыха пять дней
Бѣжали мы среди степей,
Бояся вражеской погони;
Уже измученные кони
Служить отказывались намъ,
Дрожа отъ стужи по ночамъ,
Изнемогая въ день отъ зноя,
Едва сидѣли мы верхомъ. . .
Однажды, въ полночь, подъ лѣскомъ
Мы для минутнаго покоя
Остановились за Днѣпромъ;
Вокругъ синѣла степь глухая,
Луну затмили облака,
И, тишину перерывая,
Шумѣла въ берегахъ рѣка.
На войлокѣ простомъ и грубомъ,
Главою на сѣдло склоненъ,
Усталый Карлъ дремалъ подъ дубомъ,
Толпами ратныхъ окруженъ.
Мазепа предъ костромъ сосновымъ
Вдали на почернѣвшемъ пнѣ
Сидѣлъ въ глубокой тишинѣ
И съ видомъ мрачнымъ и суровымъ
Какъ другу открывался мнѣ.

(Рылѣевъ, „Войнаровский“, 57).

У Пушкина въ „Полтавѣ“:

Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба.
Вѣгугъ. Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,

„Вотъ, вотъ они! При нихъ	Палачъ и алчно жертвы
палачъ!“	ждетъ:
Онъ говорилъ, дрожа отъ	То въ руки бѣлыя беретъ,
страху:	Играючи, топоръ тяжелый,
„Вотъ ихъ взвели уже на	То шутить съ чернью весе-
плаху,	лой. . .
Кругомъ стenanія и плачь...	И вотъ
Готовъ ужъ исполнитель	Идутъ они, взопли. На
муки;	плаху,
Вотъ засучилъ онъ рукава,	Крестясь, ложится Кочубей.
Вотъ взялъ уже сѣкиру въ	Какъ будто въ гробѣ, тмы
руки,	людей
Вотъ покатилаcь голова. . .	Молчать. Топоръ блеснулъ
И вотъ другая! . . . Всѣ тре-	съ размаху,
пещутъ!	И отскочила голова.
Смотри, какъ страшно очи	Все поле охнуло. Другая
блещутъ!“.	Катится вслѣдъ за ней, ми-
	гая.

Нетрудно замѣтить, что у Пушкина картина казни изображена гораздо художественнѣе, отчасти благодаря тому, что поставлена въ болѣе выгодную обстановку. На первое мѣсто выдвинута фигура *палача*, сохранены нѣкоторыя детали, какъ, напримѣръ, впечатлѣніе отъ взоровъ отсѣченной головы. Психика толпы у Пушкина разработана правдивѣе: въ послѣдній моментъ передъ роковым ударомъ народъ безмолствуетъ, — у Рылѣва „стенанія и плачь“. Объ „анаематствованіи“ Мазепы Пушкинъ дважды говоритъ мимоходомъ; у Рылѣва умирающій Мазепа видитъ цѣлую сцену этого церковнаго обряда. Появленіе безумной Маріи и ея разговоръ съ Мазепою принадлежатъ къ самымъ сильнымъ мѣстамъ поэмы; у Рылѣва эта благодарная сцена не разработана; у него сказано только:

Изъ Примѣчаній къ „Вой-
наровскому“.

[Оклеветанный Мазепою Палѣй]... былъ отправленъ въ Москву, а оттолѣ, по указу государеву, сосланъ въ Енисейскъ, гдѣ цѣлыя пять лѣтъ томился вдалькѣ отъ родины и родныхъ, свѣдаемъ тоскою бездѣйствія и неволи. Измѣна Мазепы открыла глаза Петру, и онъ среди заботъ военныхъ вспомнилъ объ оклеветанномъ Палѣѣ и возвратилъ ему имущество, чинъ и свободу. Но какъ земная власть могла возвратитъ ему здорovie! Однакожъ, послѣднiе дни Палѣевой жизни были отрадны для сердца стараго воина. Онъ прiѣхалъ на войну въ день полтавской битвы, сѣлъ на коня и, поддерживаемый двумя казаками, явился передъ своими. Радостные клики огласили воздухъ: видъ Палѣя воспламенилъ всѣхъ мужествомъ. Старикъ ввелъ казаковъ въ дѣло, и хотя сабля его не могла уже разить враговъ, но еще однажды указала путь къ побѣдѣ..

Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкiй,
Старикъ Палѣй изъ мрака ссылки
Въ Украйну ѣдетъ, въ царскiй станъ...
Сердечной ревностью горя..

Но близъ московскаго царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами,
Двумя поддержанъ казаками?

Подъ вліяніемъ поэмы „Войнаровскій“, въ которой говорится о похоронахъ Мазепы въ Бендерахъ, Пушкинъ въ 1824-мъ году, т. е. во время особаго увлеченія поэмой Рылѣва, искалъ могилы бѣглаго гетмана (Воспоминанія Липранди: „Русск. Арх.“ 1866, ст. 1459, 61, 63 — 65). Объ этой могилѣ вспоминаетъ Пушкинъ и въ послѣсловіи къ „Полтавѣ“.

Еще одна мелочь сближаетъ поэму Пушкина съ „Войнаровскимъ“ Рылѣва; только къ „Полтавѣ“ приложены довольно обстоятельныя историческія „примѣчанія“, что особенно характерно и для поэмы Рылѣва: такъ, и у него только къ „Войнаровскому“ приложены такія обстоятельныя объясненія.

У Рылѣва есть „дума“, посвященная Борису Годунову; стоитъ прочесть ее, — и невольно въ памяти всплываетъ образъ Пушкинскаго Годунова, особенно тотъ монологъ его, который раскрываетъ передъ нами его тоскующее сердце. Оба писателя изобразили Годунова въ минуту тоски, когда онъ съ ужасомъ сознаетъ, что въ вопіющей несправедливости черни къ его державному труду кроется великая справедливость, — наказаніе за содѣянное преступленіе.

Изъ „думы“ Рылѣва.

Я мнилъ: взойду на тронъ — и рѣки благъ
Пролью съ высотъ его къ народу;
Лишь одному злодѣйству буду врагъ;
Всѣмъ дамъ законную свободу!
Начнутъ торговлею вездѣ цвѣсти
И грады пышныя, и села!
Полезному открою всѣ пути
И возвеличу блескъ престола!
Я мнилъ: народъ меня благословить,

Зря благоденствія отчизны,
И общая любовь мнѣ будетъ щить
Отъ тайной сердца укоризны.
Добро творю; но ропота души
Оно остановить не можетъ:
Гласъ совѣсти въ чертогахъ и въ глуши
Вездѣ равно меня тревожитъ!
Вездѣ, какъ неотступный стражъ за мной,
Какъ злой, неумолимый геній,
Влачится вслѣдъ и шепчетъ мнѣ порой
Невнятно повѣсть преступленій. . .
Ахъ, удались! Дай сердцу отдохнуть
Отъ нестерпимаго страданья! . . .

Невольно съ этой цитатой хочется сопоставить нѣкоторые мѣста изъ монолога Пушкинскаго Годунова:

..Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать . . .
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы. . .
Я выстроилъ имъ новыя жилища. . .

Несмотря на сознанье своихъ заслугъ передъ отечествомъ, и Пушкинскій Годуновъ не знаетъ счастья:

Счастья нѣтъ моей душѣ. . . ,

говорить онъ.

Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ,
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. . .

Кончается монологъ жалобами на то, что отъ му-

ченія совѣсти никуда ему не уйти — эта же мысль выражена въ „думѣ“ Рылѣва.

Полагаю, что приведенныя сопоставленія позволяютъ говорить съ увѣренностью о томъ, что въ произведеніяхъ Рылѣва Пушкинъ нерѣдко встрѣчалъ такіе поэтическіе „намёки“, которые затрагивали его творчество, развертывались въ цѣлыя художественныя картины, почти всегда неизмѣримо превосходившія въ художественномъ отношеніи заимствованное. Только въ созданіи образа Мазепы вліяніе Рылѣва не было переработано Пушкинымъ и вошло въ его творчество непріятнымъ *нехудожественнымъ* диссонансомъ.

В. Сипооскій.

Къ исторіи опредѣленія Пушкина въ Лицей.

Въ Архивѣ Департамента Герольдіи, въ 129-й книгѣ „Рѣшенныхъ дѣлъ Герольдіи Правительствующаго Сената“, на лл. 605—609, сохранились нижеслѣдующіе три документа, касающіеся выдачи свидѣтельства о дворянскомъ происхожденіи А. С. Пушкина. Объ этомъ свидѣтельствѣ упоминаетъ г. Селезневъ въ своемъ трудѣ „Историческій очеркъ Императорскаго бывшаго Царско-сельскаго, нынѣ Александровскаго Лицея“, С.-Пб. 1861 (стр. 6 приложеній), а также И. А. Шляпкинъ въ брошюрѣ „Къ біографіи А. С. Пушкина (Малоизвѣстныя и неизвѣстныя документальныя данныя)“, С.-Пб. 1899 (стр. 14), но самый документъ нигдѣ еще обнародованъ не былъ, равно какъ и два другіе — прошеніе С. Л. Пушкина и удостовѣреніе И. И. Дмитріева и графа Сергѣя Николаевича Салтыкова.

I.

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій великій государь императоръ Александръ Павловичъ, Самодержецъ все-россійскій, Государь всемилостивѣйшій!

Проситъ служащій въ комиссаріатскомъ штатѣ 7-го класса Сергѣй Львовъ сынъ Пушкинъ о нижеслѣдующемъ.

Гербъ рода нашего Пушкиныхъ внесенъ въ Гер-

бовникъ ¹⁾) и съ онаго герба братъ мой родной, гвардіи порутчикъ Василій Львовичъ Пушкинъ, въ 1802 году получилъ копію, а какъ нужно сыну моему Александру имѣть изъ Герольдіи о дворянствѣ свидѣтельство, а потому, прилагая при семъ свидѣтельство о законномъ рожденіи онаго сына моего ²⁾), весподданнѣйше прошу *Кз сему*

Дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ Герольдіи принять и сыну моему Александру выдать свидѣтельство о дворянствѣ. *Прошенію*

Всемилоствѣйшій Государь! прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Марта дня 1811 года; къ поданію надлежитъ въ Герольдію. Прошеніе писалъ и сочинялъ Канцеляристъ Петръ Степановъ. *Седьмаго класса Сергѣй Львовъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ.*

II.

Свидѣтельствую симъ, что недоросль Александръ Пушкинъ есть дѣйствительно законный сынъ служащаго въ Коммиссаріатскомъ штатѣ 7-го класса Сергѣя Львовича Пушкина.

Марта дня 1811 г.

Министръ Юстиціи Дмитріевъ.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ
Графъ Сергій Салтыковъ.

1) Гербъ рода Пушкиныхъ внесенъ въ V часть „Общаго Гербовника“, на стр. 18; родъ записанъ въ VI часть родословной книги Костромской и Московской губерній. В. Р.

2) Въ дѣлѣ Герольдіи его нѣтъ; въ 1861 г. оно еще хранилось въ дѣлахъ Лицейскаго архива. Ред.

III.

*Свидѣтельство*¹⁾.

Копія.

По Указу Его Императорскаго Величества Герольдія опредѣлила: дать сіе Коммиссаріатскаго штата 7-го класса Сергѣя Пушкина сыну Александру Пушкину въ томъ, что онъ происходитъ отъ древняго дворянскаго рода Пушкиныхъ, коего гербъ внесенъ въ общій дворянскихъ родовъ Гербовникъ и высочайше утверждень.

Марта 23 дня 1811 года.

Подлинный подписали: Герольдмейстеръ и кавалеръ Владиміръ Грушецкій. Статскій Совѣтникъ и кавалеръ Матвѣй Вагановъ. Секретарь Карлъ Гальбергъ. Коллежскій Ассессоръ Коневскій. У подлиннаго свидѣтельства Его Императорскаго Величества Канцеляріи печать. Пошлины 50 коп. взяты.

Подлинное свидѣтельство получилъ Штата Коммиссаріатскаго седьмаго класса Сергѣй Пушкинъ.

Сообщилъ В. Рудаковъ.

1) Свидѣтельство это, за № 887, выдано на основаніи опредѣленія Герольдіи, состоявшагося 23-го марта 1811 года. В. Р.

Ө. Ф. Юрьевъ и посланіе къ нему Пушкина (1819 г.).

Одинъ изъ членовъ общества „Зеленой Лампы“, Теодоръ Филипповичъ Юрьевъ, извѣстенъ по двумъ посланіямъ къ нему Пушкина: одно изъ нихъ было написано въ 1818, а другое („Здорово, Юрьевъ-именинникъ“) въ 1819 г. Различныя изданія сочиненій поэта различно датируютъ это второе посланіе, приурочивая его, обыкновенно, къ началу 1819 года, а П. О. Морозовъ, въ изданіи 1903 г., (т. I, стр. 238 — 239) выставляетъ подъ нимъ помѣту „февраль“, не указывая, впрочемъ, источника, изъ котораго онъ взялъ эту помѣту. Между тѣмъ, изъ служебнаго формуляра Юрьева, къ которому Пушкинъ въ этомъ второмъ посланіи обращается уже какъ къ лейбъ-улану, видно, что въ лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ онъ былъ переведенъ 20-го сентября 1819 г. Такимъ образомъ, посланіе это могло быть писано не ранѣе 20-го сентября, а принимая во вниманіе, что память св. Теодора празднуется 20-го и 23-го сентября, дважды въ ноябрѣ и дважды въ декабрѣ, можно съ нѣкоторою увѣренностью сказать, что оно писано было или въ самый день перевода Юрьева въ лейбъ-уланы, или 23-го сентября, когда

вѣсть объ этомъ переводѣ, вѣроятно, давно ожидавшемся, дошла до Пушкина¹⁾.

Сообщаемъ здѣсь, кстати, біографическія свѣдѣнія объ Юрьевѣ, почерпнутыя изъ дѣла о дворянскомъ его происхожденіи (въ Архивѣ Департамента Герольдіи), изъ дѣла о его службѣ, хранящагося въ Архивѣ Государственнаго Банка и разысканнаго по нашей просьбѣ архивариусомъ Банка А. А. Мироновымъ, а также изъ „Исторіи лейбъ-гвардіи Уланскаго полка“, составленной П. О. Бобровскимъ (С.-Пб. 1903, приложенія ко II тому, стр. 107 — 108).

Ө. Ф. Юрьевъ происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи и родился въ 1796 году; въ 1812 г. (1-го сентября) онъ поступилъ на службу пятидесятымъ начальникомъ въ конный полкъ Нижегородскаго ополченія и въ 1813, 1814 и 1815 г. былъ, вмѣстѣ съ полкомъ, въ походахъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, въ Пруссіи, Богеміи, Австріи, Саксоніи, Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, Вестфаліи и Ангальтѣ, участвовалъ въ блокадѣ Магдебурга и Дрездена, въ сраженіяхъ съ французами подъ Дрезденомъ (5-го октября 1813 г.), у мѣст. Донау (10-го октября), подъ крѣп. Торгау (14-го) и подъ Нейстрицемъ (17-го), получилъ чинъ корнета и вернулся въ Россію, а 5-го декабря 1814 г., послѣ распущенія ополченія, поступилъ въ Литовскій уланскій полкъ, въ февралѣ 1817 г. произведенъ въ поручики и 8-го августа 1818 г., „по волѣ начальства и по Высочайшему повелѣнію, переведенъ былъ, въ числѣ русскихъ офицеровъ“, въ Ямбургскій уланскій полкъ. 20-го сентября 1819 г., какъ сказано было выше, Юрьевъ, „за отличіе по службѣ и по собственному желанію“, перешелъ въ лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ, съ назначеніемъ

1) Эти сообщенія были сообщены нами В. Е. Якушкину, который воспользовался ими для примѣчаній къ Академическому изданію сочиненій Пушкина.

старшимъ адъютантомъ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи. Пробывъ затѣмъ во фронтѣ полка съ 10-го августа 1823 по 9-е февраля 1824 г., Юрьевъ былъ опредѣленъ адъютантомъ къ командирующему 1-ю уланскою дивизіей генераль-маіору князю Лопухину, 20-го октября того же года произведенъ въ штабсъ-ротмистры и назначенъ къ тому-же Лопухину бригаднымъ адъютантомъ, 6-го декабря 1827 г. получилъ чинъ ротмистра, а въ маѣ 1830 г., по выходѣ Лопухина въ отставку, снова вернулся въ свой полкъ, гдѣ, однако, прослужилъ уже недолго, и 10-го января 1833 г. вышелъ въ отставку, „для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ“. Причислившись 29-го января 1835 г. къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, Юрьевъ 2-го іюня 1836 г. былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса при Министрѣ, 19-го апрѣля 1839 г. перешелъ въ Министерство Юстиціи, а 5-го октября того же года назначенъ былъ старшимъ директоромъ въ Экспедицію депозитной кассы при Коммерческомъ Банкѣ. Съ этого времени вся дальнѣйшая служба „любимца вѣтреныхъ Лаисъ“ прошла по Министерству Финансовъ; такъ, онъ постепенно занималъ должности: товарища управляющаго Коммерческимъ Банкомъ (съ 20-го августа 1843 г.), управляющаго (1848, 1849 и 1851 г.) временными Рыбинской и Нижегородской Банковыми Конторами, Управляющаго Экспедицію Государственныхъ кредитныхъ билетовъ (съ 22-го января 1854 г.), Управляющаго Государственнымъ Коммерческимъ Банкомъ (съ 15-го октября 1854), въ 1856 г. былъ командированъ для обрѣзизованія Рижской Банковой Канторы, а въ 1858 г. съ тою же цѣлью осматривалъ Московскую, Одесскую, Кіевскую и Харьковскую Конторы Коммерческаго Банка. Состоя съ 1848 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Ѳ. Ф. Юрьевъ скончался въ Петербургѣ 30-го марта 1860 г.; жена его, Марія Павловна, рожденная Уша-

кова¹⁾ умерла еще раньше — 7-го декабря 1858 г. (род. 21-го августа 1802 г.) и погребена съ мужемъ въ церкви Казанскаго кладбища въ Царскомъ Селѣ. Дѣтей у нихъ не было, а наслѣдниками Ѳедора Филипповича были братья и сестра его жены: Валеріанъ и Алексѣй Павловичи Ушаковы и Варвара Павловна Барыкова²⁾; въ качествѣ свидѣтелей на духовномъ его завѣщаніи подписались: Александръ Всеволодовичъ Всеволожскій, одинъ изъ сотоварищей Юрьева по обществу „Зеленой Лампы“ (братъ основателя послѣдней — Никиты Всеволожскаго) и Николай Павловичъ Мансуровъ, сынъ другого члена „Зеленой Лампы“ — П. Б. Мансурова. Изъ этого можно заключить, что Юрьевъ до конца дней своихъ сохранилъ дружескія связи съ пріятелями своей кипучей молодости. Подлинная рукопись второго посланія Пушкина къ Юрьеву перешла къ П. А. Ефремову, у котораго находится и въ настоящее время (Соч. Пушкина, изд. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 126).

Б. Модзалевскій.

1) Дочь генераль-адъютанта Павла Петровича Ушакова (р. 21-го іюня 1759 г. † 11-го марта 1840 г., погребенъ съ дочерью).

2) Умерла 5-го февраля 1862, погребена съ сестрой.

„Пушкинскія“ замѣтки¹⁾.

При занятіяхъ какими бы то ни было спеціальными вопросами накопляется попутно много матерьяла, къ этимъ вопросамъ не относящагося, но все же запоминаемаго, особенно, если онъ касается личности или дѣятельности такого писателя, какъ Пушкинъ. И у меня накопилось не мало замѣтокъ, такъ или иначе связанныхъ съ именемъ великаго поэта. Большинство ихъ было уже потомъ напечатано, кое чѣмъ я и самъ воспользовался для своего сообщенія „Пушкинъ и Новороссійскій край“, помѣщеннаго въ сборникѣ „Пушкинскіе дни въ Одессѣ“ (Одесса. 1900 г.); но кое какая мелочь еще нашлась въ моемъ портфѣйлѣ. Не все тутъ равноцѣнно; но, полагая, что все, относящееся къ Пушкину, можетъ быть использовано въ будущемъ, я и позволяю себѣ сообщить эти безсвязныя замѣтки.

I.

Въ редакцію сборника, который предполагалось издать въ Одессѣ къ юбилею Пушкина, доставленъ былъ, между прочимъ, рассказъ г. Подвысоцкаго о томъ, какъ

1) Эта статья покойнаго профессора Новороссійскаго Университета Алексѣя Ивановича *Маркевича* найдена въ бумагахъ А. Н. *Пытина*, среди статей, присланныхъ для помѣщенія въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности“. *Ред.*

Пушкинъ прїѣзжалъ къ своему прїятелю, дѣду г. Подвысоцкаго, Николаю Ивановичу Величко (дѣду и современнаго поэта В. Л. Величко). Передавать этотъ разсказъ я не считаю себя вправѣ, да и не убѣжденъ, что онъ теперь гдѣ-либо не напечатанъ, такъ какъ слѣдить за тѣмъ, что печатается во всѣхъ журналахъ и газетахъ нашихъ, невозможно¹⁾. Но въ разсказѣ г. Подвысоцкаго были нѣкоторыя неточности, и я хочу привести здѣсь соображенія, которыя, въ случаѣ чего, косвеннымъ образомъ помогутъ эти неточности исправить. Если Пушкинъ дѣйствительно когда-либо заѣзжалъ къ Н. И. Величко въ его хуторъ Вернигоровщину, то это могло быть лишь лѣтомъ 1824 г., послѣ того, какъ онъ былъ высланъ изъ Одессы и проѣзжалъ въ свое Михайловское черезъ Кременчугъ и Черниговъ; при чемъ, слѣдуя большимъ почтовымъ трактомъ, обязательно долженъ былъ проѣхать черезъ Прилуки и Нѣжинъ. Хотя дорога между этими городами и не лежитъ черезъ мѣстечко Ичню, близъ которой находится хуторъ Вернигоровщина, но разстояніе ихъ отъ почтоваго тракта, напр., отъ лежащаго на немъ мѣст. Монастырица, такъ невелико (версть 20—25), что Пушкину не трудно было бы свернуть въ сторону и заѣхать на нѣсколько часовъ къ прїятелю. Замѣчу, между прочимъ, что, хотя хуторъ Вернигоровщина находится очень близко отъ мѣст. Ични, но лежитъ уже не въ Черниговской губерніи, какъ Ичня, а въ Полтавской — въ Прилуцкомъ уѣздѣ.

1) Разсказъ Н. В. Подвысоцкаго: „Изъ моихъ воспоминаній“, напечатанъ въ „Пушкинскомъ Сборникѣ“ Петербургскихъ литераторовъ, С.-Пб. 1899, стр. 586 и сл.

II.

Сообщаю нѣкоторые архивные матерьялы, быть можетъ, не лишніе для біографіи Пушкина, а именно, — два рапорта А. А. Скальковскаго.

А.

Его Превосходительству Господину Одесскому временному Генералъ Губернатору¹⁾

Тайнаго Совѣтника Скальковскаго

Рапортъ.

Исполняя предписаніе Вашего Высокопревосходительства отъ 23 сего Іюня № 1877 о собраніи въ архивѣ бывшаго Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора свѣдѣній „о поэтѣ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ“, честь имѣю донести, что въ архивѣ найдены мною слѣдующіе три положительные документа о нашемъ знаменитомъ соотечественникѣ:

1) Въ дѣлѣ 1850 года, № 307: „О составленіи Коммисіи для разбора дѣлъ архива Канцеляріи, подлежащихъ къ уничтоженію“, въ числѣ прочихъ было дѣло 1821 года, № 401, на 38 страницахъ: „По отношенію Министра Иностранныхъ Дѣлъ о жалованьѣ Коллежскаго Секретаря Пушкина“. Дѣло это, по требованію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 27 Ноября 1861 года, за № 1969, отправлено Генералъ-Губернаторомъ графомъ Строгановымъ Г. Министру Иностранныхъ Дѣлъ 7 Января 1862 года, за № 288.

2) Дѣло 1824 года № 74/89, часть 1-я „О саранчѣ“, опустошавшей тогда поля Новороссійскаго Края, въ ко-

1) Графу Э. И. Тотлебену.

торомъ упомянуто: „что въ числѣ чиновниковъ, командированныхъ въ Херсонскую губернію княземъ М. С. Воронцовымъ для произведенія опытовъ къ истребленію саранчи, отправленъ былъ „Коллежскій Секретарь Пушкинъ“ съ выдачею ему 400 р. ассигнаціями на путевыя издержки. Подлинное черновое предписаніе Генераль-Губернатора отъ 25 Мая 1824 года, № 7976, находится во 2-й части дѣла о саранчѣ: № 76, 1824 же года. О томъ, какъ исполнилъ свое порученіе достославный поэтъ, въ дѣлѣ этомъ не видно. Дѣло хранится до сихъ поръ въ нашемъ архивѣ.

3) Дѣло 1824 года, № 144: „О высылкѣ изъ Одессы въ Псковскую губернію Коллежскаго Секретаря Пушкина“, на 33-хъ листахъ, которое при представленіи моемъ отъ 20 Декабря 1879 года, № 96, мною лично доставлено бывшему Одесскому градоначальнику генераль-маіору Гейнсу, согласно предложенію его отъ 15 Ноября того же года, № 11135; это дѣло до настоящаго времени въ архивъ нашъ не возвращено¹⁾.

Донося о семъ Вашему Высокопревосходительству, я полагаю, что генераль-маіоръ Гейнсъ, по первому требованію Вашему, не замедлитъ представить Вамъ упомянутое дѣло № 144 въ убѣжденіи, что онъ въ немъ никакой надобности не имѣетъ, а обязанъ возвратить въ Генераль-Губернаторскій архивъ, изъ котораго оно было заимствовано.

Что касается до пребыванія въ Одессѣ знаменитаго нашего поэта, то въ Генераль-Губернаторскомъ архивѣ свѣдѣній о томъ не имѣется. Тайный Совѣтникъ А. Скальковскій, Императорской Академіи Наукъ членъ.

Одесса. 28 Іюля 1880 года.

1) Нынѣ, стараньями и. д. Одесскаго Градоначальника гр. П. П. Шувалова, уже возвращено въ архивъ.

В.

Къ Біографіи Пушкина.

Имя такого великаго, по истинѣ народнаго поэта, какъ Пушкинъ, свѣтило Русской земли, столь дорого для всякаго русскаго, что и я, всегда чуждый не только полемикѣ, но даже ученой критикѣ, рѣшаюсь сообщить нѣсколько достовѣрныхъ свѣдѣній о героѣ нашего современнаго празднества ¹⁾, чтобы сперва опровергнуть нѣсколько ошибочныхъ разсказовъ „современныхъ ему лѣтописцовъ“, а потомъ указать довольно справедливое свѣдѣніе, гдѣ жилъ Пушкинъ въ Одессѣ.

1.

Въ № 123 „Одесскаго Вѣстника“, одинъ изъ такихъ „современниковъ“ В. В. Лоровичъ ²⁾ помѣстилъ въ фельетонѣ свое „Воспоминаніе о Пушкинѣ“ и вотъ что, между прочимъ, говоритъ онъ: „Почти одновременно (значитъ въ 1822 — 1824 г.) съ великимъ поэтомъ приѣхалъ въ Одессу другой поэтъ — Викторъ Тепляковъ, другъ и товарищъ Пушкина по Царскосельскому Лицею. Тепляковъ квартировалъ въ домѣ моихъ родителей. Увидѣвъ мой почеркъ, поэтъ пригласилъ меня перебѣливать его сочиненія и писать подъ его диктовку. Нѣсколько времени спустя, онъ передалъ мнѣ, что другъ его Пушкинъ тяжолъ на подъемъ и лѣнивъ, и что онъ также желаетъ обзавестись хорошимъ и смѣтливымъ переписчикомъ. На предложеніе Теплякова я охотно согласился, тѣмъ болѣе что у меня не было никакихъ опредѣленныхъ занятій.

1) Вѣроятно, писано въ 1880 г.

А. М.

2) Былъ учителемъ 2-й Одесской Гимназіи; очень популярная личность въ Одессѣ въ свое время.

А. М.

Отсюда начало моего знакомства съ Александромъ Сергѣевичемъ“.

И далѣе, говоря о порученіи, данномъ княземъ Воронцовымъ Пушкину истреблять саранчу вмѣстѣ съ другими, весьма почтенными лицами, посредствомъ цѣлыхъ баталіоновъ пѣхоты, г. Лоровичъ пишетъ, „что графъ М. С. Воронцовъ не долюбливалъ Пушкина послѣ знаменитаго донесенія въ стихахъ, вмѣсто казеннаго рапорта, объ истребленіи саранчи, при чемъ полетъ саранчи и наружный видъ описаны поэтомъ мастерски и художественно. Сколько мнѣ извѣстно, рапортъ этотъ приобщенъ къ дѣлу и, надо полагать, хранится въ Генераль-Губернаторскомъ архивѣ“.

Прочитавъ столь удивительныя вещи, я обратился за справками въ упомянутый Генераль-Губернаторскій архивъ; г. Миллеръ, консерваторъ этого архива, доставилъ мнѣ слѣдующія выписки: во-первыхъ — изъ дѣла 1826 года, № 34, „объ отставномъ поручикѣ Тепляковѣ“, изъ котораго видно, что г. Тепляковъ въ ноябрѣ 1826 г. по распоряженію высшей власти высланъ былъ на постоянное жительство въ Херсонъ, гдѣ и находился безотлучно до начала января 1828 года, когда, по особому ходатайству князя Воронцова, онъ командированъ былъ на службу къ Таганрогскому градоначальнику. Онъ только въ октябрѣ 1829 года получилъ дозволеніе посѣтить Одессу въ теченіе восьми дней. Въ это время, по его просьбѣ, командированъ онъ былъ въ Варну и другіе крѣпости и города, занятые Русскими войсками, съ археологическою цѣлію. Плодомъ этого путешествія было собраніе нѣсколькихъ древнихъ мраморовъ¹⁾ и довольно дѣльное ихъ описаніе, удостоившееся даже 31 декабря

1) Находятся въ музеѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. А. М.

1829 года Высочайшаго благоволенія. Наконецъ, 18 сентября 1830 года дозволено было ему поступить на службу въ Канцелярію князя Воронцова и поселиться окончательно въ Одессѣ. Изъ этой выписки видно, что г. Тепляковъ, прибывшій въ Одессу, сперва на нѣсколько лишь дней, въ 1829 году и поселившійся въ этомъ городѣ едва въ 1831 г., не могъ никакъ дружить съ Пушкинымъ во время пребыванія знаменитаго поэта въ Одессѣ въ 1822 — 1824 гг.

Мы полагаемъ, въ оправданіе г. Лоровича, что онъ смѣшалъ нашего безсмертнаго поэта съ его двоюроднымъ братомъ¹⁾, который, точно, нѣсколько лѣтъ сряду жилъ въ Одессѣ въ 1840-хъ годахъ, гдѣ и женился на дочери генерала Загряжскаго.

Что касается службы Пушкина по истребленію саранчи, то г. Миллеръ въ дѣлахъ архива бывшаго Генералъ-Губернаторства нашель, по требованію бывшаго Градоначальника А. К. Гейнса, и сообщилъ Его Превосходительству дѣло 1824 года, № 153/76: „Объ истребленіи саранчи“. Въ немъ находится предписаніе Князя Воронцова отъ 22 Мая 1824 года, № 7976 о командированіи Коллежскаго Секретаря Пушкина, вмѣстѣ съ другими чиновниками, для истребленія саранчи въ Херсонской губерніи, съ выдачею ему на путевыя издержки 400 руб. ассигнаціями. Отчетные рапорты по этому порученію отъ военныхъ начальствъ и командированныхъ чиновниковъ въ дѣлѣ этомъ находятся въ большомъ числѣ. Донесенія же Пушкина ни въ прозѣ, ни въ стихахъ нигдѣ не найдено, и едва ли г. Лоровичъ могъ читать этотъ „поэтический рапортъ“ Пушкина, такъ какъ автору фельетона „Одесскаго Вѣстника“ было въ 1824 году не болѣе 12 лѣтъ отъ роду и, слѣдственно, не могъ онъ тогда

1) Ошибка: родной братъ — Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ.

судить, что „полетъ саранчи и наружный видъ описаны поэтомъ мастерски и художественно“. А. Скальковскій.

Повидимому, настоящая статья А. А. Скальковскаго, или, точнѣе, рапортъ его, такъ какъ въ противномъ случаѣ не было основанія ей находиться въ архивномъ дѣлѣ, откуда я извлекъ ее, повидимому была имъ тогда не закончена, такъ какъ въ ней не исполнено обѣщаніе указать, гдѣ жилъ Пушкинъ въ Одессѣ. Впрочемъ, мнѣніе А. А. Скальковскаго объ этомъ было впоследствии напечатано; но я потому и отношу настоящій рапортъ къ 1880 г., что тогда именно состоялось въ Одессѣ при торжественной обстановкѣ прибитіе къ дому г. Сикара на Итальянской (нынѣ Пушкинской) улицѣ доски съ обозначеніемъ, что здѣсь въ 1823 г. жилъ Пушкинъ. А. А. Скальковскій отрицалъ, что Пушкинъ жилъ въ этомъ домѣ, но Одесское Славянское Общество, которое озаботилось тогда помещеніемъ доски на домѣ Сикара, руководствовалъ указаніемъ Н. Г. Тройницкаго, жившаго въ Одессѣ въ то время, когда здѣсь былъ Пушкинъ, и бывшаго величайшимъ его поклонникомъ; тогда какъ А. А. Скальковскій поселился въ Одессѣ позже и вращался въ такомъ кругу, гдѣ Пушкина не долюбливали.

III.

По поводу рапорта о саранчѣ, могу припомнить, что приходилось въ Одессѣ слышать различныя его редакціи; можетъ быть, онѣ уже были гдѣ-либо и напечатаны. Одна редакція сообщаетъ рапортъ дѣйствительно въ стихотворной формѣ, несхожей съ обычною, а что то въ родѣ:

Сія саранча

Богомъ создана и т. д.

Можетъ быть, г. Лоровичу попался рапортъ именно въ такой редакціи.

По другой редакціи рапортъ имѣлъ будто-бы такой видъ: на всей первой страницѣ листа было написано: „Саранча летѣла, летѣла, летѣла“ и т. д. до конца страницы, а въ концѣ слова: „и сѣла“; на второй страницѣ: „сидѣла, сидѣла, сидѣла“ и т. д. опять до конца страницы; на третьей: „ѣла, ѣла, ѣла“ и т. д., а въ концѣ: „все съѣла“; на четвертой же многократно повторялся неприличный глаголъ, тоже въ прошедшемъ времени, а въ концѣ— другой, сходный съ нимъ, и слова: „и улетѣла“.

Попадались мнѣ и модификаціи рапорта второй редакціи: „саранча то летѣла, то сидѣла, снова летѣла и снова сидѣла“ и т. д. до безконечности. Вообще желательно было бъ видѣть хоть одинъ старинный экземпляръ копій съ этого апокрифическаго рапорта.

IV.

Въ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ М. Н. Макарова упоминается, что едва-ли не первымъ, оцѣнившимъ даровитаго юношу, былъ гувернеръ родственниковъ Пушкина— графовъ Бутурлиныхъ — французъ Жилле. Не мѣшаетъ замѣтить, что этотъ Р. Жилле былъ въ послѣдствіи директоромъ Рипельевского Лицея и вообще представляетъ собою лицо, не безынтересное для исторіи нашего воспитанія въ началѣ XIX в.; его біографію смотри въ сборникѣ „Рипельевскій Лицей и Императорскій Новороссійскій Университетъ“, Одесса. 1898 г.

V.

Ад. Ант. Арцимовичъ, бывшій въ 1860-хъ годахъ Самарскимъ губернаторомъ, а затѣмъ попечителемъ Одес-

скаго Учебнаго Округа, рассказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ Самарскихъ архивахъ дѣла, которыми пользовался Пушкинъ для исторіи Пугачевского бунта; при чемъ онъ не давалъ себѣ труда списывать необходимые ему документы или отдѣльныя мѣста въ нихъ, а просто вырывалъ или вырѣзывалъ то, что ему было нужно. Этотъ фактъ нетрудно и провѣрить.

VI.

В. И. М-чъ рассказывалъ мнѣ, со словъ Н. П. Семенова, члена Государственнаго Совѣта, о слѣдующемъ случаѣ: приѣхавъ молодымъ въ Петербургъ, Н. П. Семеновъ съ кѣмъ-то изъ своихъ родственниковъ шелъ по улицѣ и вдругъ услышалъ вдали шумъ. Показалась толпа народа; родственникъ Н. П. Семенова предупредилъ его, что они сейчасъ встрѣтятъ императора Николая Павловича; но оказалось, что толпа сопровождала Пушкина, которому при этомъ кричали: „Браво, Пушкинъ!“, аплодировала и т. п. Родственникъ Н. П. Семенова былъ знакомъ съ Пушкинымъ и, встрѣтившись, вступилъ съ нимъ въ разговоръ, что и дало возможность Н. П. Семенову близко видѣть Пушкина.

Авторитетность источника исключаетъ возможность сомнѣваться въ достовѣрности рассказа, который прекрасно иллюстрируетъ популярность Пушкина въ Петербургѣ.

VII.

Позволю себѣ высказать сомнѣніе, правильно ли размѣщаются обычно знаки препинанія въ извѣстномъ рассказѣ Григорія („Бориса Годуновъ“, Келья въ Чудовомъ монастырѣ) о его снѣ. Правда, знаки препинанія раз-

мѣщены точно также и въ томъ изданіи „Бориса Годунова“, которое вышло еще при жизни Пушкина; но для меня такое возраженіе недостаточно убѣдительно: знакамъ препинанія Пушкинъ вообще не придавалъ особеннаго значенія, разставлялъ ихъ не всегда правильно (да были ли въ его время общепринятые, хоть сколько-нибудь систематическія правила о знакахъ препинанія?) и могъ не обратить вниманія на то, какъ они напечатаны въ тѣхъ стихахъ, которые я имѣю въ виду.

Въ настоящее время печатается:

Григорій.

. . . Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ; и т. д.

Мнѣ же кажется, что слѣдуетъ читать такъ;

. съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва; что муравейникъ,
Внизу народъ на площади кипѣлъ, и т. д.

Получается образъ, гораздо болѣе естественный.

Одесса. 25 декабря 1900 г.

Ал. Маркевичъ.

Въ засѣданіи Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ въ соединеніи съ Разрядомъ изящной словесности 28 января текущаго года Его Императорскимъ Высочествомъ Августѣйшимъ Президентомъ было внесено предложеніе о составленіи словаря Пушкинскихъ рѣемъ. При обсужденіи этого вопроса было высказано нѣкоторыми изъ присутствующихъ связанное съ нимъ пожеланіе, чтобы наконецъ осуществилась и мысль о Пушкинскомъ словарѣ, занимавшая неоднократно изслѣдователей произведеній Пушкина и вызвавшая нѣкоторыя попытки къ удовлетворенію этой давно назрѣвшей потребности, изъ которыхъ, впрочемъ, ни одна не была доведена до конца. Собраніе признало, что успѣшное исполненіе обѣихъ этихъ работъ, особенно второй, возможно только по окончаніи предпринятаго Академіей полного и критически провѣреннаго изданія сочиненій Пушкина, однако, въ виду неизбѣжной медленности исполненія такихъ задачъ, какъ подробный Пушкинскій словарь и систематическій словарь Пушкинскихъ рѣемъ, нашло умѣстнымъ озаботиться безотлагательно выработкой плана обоихъ трудовъ и возложило это порученіе на академикомъ *А. И. Соболевскаго* и *Θ. Е. Корша*. Въ засѣданіи 3 фѣвраля, состоявшемся при участіи нѣкоторыхъ членомъ Коммиссіи по изданію сочиненій Пушкина не изъ числа академикомъ, а именно *В. Е. Якушкина* (одного изъ редакторомъ), *Б. Л. Модзалевскаго* (секретаря Коммиссіи) и *П. Е. Рейнбота*, планъ Пушкинскаго словаря, составленный акад. *Соболевскимъ*, и планъ словаря Пушкинскихъ рѣемъ, предложенный акад. *Кор-*

шмъ, были прочтены ихъ авторами и подверглись обстоятельному обсужденію, внесшему нѣкоторыя измѣненія и дополненія въ обѣ записки, а затѣмъ было постановлено: 1) начало работъ по предполагаемому Пушкинскому словарю отложить до выхода II тома сочиненій Пушкина (подъ редакціею В. Е. Якушкина) и I тома переписки Пушкина (подъ редакціею Вл. И. Саитова), 2) обѣ записки напечатать въ ближайшемъ выпускѣ органа Комиссіи: „Пушкинъ и его современники“.

Ред.

Планъ словаря языка А. С. Пушкина.

1) Словарь заключаетъ въ себѣ всѣ слова, находящіяся какъ въ стихотворныхъ и прозаическихъ сочиненіяхъ А. С. Пушкина, такъ и въ его письмахъ; дѣловые бумаги, подписанныя Пушкинымъ, не имѣются въ виду.

2) Союзы, предлоги, частицы, мѣстоименія, формы глагола *быть*, встрѣчающіеся очень часто, — входятъ въ словарь 1) въ нѣсколькихъ примѣрахъ своего обычнаго употребленія и 2) во всѣхъ случаяхъ, гдѣ ихъ употребленіе представляетъ уклоненіе отъ нормальнаго.

3) Каждое изъ остальныхъ словъ указывается во всѣхъ случаяхъ своего употребленія и сопровождается выписками такой величины, чтобы можно было видѣть: 1) грамматическое значеніе находящейся въ нихъ формы (падежной, личной), 2) синтаксическое употребленіе этой формы (управленіе глагола и т. п.), 3) удареніе, если выписка взята изъ стихотворенія, 4) эпитетъ, если слово — имя существительное.

4) Каждая выписка имѣетъ при себѣ указаніе на источникъ. Если это — одно изъ крупныхъ произведеній Пушкина, то къ сокращенному названію пьесы присоединяется цифра главы, пѣсни и строфы, дѣйствія и явленія и т. д.; если это — небольшое стихотвореніе или прозаическая статья, то дается лишь сокращенное заглавіе

или сокращенный первый стихъ; если наконецъ это — письмо, то сообщается его дата.

б) Словарь пользуется текстомъ сочиненій Пушкина по академическому изданію.

А. Соболевскій.

II.

Планъ изслѣдованія о стихосложеніи Пушкина и словаря Пушкинскихъ риѣмъ.

I.

Такъ какъ словарь Пушкинскихъ риѣмъ объемомъ своимъ, вѣроятно, значительно превыситъ изслѣдованіе о стихосложеніи, послѣднему можно придать видъ введенія, хотя, конечно, было-бы желательно, чтобы эта часть не ограничилась общими и только внѣшними метрическими данными, а содержала въ себѣ и такія указанія, которыя дали-бы читателю возможность вникнуть въ самый строй Пушкинскаго стихосложенія и понять причины той легкости, красоты, силы и того разнообразія, которыми плѣняетъ насъ Пушкинскій стихъ независимо отъ размѣра, но въ органической связи съ содержаніемъ, настроеніемъ и тономъ. Въ этомъ отношеніи важно обратить вниманіе на распорядокъ ритмическихъ удареній сильныхъ и слабыхъ, т. е. совпадающихъ съ грамматическимъ (прозаическимъ) удареніемъ или падающихъ на неударяемыя грамматически слоги только на основаніи общаго ритмическаго теченія стиха, и такимъ образомъ различить съ одной стороны напр. такіе стихи, какъ

Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,

гдѣ каждому ритмическому ударенію соотвѣтствуетъ грамматическое (разговорное), и такіе, какъ

Порфѣрорѣдная вдовá,

гдѣ на ударенія грамматическія приходятся лишь главныя ритмическія (тактовые), а съ другой — такіе, какъ оба выше приведенные, и такіе, каковы слѣдующій:

И кланялся непринуждённо,

гдѣ первое грамматическое удареніе, а слѣдовательно — и первое главное ритмическое, падаетъ не на 4-ый слогъ, какъ въ предъидущихъ, а на второй. Также напр. въ стихахъ

Однѣжды, странствуя среди пустыни дѣкой,
Внезапно былъ объятъ я скорбію великой,

изъ которыхъ въ первомъ слогѣ передъ цезурой имѣетъ исключительно ритмическое (слабое) удареніе, а во второмъ — ритмическое и одновременно грамматическое (сильное), согласно съ чѣмъ видоизмѣняется и общій порядокъ главныхъ и второстепенныхъ удареній въ полустипіи, и т. д. Эти явленія уже привлекали къ себѣ вниманіе Тредіаковскаго и позже — Кубарева. Какъ въ связи съ вопросомъ о ритмическихъ удареніяхъ, такъ и по другимъ причинамъ слѣдуетъ обстоятельно рассмотретьъ цезуры, что особенно важно для пятистопнаго ямба, о строѣ котораго Пушкинъ со второй половины 20-ыхъ годовъ думалъ не такъ, какъ раньше, но и для четырехстопнаго, движеніе котораго разнообразится между прочимъ и остановками или, выражаясь по-музыкальному, перерывомъ *legato*, напр.

Чертогъ сіялъ. || Гремѣли хоромъ
Пѣвцы || при звукѣ флейтъ и лиръ.

Въ связи съ распредѣленіемъ сильныхъ и слабыхъ ритмическихъ удареній стоитъ вопросъ о большей или меньшей длинѣ словъ, входящихъ въ составъ стиховъ, что особенно важно въ стихахъ, содержащихъ въ себѣ не менѣе четырехъ стопъ (а таковыхъ — огромное большинство), и въ размѣрахъ, состоящихъ изъ трехсложныхъ стопъ. Въ отдѣлѣ о звуковой силѣ и выразительности стиховъ желательны замѣчанія о звукоподражаніи и вообще о такъ называемой звуковой живописи (Топта-

legei), выражающейся въ умѣстномъ повтореніи тѣхъ-же гласныхъ или согласныхъ, напр.

Ходитъ въ облачномъ сіяньѣ
Полумѣсяцъ молодой,

въ такъ называемыхъ ассонансѣ и аллитераціи, иногда и помимо качества самыхъ звуковъ — въ синтактическомъ построеніи, какъ

Шведь, | Русскій || колетъ, | рубитъ, | рѣжетъ.

Само собою разумѣется, что этому изслѣдованію внутренняго строя стиховъ должно предшествовать полное перечисленіе употребленныхъ Пушкинымъ размѣровъ и строфъ съ отмѣткой окончаній мужескихъ и женскихъ, т. е. напр. при стихотвореніи «Поэтъ, не дорожи любовію народной» желательно приближительно такое метрическое опредѣленіе: «Сонетъ французскаго образца, т. е. состоящій изъ александрійскихъ стиховъ; риѣмы: а Б Б а, а Б Б а; В В г; Д Д г» (гдѣ строчными буквами означены женскія риѣмы, а прописными — мужескія), или при балладѣ «Олеги»: «Амфибрахическая строфа, въ которой первый и третій стихи состоятъ изъ четырехъ стопъ, второй и четвертый — изъ трехъ; риѣмы: «А б А б» и т. п.

Такъ опредѣляется длина стиховъ, т. е. ихъ стопное содержаніе, по господствующей терминологіи, отправляющейся отъ числа удареній, слышимыхъ при чтеніи; но возможна, конечно, и другая, греческая, основанная на числѣ удареній музыкальныхъ, по которой напр. стихъ

Отмстить неразумнымъ Хозарамъ

оказывается равнымъ стиху

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ

вслѣдствіе того, что при пѣніи предпоследній слогъ (-за-) растягивается до продолжительности цѣлой стопы, а послѣдній (-рамъ) получаетъ поэтому стопное (или тактовое) удареніе.

Выборъ той или другой терминологіи зависитъ отъ точки зрѣнія исполнителя предполагаемой задачи.

Весьма желательно было-бы внесеніе историческаго элемента въ изслѣдованіе о размѣрахъ Пушкина, т. е. указанія на то, которые изъ нихъ введены имъ впервые, и которые заимствованы у предшественниковъ, при чемъ должна быть указана какъ степень его зависимости отъ нихъ, такъ и отличія въ обращеніи съ отдѣльными размѣрами, напр. допускалъ-ли Пушкинъ въ своихъ ямбахъ и трохеяхъ стихи такого строя, какъ Державинскіе

Отсвѣчиваясь въ сердцахъ

и

Съ бѣлыми Борей власами.

II.

Словарь Пушкинскихъ риѣмъ долженъ быть расположенъ въ азбучномъ порядкѣ, но, конечно, не риѣмующихся словъ, а только риѣмъ, т. е. риѣмующихся окончаній словъ. Для достиженія этой цѣли мужескія риѣмы должны составить одинъ отдѣлъ, а женскія — другой. Кое-гдѣ придется различить риѣмы точныя и неточныя; но въ этомъ случаѣ необходима большая осторожность во вниманіе къ тому обстоятельству, что произношеніе Пушкина въ точности намъ неизвѣстно и при томъ въ разныя эпохи его жизни могло быть не совсѣмъ одинаково, а въ стихахъ, особенно въ раннюю пору его творчества, несомнѣнно носило на себѣ слѣды тогдашняго литературнаго преданія, которымъ обуславливаются напр. сохраненіе звука *e* тамъ, гдѣ въ обычной рѣчи слышится *ё*, и южнорусскій выговоръ *z* въ концѣ словъ, гдѣ Пушкинъ внѣ поэтической формы произносилъ *к*, вслѣдствіе чего *-из* риѣмается у него то съ *-xz*, то съ *-кz*. Но каково-бы ни было качество отдѣльныхъ риѣмъ, онѣ должны, какъ сказано выше, быть расположены въ азбучномъ порядкѣ. Но, такъ какъ составить точный планъ словаря Пушкинскихъ

риемъ можно только при наличности подлежащаго обслѣдованію матеріала, а его еще предстоитъ собрать, ниже предлагается лишь примѣрное распредѣленіе риемующихся окончаній словъ (конечно, не однихъ грамматическихъ наставокъ), рассчитанное скорѣе на словарь русскихъ риємъ вообще, чѣмъ на риемы какого-либо русскаго поэта въ частности. Потому этотъ приблизительный планъ можетъ пригодиться и помимо Пушкина. Словарей риємъ у насъ мало, но и тѣ, которые есть, расположены не систематически и далеко не полны. Правда, полнота въ такихъ словаряхъ едва-ли когда достижима, особенно на долгое время, но систематичность для нихъ тѣмъ болѣе обязательна, что безъ нея трудно и найти то, что нужно. Впрочемъ, очень многіе сомнѣваются и въ томъ, нужны-ли самые словари риємъ, такъ какъ думаютъ, что вдохновеніе даетъ истинному поэту не только содержаніе, но и форму. Это справедливо лишь отчасти, потому что самый даровитый поэтъ иногда готовъ былъ-бы дорого заплатить за риему къ тому слову, которое оказалось у него въ концѣ стиха именно вслѣдствіе удачнаго оборота его творческой мысли, но по отсутствію этой риемы въ данное мгновеніе долженъ напрягать свою память или передѣлывать только-что написанное въ прямой ущербъ своему вдохновенію и красотѣ своего созданія. Это случается особенно часто при употребленіи формъ искусственныхъ, какъ сонетъ, глосса, триолетъ или газель. О желательности такого словаря для переводчика стихотворныхъ произведеній нечего и говорить, а впоследствии онъ сослужитъ важную службу научную, какъ живое свидѣтельство о произношеніи данной эпохи, подобно старымъ провенсальскимъ спискамъ риємъ при *Donat proensal* и *Las leys d'amors*.

I.

Риѣмы мужескія (односложныя).

1.

На гласныя.

На *а́*:

-ба, -ва, -га, -да, -жа, -за, -ка, -ла, -ма, -на и т. д.

На *я́*:

-бя, -вя, -дя, -зя, -ля, -мя, -ня и т. д. и отдѣльно и послѣ гласной или *ь*, какъ *я* — *моя* — *соловья*.

На *е́* (*ѣ, ъ*):

-бе (-бѣ), -ве (-вѣ), -ге (-гѣ), -де (-дѣ) и т. д.

То-же послѣ *ь*: -бѣѣ, -вѣѣ, -дѣѣ и т. д.

На *и́*:

-би, -ви, -ги, -ди, и т. д.

То-же послѣ гласной и послѣ *ь*, какъ *моя* — *соловья* (съ чѣмъ Пушкинъ риѣмуетъ иногда и *любови* и т. п.).

На *о́*:

-бо, -во, -го, -до, -жо (же) и т. д.

На *е́* (-*ю*), послѣ гласной или *ь*: -её, -бѣё, -вѣё, -дѣё и т. д.

На *у́*:

-бу, -ву, -гу, -ду и т. д.

На *ю́*: -дю, -лю, -ню, рю и т. д.

То-же послѣ гласной или *ь*: -ю, -бью, -вью, -дью и т. д.

На *ы́*:

-бы, -вы, -ды и т. д.

Примѣчаніе 1. Мужескія риѣмы съ двумя и тремя согласными передъ ударяемой гласной, куда относятся и -*ья*, -*ѣѣ*, -*ьи* и т. п., можно не выдѣлять въ особые списки, такъ какъ въ расчетъ принимается часто лишь вторая согласная, т. е. напр. *добрá* риѣмуется не только съ *бобрá*, но и съ

ковра́, одра́, шра́, порá, люблю́ — не только съ *ублю́*, но и съ *ловлю́, продлю́, шлю́, молю́*, а у многихъ поэтовъ — даже съ *пою*, и т. п.

Примѣчаніе 2. При разработкѣ этого отдѣла, какъ впрочемъ и всѣхъ слѣдующихъ, должно имѣть въ виду всѣ грамматическія формы словъ, напр. *рабъ* (см. ниже 2. А.) — *раба́, рабу́, рабо́мъ, рабѣ́*, также *хлѣбъ* — мн. ч. *хлѣба́* и т. п. Въ такихъ случаяхъ простая ссылка на соответствующіе отдѣлы риѣмъ *-а́бъ, -ѣ́бъ* и т. д. недостаточна, потому что напр. не всѣ существительныя на данную согласную имѣютъ въ косвенныхъ падежахъ удареніе на концѣ.

2.

На согласныя.

А. На одну.

Съ *а́* (*я*):

-абъ (*-апъ, -ябъ, -япъ*), *-авъ* (*-афъ, -аѳъ, -явъ*), *-агъ* (*-акъ, -ахъ, -ягъ, -якъ, -яхъ* — см. выше), *-адъ* (*-атъ, -ядъ, -ятъ*), *-ажъ* (*-апъ, -яжъ, -яшъ*), *-азъ* (*-асъ, -язъ, -ясъ*), *-акъ* (ср. риѣмы на *-агъ*), *-аль* (*-ялъ*), *-амъ* (*-ямъ*), *-анъ* (*янъ*), *-апъ* (ср. риѣмы на *-абъ*), *-аръ* (*яръ*), *-асъ* (ср. риѣмы на *-азъ*), *-атъ* (ср. риѣмы на *-адъ*), *-афъ* (*-аѳъ* — ср. риѣмы на *-авъ*), *-ахъ* (ср. риѣмы на *-агъ*), *-ацъ* (*-яцъ*), *-ачъ* (*-ячъ*), *-ашъ* (*-яшъ* — ср. риѣмы на *-ажъ*), *-ащъ* (*-ящъ*).

То-же съ *ѣ* въ концѣ: *-абы́* (*-апы́ и -ябы́, -япы́*), *-авы́* (*-явы́*), *-ады́* (*-аты́ и -яды́, -яты́*) и т. д.

Съ *ѣ́* (*н, ѓ*):

-ебъ (*-ѣбъ, -епъ, -ѣпъ*), *-евъ* (*-ѣвъ, -еѳъ*), *-егъ* (*-ѣгъ, -екъ, ѣкъ, -ехъ, -ѣхъ*), *-едъ* (*ѣдъ, -эдъ, -етъ, -ѣтъ, -ѣтъ*) и т. д.

То-же съ *ѣ* въ концѣ.

Съ *и́* (*ы*):

-ибъ (*-ыбъ, -ипъ, -ыпъ*), *-ивъ* (*-ывъ, -ифъ, -иѳъ*), *-игъ* (*-ыгъ, -икъ,*

-ыкѣ, -ихѣ, -ыхѣ), -идѣ (-ыдѣ, -игѣ, -ыгѣ), -ижѣ (-ыжѣ, -ишѣ, -ышѣ) и т. д.

То-же съ ъ въ концѣ.

Съ *ó* (ѳ):

-обѣ (-ѣбѣ, -опѣ, -ѣпѣ), -овѣ (ѣвѣ, -офѣ, -оѳѣ), -огѣ (-окѣ, -охѣ, -ѣгѣ, -ѣкѣ, -ѣхѣ), -одѣ (-отѣ, -ѣдѣ, -ѣтѣ) и т. д.

То-же съ ъ въ концѣ.

Съ *ú* (ю):

-убѣ (-упѣ, -юбѣ, -юпѣ), -увѣ (-уфѣ, -ювѣ, -юфѣ), -угѣ (-укѣ, -ухѣ, -югѣ, -юкѣ, -юхѣ), -удѣ (-утѣ, -юдѣ, -ютѣ) и т. д.

То-же съ ъ въ концѣ.

Б.

На двѣ*).

Съ *á* (я):

-абрѣ (-ябрѣ), аврѣ, -агрѣ, -акрѣ, -антѣ и т. п.

То-же съ ъ въ концѣ или между согласнымъ, какъ *Альнѣ*.

Съ *é* (ъ, э):

-еврѣ (-эврѣ), -ездѣ (-ѣздѣ, -естѣ, -ѣстѣ), -ентѣ, -ербѣ (-ерпѣ), -ескѣ (-ѣскѣ) и т. д.

То-же съ ъ.

Съ *ý* (ы):

-игрѣ, -имнѣ, -индѣ, -искѣ (-ыскѣ), -истѣ (-ыстѣ) и т. п.

То-же съ ъ.

Съ *ó* (ѳ):

-одрѣ (-ѣдрѣ), -олкѣ (ѣлкѣ), -олнѣ (-ѣлнѣ), -ондѣ (-онтѣ), -ордѣ (-ѣрдѣ), -орнѣ (-ѣрнѣ), -ортѣ (-ѣртѣ, — ср. -ордѣ), -остѣ (-ѣстѣ), -отрѣ (-ѣтрѣ) и т. п.

То-же съ ъ.

*) Окончанія даны лишь примѣрно, потому что сочетанія двухъ согласныхъ въ концѣ сравнительно рѣдки, трехъ — еще рѣже.

Съ *ý* (ю):

-ургъ, -урнъ, -устъ (-юстъ), утръ и т. п.

То-же съ *ь*.

В.

На три.

Съ *á* (я):

-айскъ, -альскъ, -андръ, -астръ и др.

Съ *é* (ъ, э):

-евскъ, -енскъ, -естръ и др.

Съ *í* (ы):

-инскъ, -ирскъ, -истръ (-ыстръ) и др.

Съ *ó* (ё):

-овскъ, -орскъ, -орстъ и др.

Съ *ú* (ю):

-урскъ, -устръ и др.

II.

Риѣмы женскія (двусложныя, трохайческія).

1.

На гласныя.

А.

Безъ посредствующей гласной.

Чуть-ли не только на -áи, -éи (-ѣи), -би, -уи, и то рѣдкія, а прочія, кажущіяся чисто гласными, на самомъ дѣлѣ содержатъ въ себѣ *j*, какъ слова на -áя, -áю, -áѣ и т. п., почему о нихъ удобнѣе говорить въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Б.

Съ одной согласной въ серединѣ.

а) Съ *á* (или *я́*)—*а* (или *-о*):

-áба (-я́ба, -áбо, -я́бо), áва (-я́ва, -áво, -я́во), -áга (-я́га, -áго, -я́го), -áда (-я́да, -áдо, -я́до), -áжа, -áза и т. д., также съ *я*:
-áя (-я́я), -áдя (-я́дя), -áля (-я́ля) и т. п.

Съ *á* (*я́*) — *е* (*я*):

-áбѣ (-я́бѣ), -áвѣ (-я́вѣ), -áгѣ (-я́гѣ) и т. д.

Съ *á* (*я́*) — *и*:

-áби (я́би), -áви (я́ви), -áги (я́ги) и т. д., рѣшующіяся иногда съ *á* — *е* (*я*), что слѣдуетъ замѣтить для всѣхъ женскихъ рѣшѣ на *е* (*я*) и *и*.

Съ *á* (*я*) — *о*:

-áбо (-я́бо), -áво (я́во) и т. д. ср. *á* — *а*.

Съ *á* — *у* (*ю*):

-áбу (я́бу), -áву (-я́ву) и т. д., также съ *ю*: -áю (-я́ю), -áдю (-я́дю), -áлю (я́лю) и т. д.

Съ *á* (*я́*) — *ы*:

-áбы (-я́бы), -áвы (-я́вы) и т. д.

б) Съ *é* (*я́*) — *а* (*о*, *я*):

-éба (-я́ба, -éбо), -éва (-я́ва, -éво, -я́во), -éга (-я́га), -éда (-я́да) и т. д., также съ *я*: -éя (-я́я=éя), -éдя (-я́дя), -éля (-я́ля), -éня (-я́ня) и т. п.

Съ *é* (*я́*) — *е* (*я*):

-éбѣ (-я́бѣ), -éвѣ (-я́вѣ) и т. д.

Съ *é* (*я́*) — *и*:

-éби (едва-ли найдется), -éви (также), -éги (-я́ги) и т. д.

Съ *é* (*я́*) — *о*:

-éбо, -éво и т. д. — ср. *é* — *а*.

Съ *ѣ* (*ѣ́*) — *у* (*ю*):

-ѣбу (-ѣ́бу), -ѣву, -ѣгу и т. д., также съ *ю*: -ѣдю, -ѣлю, -ѣню и т. п.

в) Съ *ѣ* (*ѣ́*, *ѣ́и*) — *а* (*о*, *я*):

-ѣба (-ѣ́ба, -ѣ́бо), -ѣва (-ѣ́ва, -ѣ́во) и т. д., также съ *я*: -ѣя (-ѣ́я), -ѣдя, -ѣля (-ѣ́ля), -ѣня (-ѣ́ня) и т. п.

Съ *ѣ* (*ѣ́*, *ѣ́и*) — *е* (*ѣ*):

-ѣбѣ (-ѣ́бѣ), -ѣвѣ (-ѣ́вѣ) и т. д.

Съ *ѣ* (*ѣ́*, *ѣ́и*) — *о*:

-ѣбо, -ѣво и т. д. — ср. *ѣ* — *а*.

Съ *ѣ* (*ѣ́*, *ѣ́и*) — *у* (*ю*):

-ѣбу (-ѣ́бу), -ѣву (-ѣ́ву) и т. д., также съ *ю*: -ѣю, -ѣлю (-ѣ́лю), -ѣню (-ѣ́ню) и т. п.

Съ *ѣ* (*ѣ́*) — *ѣ́и*:

-ѣбы (-ѣ́бы), -ѣвы (-ѣ́вы) и т. д.

г) Съ *ѣ́* (*ѣ́*) — *а* (*я*)

Съ *ѣ́* (*ѣ́*) — *е* (*ѣ*)

Съ *ѣ́* (*ѣ́*) — *и* (*ѣи*)

Съ *ѣ́* (*ѣ́*) — *у* (*ю*)

д) Съ *ѣ́и* (*ѣ́и*) — *а* (*я*)

Съ *ѣ́и* (*ѣ́и*) — *е* (*ѣ*)

Съ *ѣ́и* (*ѣ́и*) — *и* (*ѣи*)

Съ *ѣ́и* (*ѣ́и*) — *о*

Съ *ѣ́и* (*ѣ́и*) — *у* (*ю*)

} такимъ-же образомъ.

В.

Съ двумя согласными (или съ *ѣ* + согл. и съ согл. + *ѣ*).

а) Съ *ѣ́* (*ѣ́*) — *а* (*о*, *я*):

-ѣбка (-ѣ́бка, -ѣ́бко, -ѣ́пка, -ѣ́пка), -ѣбра (-ѣ́бро), -ѣвна (-ѣ́вна, -ѣ́вно, -ѣ́вно), -ѣвра, -ѣгра, -ѣжка (-ѣ́жка, -ѣ́жко, -ѣ́жко, -ѣ́шка, -ѣ́шка), -ѣзка (-ѣ́зка, -ѣ́зко, -ѣ́ска, -ѣ́ска, -ѣ́ско), -ѣйка, -ѣйна

и т. д., также съ я въ концѣ: -áбья, -áвья, -áдья (-áдья), -áкля, -áпля и т. п.

Съ á (á) — е (ѣ):

-áбье (-ябье), -áбкѣ (-ябкѣ, -áпкѣ) и т. д.

Съ á (á) — и:

-áбьи, -áбки, -áвки, -áвни и т. д.

Съ á (á) — о:

-áбко (-ябко, -áпко), -áвно и т. д.

Съ á (á) — у (ю):

-áбку, -áвку, -áвну и т. д., также -áбью, -áвлю, -áвно и т. п.

Съ á (á) — ы:

-áвны, -áвры, -áгры и т. д.

б) Съ é (ѣ) — а (о, я):

-эбна (-эбно), -эвка (-ѣвка), -эвна (-ѣвна, -ѣвно), -эдна (-ѣдна, -ѣдно), -эжда (-ѣжда), -эжна (-ѣжна, -эжно, -ѣжно), -эзна (-эзно, -эзна), -эйна (-ѣйна, -ѣйно) и т. д., также -эвья (-ѣвья), -эвня, -эдня (-ѣдня), -эжья, -элья, -эмля и т. п.

Съ é (ѣ) — е (ѣ):

-эвѣ, -эжде (-эждѣ), -элье (-эльѣ), -эльнѣ (-ѣльнѣ) и т. д.

Съ é (ѣ) — и:

-эвни, -эдни, -эзни (-ѣзни), -элы и т. д. — Ф. é — а.

Съ é (ѣ) — о:

-эдно, -эвно (-ѣвно) и т. д.

Съ é (ѣ) — у (ю):

-эвну (-ѣвну), -эжду (-ѣжду), -эзну (-эздну) и т. д., также -эвью (-ѣвью), -эвню, -эжью и т. п.

Съ é (ѣ) — ы:

-эвны (-ѣвны), -эжды (-ѣжды), -эжны (-ѣжны) и т. д.

в) Съ ú (ы) — а (о, я):

-ýвна (-ýвно), -ýдна (-ýдно), -ýзна, -ýлка (-ýлка, -ýлко) и т. д.; также -ýпля (-ýпля), -ýрья, -ýрня и т. п.

Съ *и́* (*и́*) — *е* (*н*):

-и́внѣ, -и́знѣ, -и́лье (-и́льѣ, Ылье, -Ыльѣ) и т. д.

Съ *и́* (*и́*) — *и*:

-и́бки (-и́нки, -и́нки), -и́кни, -и́льи (-Ыльи), -и́лки (-Ылки) и т. д.

Съ *и́* (*и́*) — *о*:

-и́бо, -и́вно и т. д. — ср. *и́* — *а*.

Съ *и́* (*и́*) — *у* (*ю*):

-и́бу (-Ыбу, -и́пу, -Ыпу), -и́ву, -и́гну (-Ыгну), -и́зну, -и́кну и т. д., также -и́бью, -и́льно, -и́рню и т. п.

Съ *и́* (*и́*) — *ы*:

-и́вны, -и́дны, -и́змы, -изны и т. д.

г) Съ *о́* (*ѣ*) — *а* (*о*, *я*):

-о́бна (-о́бно), -о́бра (-ѣбра), -о́вна (-ѣвна, -о́вно, -ѣвно), -о́дра (-ѣдра, -о́дро), -о́жна (-ѣжна, -о́жно, -ѣжно), -о́зна (-ѣзна, -о́зно, -ѣзно, -о́дно), -о́йна и т. д., также -о́бья, -о́бля, -о́вья, -о́вля, -о́вня, -о́дья, -о́дня, -о́жня, -о́зня, -о́йна и т. п.

Съ *о́* (*ѣ*) — *е* (*н*):

-о́бье (-о́бьѣ), -о́вье (-о́вьѣ), -о́влѣ, -о́внѣ и т. д.

Съ *о́* (*ѣ*) — *и*:

-о́бьи, -о́вьи, -о́вли, -о́вни и т. д.

Съ *о́* (*ѣ*) — *о*:

-о́бно, -о́вно, -о́дно, -о́дра и т. д. — ср. *о́* — *а*.

Съ *о́* (*ѣ*) — *у* (*ю*):

-о́вну (-ѣвну), -о́зну, -о́йну и т. д., также -о́бью, -о́вью, -о́влю, -о́вню, -о́жно и т. п.

Съ *о́* (*ѣ*) — *ы*:

-о́бны, -о́вны (-ѣвны), -о́вцы, -о́дры, -о́жны и т. д.

д) Съ *у́* (*ю́*) — *а* (*я*):

-у́бка (-ю́бка, -у́пка), -у́дка (-ю́дка, -у́тка, -ю́тка), -у́дна (-ю́дна), -у́жка (-ю́жка, -у́шка, -ю́шка), -у́жна (-ю́жна) и т. д., также -у́бья (-ю́бья), -у́жья (-ю́жья), -у́тня (-ю́тня) и т. п.

Съ *ý* (*ю*) — *е* (*ю*):

-*убье* (-*убьѣ*, -*юбье*, -*юбьѣ*), -*убкѣ* (-*юбкѣ*, -*упкѣ*, -*юпкѣ*), -*удье* (-*удьѣ*, -*юдье*, -*юдьѣ*), -*удкѣ* (-*уткѣ*, -*юткѣ*) и т. д.

Съ *ý* (*ю*) — *и*:

-*убьи*, -*удьи*, -*удки* и т. д.

Съ *ý* (*ю*) — *о*:

-*удно* (-*юдно*), -*ужно*, -*узно* и т. д. — ср. *ý* — *а*.

Съ *ý* (*ю*) — *ы*:

-*удны* (-*юдны*), -*ужны* и т. д.

Г.

Съ тремя согласными (*й*, *ј*).

а) Съ *á* (*я*) — *а* (*о*, *я*):

-*айска*, -*альска*, -*амбра*, -*амска*, -*андра*, -*анска* (-*янска*), -*арска*, -*астна* (-*астно* *), -*афра* и т. д., также -*астья* (-*ястья*) и т. п.

Съ *á* (*я*) — *е* (*ю*):

-*айскѣ*, -*альскѣ*, -*амбрѣ* и т. д.

Съ *á* (*я*) — *и*:

-*абски* (-*апски*), -*адски* (-*ядски*, -*атски*, -*апки*), -*айски*, -*альски*, -*амски*, -*ански* (-*андски*), -*аркни*, -*арски* (-*ярски*) и т. п.

Съ *á* (*я*) — *о*:

-*астно*, -*ацтво* и др.

Съ *á* (*я*) — *у* (*ю*):

-*айску*, -*альску*, -*амбру*, -*амску*, -*андру*, -*анску*, -*аркню*, -*арску* и т. д., также -*астью* (-*ястью*) и т. п.

*) Впрочемъ здѣсь три согласныхъ только для глаза, потому что въ -*сти*-, какъ и въ -*эди*-, средняя согласная не выговаривается. Такимъ образомъ -*астна*, -*эстна*, -*эздна* (-*ѣздна*) часто рѣмуются съ -*асна*, -*эсна* (-*ѣсна*), -*эзна* и т. п.

Съ *á* (*á*) — *ы*:

-áмбры, -áндры и т. д.

б) Съ *é* (*é*) — *а* (*о, я*):

-éвска (-éвска), -éвзка, (-éстка, -éстка), -éзна (-éзна), -éйска, -éктра, -éндра, -éнска, -éрска, -éсна (-éсна), -éстра и т. д., также -éстья (-éстья) и т. п.

Съ *é* (*é*) — *е* (*е*):

-éвскé (-éвскé), -éвзкé (-éсткé), -éйскé и т. д.

Съ *é* (*é*) — *и*:

-éдски (-éдски), -éтски, -éтски, -éцки, -éйски, -éрски (-éрски, -éрски) и т. п.

Съ *é* (*é*) — *о*:

-éдно (-éдно), -éрко, -éсно (-éсно) и т. д.

Съ *é* (*é*) — *у* (*ю*):

-éску (-éску), -éдку (-éтку), -éску, -éтру и т. д., также -éстью (-éстью) и т. п.

Съ *é* (*é*) — *ы*:

-éктры, -éндры, -éсты (-éрты), -éстры и т. д.

в) Съ *ú* (*ú*) — *а* (*я, о*):

-úльска (-úльска), -úбра, -úмска (-úмска), -úндра, -úнска, -úрска, -úстка, -úсна (-úсна), -úстра (-úстра, -úстро) и т. д., также -úстья (-úстья) и т. п.

Съ *ú* (*ú*) — *е* (*е*):

-úльскé (-úльскé), -úбрé и т. д.

Съ *ú* (*ú*) — *и*:

-úдски (-úтски, -úцки), -úльски, -úнски, -úрни (-úрни), -ирски и т. д.

Съ *ú* (*ú*) — *о*:

-úсно и др. — ср. *ú* — *а*.

Съ *ú* (*ú*) — *у*:

-úльску (-úльску), -úбру, -úску (-úску), -úндру, -úнску, -úрну (-úрну) и т. д., также -úстью (-úстью) и т. п.

Съ *í* (*í*) — *ы*:

-*í*мбры и т. д.

г) Съ *ó* (*ě*) — *а* (*я*):

-*ó*вска (-*ě*вска) -*ó*дска (-*ót*ска, -*ó*цка), -*ó*здка (-*ó*стка, -*ě*стка),
-*ó*льска (-*ó*льзко), -*ó*нска и т. д., также -*ó*стья, -*ó*ршня и т. п.

Съ *ó* (*ě*) — *е* (*ь*):

-*ó*вск^ѣ (-*ě*вск^ѣ) и т. д.

Съ *ó* (*ě*) — *и*:

-*ó*вски (-*ě*вски), -*ó*дски (-*ót*ски, -*ó*цки), -*ó*лкни (-*ě*лкни), -*ó*рдки
(-*ó*ртки, -*ě*ртки), и т. д.

Съ *ó* (*ě*) — *о*:

-*ó*здко (-*ó*стко, -*ě*стко), -*ó*льзко, -*ó*стно, -*ó*стро (-*ě*стро) и т. д. —
ср. *ó* — *а*.

Съ *ó* (*ě*) — *у* (*ю*):

-*ó*вску (-*ě*вску), -*ó*дску (-*ót*ску, -*ó*цку), -*ó*здку (-*ó*стку, -*ě*стку),
-*ó*лкву (-*ě*лкву) и т. д., также -*ó*стью и т. п.

Съ *ó* (*ě*) — *ы*:

-*ó*стны, -*ó*стры (-*ě*стры) и т. д.

д) Съ *ú* (*ú*) — *а* (*о*, *я*):

-*ú*здка, -*ú*стка, -*ú*рска, -*ú*стна и т. д., также -*ú*стья и т. п.

Съ *ú* (*ú*) — *е* (*ь*):

-*ú*рск^ѣ, -*ú*стк^ѣ, -*ú*ст^ѣ и т. д.

Съ *ú* (*ú*) — *и*:

-*ú*жски (-*ú*шски), -*ú*зски (-*ú*сски), -*ú*рски и т. д.

Съ *ú* (*ú*) — *о*:

-*ú*стно и т. д.

Съ *ú* (*ú*) — *у* (*ю*):

-*ú*здку (-*ú*стку), -*ú*рску, и т. д., также -*ú*стью и т. п.

Съ *ú* (*ú*) — *ы*:

-*ú*стны, -*ú*стры (-*ú*стры) и т. д.

Д.

Съ четырьмя согласными.

а) Съ *á* (*я́*) — *а*:

-*á*бства (-*á*пства), -*á*вства (-*á*фства), -*á*дства (-*á*дства, -*á*тства, -*á*тства), -*á*йства (-*á*йства), -*á*льства и т. д.

Съ *á* (*я́*) — *е* (*я*):

-*á*бствѣ (-*á*пствѣ) и т. д.

Съ *á* (*я́*) — *и*:

-*á*ндски (-*á*ндски, -*á*нтски), -*á*рдски (-*á*ртски) и т. д.

Съ *á* (*я́*) — *о*:

-*á*бство (-*á*нство) и т. д.

Съ *á* (*я́*) — *у*:

-*á*бству (-*á*пству) и т. д.

Съ *á* (*я́*) — *ы*:

?

б) Съ *é* (*я́*) — *а*:

-*é*бства, -*é*дства (-*é*дства, -*é*тства), -*é*йства (-*é*йства) и т. д.

Съ *é* (*я́*) — *е* (*я*):

-*é*бствѣ и т. д.

Съ *é* (*я́*) — *и*:

? но ср. -*é*дствій (-*é*дствій), -*é*йствій (-*é*йствій) и т. п.

Съ *é* (*я́*) — *у*:

-*é*бству и т. д.

Съ *é* (*я́*) — *ы*:

?

в) Съ *ú* (*я́*) — *а*:

-*ú*дства (-*ú*дства, -*ú*тства), -*ú*льства, -*ú*мства, -*ú*нства и т. п.

Съ *ú* (*я́*) — *е* (*я*):

-*ú*дствѣ (-*ú*дствѣ, -*ú*тствѣ) и т. д.

Съ *и́* (*и́*) — *и*:

?

Съ *и́* (*и́*) — *о*:

-и́дство (-и́дство, -и́тство) и т. д.

Съ *и́* (*и́*) — *у*:

-и́дству (-и́дству, -и́тству) и т. д.

Съ *и́* (*и́*) — *и*:

?

г) Съ *о́* (*о́*) — *а*:

-о́бства (-о́пства), -о́вства (-о́вства), -о́дства (-о́тства, -о́тства),
-о́йства, -о́льства, -о́мства, -о́нства (-о́нства), -о́рства (-о́рства).

Съ *о́* (*о́*) — *е* (*н*):

-о́бствѣ (-о́пствѣ) и т. д.

Съ *о́* (*о́*) — *и*:

? но ср. -о́льствій и т. п.

Съ *о́* (*о́*) — *о*:

-о́бство (-о́пство) и т. д.

Съ *о́* (*о́*) — *у*:

-о́бству (-о́пству) и т. д.

Съ *о́* (*о́*) — *и*:

?

д) Съ *у́* (*у́*) — *а*:

-у́дства (-у́дства, -у́тства), -у́мства, -у́рства*).

Съ *у́* (*у́*) — *е* (*н*):

-у́дствѣ и т. д.

Съ *у́* (*у́*) — *и*:

? но ср. -у́тствій и т. п.

*) Но *искусство* у Пушкина и др. принимается съ *чувство*, т. е. въ первомъ опускается при чтеніи одно *с*, а во второмъ — первое *с*.

Съ *ý* (*ю*) — *о*:

-*удство* и т. д.

Съ *ý* (*ю*) — *у*:

-*удству* и т. д.

Съ *ý* (*ю*) — *ы*:

?

2.

На согласныя.

А.

Безъ посредствующей гласной.

Почти только на -*аинъ* (-*аинь*), -*эинъ*, -*оивъ*, -*оиль*, -*оимъ*, -*оинъ*, -*обить*, -*обитъ*, римающіяся иногда съ -*аень*, -*эень*, (-*бень*), -*бевъ* и т. п., хотя въ послѣднихъ есть уже *ј*, почему такія окончанія, какъ и -*аятъ*, -*аютъ* и т. п., умѣстнѣе расположить въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Б.

Съ одной согласной въ серединѣ.

а) Съ *á* (*я*) — *а* (*я, о, е*);

-*абамъ* (-*ябамъ*), -*абыхъ* (*ябахъ*), -*аваль* (-*аволь*, -*яволь*), -*авамъ* (-*явамъ*, -*авомъ*, -*явомъ*), -*адамъ* (-*ядамъ*, -*адомъ*, -*ядомъ*), -*аванъ*, -*авахъ* (-*явахъ*), -*аданъ* (-*адонъ*), -*адахъ* (-*ядахъ*), -*азамъ* (-*азомъ*), -*азанъ* (-*язанъ*), -*акавъ* (-*якавъ*, -*аковъ*, -*яковъ*), -*акаль* (-*якаль*, -*аколь*), -*акамъ* (-*якамъ*, -*акомъ*, -*якомъ*), -*аканъ* (-*яканъ*, -*аконъ*, -*яконъ*), -*аламъ* (*яламъ*, -*аломъ*, -*яломъ*), -*алахъ* (-*ялахъ*) и т. д., также -*аямъ* (-*яямъ*, -*аемъ*, *яемъ*), -*аяхъ* (-*яяхъ*), -*аямъ* (-*яземъ*) и т. п.

Съ *á* (*я*) — *е* (*н*):

-*абенъ*, -*авель* (-*авѣль*, -*явѣль*), -*авень* (-*явенъ*), -*адемъ* (-*идемъ*),

-áденъ (-яденъ), -áдетъ (-ядетъ), -áдешъ (-ядешъ), -áжемъ (-яжемъ),
-áженъ (-яженъ), -áжетъ (-яжетъ), -áжешъ (-яжешъ), -áзенъ
(-язенъ), -áемъ и т. д.

Съ *á* (*я*) — *и*:

-áбивъ (-ябивъ), -áбилъ (-ябилъ), -áбимъ (-ябимъ), -áдимъ (-ядимъ),
-áбитъ (-ябитъ), -áбишь (-ябишь) и т. д., часто въ смѣшеніи съ
á — *е*, какъ у Пушкина *Пáвелъ* — *пáвилъ*.

Съ *á* (*я*) — *о*:

-áбовъ (-ябовъ) и т. д. — ср. *á* — *а*.

Съ *á* — *у* (*ю*):

-áдутъ (-ядутъ), -áнувъ (-янувъ), -áнуль (-януль), -áнутъ
(-янутъ), -áрусъ (-ярусъ), -áчутъ (-ячутъ), -áшутъ (-яшутъ) и
др., также -áютъ (-яютъ).

Съ *á* (*я*) — *ы*:

-áбымъ, -áбыхъ, -áвымъ (-явымъ) и т. д.

Такимъ-же образомъ (ср. рѣзныя женскія на гласную):

б) Съ *é* (*я*) — *а* (*о*, *я*), *é* (*я*) — *и*, *é* (*я*) — *о*, *é* (*я*) — *у* (*ю*), *é*
(*я*) — *ы*, г) съ *ú* (*я*) — *а* (*я*, *о*) и т. д.

То-же съ *ь* въ концѣ (помимо *ж* и *ш*):

а) Съ *а* (*я*) — *а* (*я*, *о*):*

-áдаты (-ядоты), -áкаты (-якаты, -якоты), -áпаты (-япоты), -áхары
и др.

Съ *á* (*я*) — *é* (*я*):

-áвѣты (-явѣты), -áмень, -áшень и др.

Съ *á* (*я*) — *и*:

-áбиты (-ябиты), -áвиты (-явиты), -áдиты и т. д.

Съ *á* (*я*) — *о*:

-áводъ (-яваты) — ср. *á* — *а*.

Съ *á* (*я*) — *у*:

-áнуты (-януты) и др.

Съ *á* (*я́*) — *ы*:

? но ср. у Грибоѣдова *за́-ночь* — *Степа́нычъ*.

б) Съ *é* (*ѣ́*) — *а* (*я*, *о*):

-ѣ́дать, -ѣ́ять и т. д.

Такъ-же съ прочими гласными. Тѣ-же сочетанія гласныхъ и согласныхъ при двухъ и трехъ согласныхъ въ концѣ, напр. -ѣ́мистъ, -ѣ́дость и т. п.

В.

Съ двумя согласными въ серединѣ.

а) Съ *á* (*я́*) — *а* (*я*, *о*):

-áбкамъ (-я́бкамъ, -áпкамъ, -я́пкамъ, -áбкомъ, -я́бкомъ, -áпкомъ),
-áбкахъ (-я́бкахъ, -áпкахъ, -я́пкахъ), -áвкамъ (-я́вкамъ), -áвкамъ
(-я́вкамъ, -áвкамъ), -áвкахъ (-я́вкахъ) и т. д.

То-же съ *ѣ́*:

-áвкаты (-я́вкаты) и т. д.

Съ *á* (*я́*) — *е* (*ѣ́*):

-áбленъ, -áбнемъ (-я́бнемъ), -áбнетъ (-я́бнетъ), -áбнешь (-я́бнешь),
-áвленъ (-я́вленъ) и т. д. съ разными гласными и согласными,
съ *з* и съ *ѣ́* въ концѣ.

III.

Риѣмы дактилическія (трехсложныя).

1.

На гласныя.

а) Съ *á* (*я́*) — *а* (*о*, *я*, *е*, *и*) — *а* (*о*, *я*, *е*):

-áвала (-áвало, -я́вола), -áдала (-áдала, -áдало), -áзана (-я́зана,
-áзано, -я́зано), -áяла (-áяло, -áяла), áяна (-áена, -áяна) и т. д.,
также -áная (-я́ная, -áное, -я́ное) и т. п.

Съ *á* (*я́*) — *a* (*я, o*) — *e* (*ь*):

-*á*палѣ (-*á*полѣ), -*á*карѣ и др.

Съ *á* (*я́*) — *a* (*я, o*) — *и*:

-*á*бами, -*á*вали (-*á*воли, -*я́*воли), -*á*вами, -*á*гами (-*я́*гами), -*á*дали (-*я́*дали, -*á*доли), -*á*яли и т. п.

Съ *á* (*я́*) — *a* (*я, o*) — *o*:

-*á*вало и т. д. — ср. *á* — *a* — *a*.

Съ *á* (*я́*) — *a* (*я, o*) — *y* (*ю*):

-*á*палу и т. д., также -*á*даю (-*я́*даю, -*á*дою) и т. д.

б) Съ *á* (*я́*) — *e* (*ь, и, ѝ*) — *a* (*o, я, e*):

-*á*вѣла (-*я́*вѣла, -*á*вѣло, -*я́*вѣло, -*á*вила, -*á*вило), -*á*жена (-*я́*жена, -*á*жено, -*я́*жено), -*á*рева (-*á*рево, -*á*ряго) и т. д.

Съ *á* (*я́*) — *e* (*ь, и, ѝ*) — *e* (*ь*):

-*á*ревѣ и т. д.

То-же съ другими сочетаніями гласныхъ и согласныхъ, потомъ съ двумя согласными, напр. -*á*скана, -*á*сково (-*á*скаго, -*я́*зкаго, -*я́*скаго) или -*á*чество, -*ó*жество, и т. д. съ тѣми-же подраздѣленіями, какъ въ риѣмахъ женскихъ.

2.

На согласныя.

а) Съ *á* (*я́*) — *a* (*o, я, e, ь, и*) — *a* (*o, я, e, ь, и*):

-*á*паламѣ (-*á*поломѣ), -*á*евалѣ (-*á*ивалѣ) и т. д.

Съ *á* (*я́*) — *a* (*o, я, e, ь, и*) — *y* (*ю*):

-*á*дають (-*я́*дають) и т. д.

Такъ-же съ другими гласными и согласными.

Риѣмы на *й* можно какъ подвести подъ соотвѣтствующіе отдѣлы, такъ и выдѣлить въ особый списокъ, по крайней мѣрѣ, въ женскихъ и дактилическихъ риѣмахъ, потому что послѣ неударяемой гласной этотъ звукъ 1) иногда не принимается въ расчетъ, напр. плѣнной — смиренно, 2) приводитъ къ созвучію

такія гласныя, которыя въ другихъ случаяхъ не риѣмуются, напр. обычаѣй—добычей—отличій, лукавыѣй—отравой, пылкій—ссылкой.

Какъ уже сказано выше, на предложенный здѣсь планъ отнюдь нельзя смотрѣть какъ на схему, предназначенную для собранія и расположенія только Пушкинскихъ риѣмъ. Потому сюда включены риѣмы дактилическія, которыя у Пушкина встрѣчаются чуть не лишь въ такой риѣмованной прозѣ, какою написана сказка о Балдѣ, а изъ прочихъ многія такія, которыя завѣдомо не находятся въ его стихотвореніяхъ, да и не могли быть имъ употреблены въ большей части его произведеній вслѣдствіе своего чрезмѣрно шутливаго, чтобы не сказать «шутовскаго», характера. Сюда относятся нѣкоторыя грамматическія образованія, напр. многіе глаголы на *-кать*, и риѣмы изъ двухъ словъ — ударяемаго и неударяемаго или безгласнаго, иначе невозможныя и часто богатые, напр. *Ялы — вайль ты, дамы — всегда мы, боязливы — везмі вы, лѣже — челѣ же, натоки — мунѣ-таки, прѣповѣдь — Еврѣпа вѣдь, тощѣи — во щѣи, бѣбокѣ — нѣбокѣ, мѣбель — нѣбѣ-ль, чайка — встрѣчай-ка, Ванька — встань-ка* и т. п., доходящія иногда до полнаго звукового тождества, до каламбура, какъ *жалобы — жало-бы, стѣяли — стѣя-ли, устѣли — устѣ-ли, задалѣи — задал-ли (изъ ада-ли), задомѣ — за домѣ, горбатѣи — горба-тѣи, не слабѣи — несла-бы, настѣжѣ — Настѣ-жѣ, и градѣи — ира-дѣи* и др. Пушкинъ не совсѣмъ чуждался риѣмъ изъ двухъ словъ, но употреблялъ ихъ очень рѣдко и то лишь такъ, что второе не превышало одного слога (*внималѣ я — возбуждалѣ я, страдалѣ я — искалѣ я, страдалѣ онѣ — побряцалѣ онѣ, хозяйка — примѣчай-ка, отвѣчай-ка — хозяйка, нѣ лбу — нѣлбу*), но юмористы любятъ риѣмы этого рода, а Некрасовъ даже въ такомъ по содержанію серьезномъ стихотвореніи, какъ «Филантропъ», не остановился передъ риѣмами *Житѣмиру — нѣ-миру* и *за-ново — пьянаго*.

И такъ, данныя выше схемы риѣмующихся звуковыхъ сочетаній имѣютъ для обслѣдованія Пушкинскихъ риѣмъ значеніе

лишь формальное, какъ образчики возможныхъ въ русскомъ языкѣ созвучій, изъ которыхъ многія чужды Пушкину; но отсутствіе у него риѣмы того или другого состава не мѣшаетъ, конечно, приведенію его наличныхъ риѣмъ въ азбучный порядокъ. Однако это расположеніе не должно быть примѣняемо такъ, чтобы получилось нѣчто въ родѣ словаря риѣмъ изъ Пушкина, т. е. не слѣдуетъ смѣшивать любую пару риѣмующихся словъ съ общей массой подобныхъ имъ созвучій безъ вниманія къ тому обстоятельству, съ какимъ именно словомъ риѣмается данное слово у Пушкина. Избѣжать такого обезличенія Пушкинскихъ риѣмъ, нежелательнаго между прочимъ и по причинѣ, уже упомянутой — отсутствію точныхъ свѣдѣній о выговорѣ Пушкина —, возможно двоякимъ путемъ: 1) на основаніи напр. риѣмы *уголокъ* — *могъ* не смѣшивать всѣ безъ исключенія риѣмы на *-кз* съ риѣмами на *-гз* въ одинъ отдѣлъ, а помѣщать между риѣмами на *-кз* лишь тѣ слова на *-гз*, которыя въ самомъ дѣлѣ риѣмуются у Пушкина со словами на *-кз* (и наоборотъ), или, что, можетъ быть, окажется болѣе удобнымъ, образовать изъ словъ на *-кз*, риѣмующихся со словами на *-гз*, особый отдѣлъ, помимо отдѣловъ риѣмъ на *-кз* и риѣмъ на *-гз*, 2) при каждой риѣмѣ указывать мѣсто, гдѣ она встрѣчается. Способы соединенія всѣхъ этихъ основъ упорядоченія матеріала не могутъ быть указаны точно и подробно въ общемъ планѣ работы, но, какъ-бы будущій изслѣдователь ни осуществилъ всѣ частности предложеннаго здѣсь очерка, во всякомъ случаѣ позволительно выразить желаніе, чтобы при ссылкахъ онъ не довольствовался голыми цифрами, означающими томы, страницы и строки выбраннаго имъ изданія, а называлъ стихотворенія по заглавіямъ или первымъ словамъ, хоть въ сокращеніи. Не мѣшало-бы также собрать и все то, что самъ Пушкинъ говоритъ о риѣмѣ.

Θ. Коршъ.

УКАЗАТЕЛЬ.

- Агафоновъ**, Николай Яковлевичъ 31, 61.
- Аксаковъ**, Сергѣй Тимофеевичъ 41, 51.
- „Анджело“**, Пушкина 8.
- Апехтина**, Анна Петровна, рожд. Каменева 48.
- Апехтины**, родственники А. А. Фуксъ 47.
- Апраксинъ**, графъ 63.
- Архангельскій**, Александръ Семеновичъ 26, 29—31, 35, 37, 42, 44, 48—50, 63.
- Арцимовичъ**, Адамъ Антоновичъ 104.
- Баятышъ-Каменскій**, Дмитрій Николаевичъ 80.
- Баргеновъ**, Петръ Ивановичъ 19, 31.
- Барыкова**, Варвара Павловна, рожд. Ушакова 95.
- Бенкендорфъ**, графъ А. Х. 25, 26, 58.
- Вестужевъ**, Александръ Александровичъ 68, 69, 72.
- Вобровскій**, Павелъ Осиповичъ 93.
- Вобровъ**, Евгений Александровичъ 67.
- Вобровъ**, Семень Сергѣевичъ 70.
- Богданова**, Е. А. (псевд. - И. О. П.) 2, 3, 5, 6, 8, 9, 11, 12, 15, 16, 17, 20, 21, 22.
- Боратынскій**, Евгений Абрамовичъ 32, 33, 35, 36, 37, 38, 40, 43, 44, 45, 46, 53, 54, 57.
- Боратынскій**, Левъ Евгеньевичъ 86
- „Борисъ Годуновъ“**, Пушкина 86—88, 105—106.
- Брюсовъ**, Валерій Яковлевичъ 23, 24, 26 58.
- Булгаковъ**, Александръ Яковлевичъ 33.
- Бутурлина**, жена слѣдующаго 33.
- Бутурлинъ**, губернаторъ Казанскій 33, 39.
- Бутурлины**, графы 104.
- Величко**, Василий Львовичъ 97.
- Величко**, Николай Ивановичъ 97.
- Велланскій**, Даниилъ Михайловичъ 49.
- Вельтманъ**, Александръ Фомичъ 22.
- Владиславлевъ**, Владиміръ Андреевичъ 25.
- Войцѣховскій**, А. I. 36.
- Воронцовъ**, князь М. С. 99, 101, 102.
- Всеволожскій**, Александръ Всеволодовичъ 95.
- Всеволожскій**, Никита Всеволодовичъ 50, 95.
- Второвъ**, Иванъ Алексѣевичъ 35, 36.
- Второвъ**, Николай Ивановичъ 35, 66.
- Вяземскій**, князь Петръ Андреевичъ 69, 70.
- Гацстаузенъ**, баронъ Августъ 41,
- „Галубъ“**, Пушкина 2.
- Гейнсъ**, А. К., Одесскій градонач. 99, 102.

Гоголь, Н. В. 24—25.
Голицынъ, князь Дмитрій Владимі-
ровичъ 59.
Гончаровы, 27.
Городчанinovъ, Григорій Никола-
евичъ 51.
Гумбольдтъ, баронъ Александръ 41,
48, 48.

Даль, Владиміръ Ивановичъ 57.
Даргомыжскій, Александръ Сергѣ-
евичъ 20.
Даркшевичъ, А. О., проф. 48, 49.
Деларю, Михаилъ Даниловичъ 64.
Де-Пуле, Михаилъ Ѳеодоровичъ 35.
Державинъ, Г. Р. 114.
Дершау, полиційм. 59.
Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ 89, 90.
Долгорукой, князь А. А. 64.

„Евгеній Онѣгинъ“, Пушкина 9, 138.
Ефремовъ, Петръ Александровичъ
95.

Жилле, Р. 104.
Жобаръ, Альфонсъ 41.
Жуковскій, В. А. 30.

Загоскинъ, Н. П. 29, 31, 35.
Загряжская, Елизавета Александр-
овна—см. Пушкина.
Загряжскій, 53.
Загряжскій, Александръ Михаи-
ловичъ 102.
„Здорово, Юрьевъ—именинникъ“,
стих. Пушкина 92, 93, 95.
„Зеленая Лампа“, общество 92, 95.
Зуевъ, Дмитрій Павловичъ 1—22.
Зуевъ, Петръ Павловичъ 18, 19, 22.

„Исторія Пугачевского бунта“ 24,
25, 43, 57, 58, 62.

Казань (пребываніе въ ней Пушкина)
23—67.

Каменевъ, Гавріилъ Петровичъ 30,
45, 48, 65.
„Каменный Гость“, Пушкина 8—9.
„Капитанская дочка“, 25, 58.
Кизверъ, проф. 49.
Кирхгофъ, гадалщица 50.
Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ 37,
38, 57.

Киселевъ, графъ Павелъ Дмитріе-
вичъ 41.

Клуге, проф. 49.
Ковалевскій, М. Е. 61.

Константинъ Константиновичъ,
Великій Князь, Президентъ Ака-деміи 107.

Корниловичъ, Александръ Осипо-
вичъ 72, 75.

Корфъ, графъ Модестъ Андреевичъ
41.

Коршъ, Ѳеодоръ Евгеньевичъ 22, 107,
134.

Крупениковъ, Алексѣй Леонтьевичъ,
45.

Крупениковъ, Леонтій Филиппо-
вичъ 45, 52, 66.

Кубаревъ, Алексѣй Михайловичъ 112.

Лажечниковъ, Иванъ Ивановичъ 51.

Лернеръ, Николай Осиповичъ 25.

Лигранди, Иванъ Петровичъ 86.

Лопухинъ, князь 94.

Лоровичъ, В. В. 100, 101, 102, 104.

Люцероде, баронъ 62.

Лябать, ориенталистъ 41.

Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ 41.

Майковъ, Василій Ивановичъ 27.

Макаровъ, Михаилъ Николаевичъ
104.

Мандрыка, Елена Николаевна 28, 64.

Мандрыка, Николай Яковлевичъ 28.

Мансуровъ, Николай Павловичъ 95.

Мансуровъ, Павелъ Борисовичъ 95.

Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ 96,
106.

Миллеръ, архиваріусъ 101, 102.

- Мироновъ**, Александръ Александровичъ 93.
Модзалевскій, Борисъ Львовичъ 44, 95, 107.
„**Молитва**“ („Отцы — пустынноики и жены испорочны“), стих. Пушкина 2.
Мордвиновъ, Александръ Николаевичъ 25, 26.
Морозовъ, Петръ Осиповичъ 23, 24, 25, 26, 28, 30, 92.
Москотильниковъ, Савва Андреевичъ 45.
Нащокинъ, Павелъ Воиновичъ 23.
Немировъ, Гр. 5.
Овнобишинъ, Дмитрій Петровичъ 46.
Перцовъ, Петръ Петровичъ 35.
Перцовъ, Эрастъ Петровичъ 31, 34, 35, 39, 44, 47, 50, 62, 64, 66.
Перцовъ, сынъ Петра Петровича 35.
Погодинъ, Михайлъ Петровичъ 24, 25.
Подвысоцкій, Н. В. 96—97.
Полиновскій, Михайлъ Васильевичъ 63.
„**Полтава**“, Пушкина 71 и сл.
Приклонскій, чиновникъ 64.
Путачевъ, 24, 39, 41, 43, 44, 45, 46, 52, 56, 57, 58, 62, 63, 65.
Пушкина, Елизавета Александровна, рожд. Загряжская 102.
Пушкина, Наталья Николаевна 23, 28, 32, 33, 43, 47, 52, 53, 54, 57.
Пушкинъ, Александръ Александровичъ 23.
Пушкинъ, Василій Львовичъ 90.
Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ 68, 69, 102.
Пушкинъ, Сергѣй Львовичъ 89, 90, 91.
„**Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ**“, Пушкина 70.
Пыпинъ, Александръ Николаевичъ 96.
Рачинскій, С. А. 37.
Рейнботъ, Павелъ Евгеньевичъ 107.
Рождественскій, С. В. 2.
Рудаковъ, Василій Егоровичъ 91.
„**Русалка**“ Пушкина и ея окончаніе по записи Д. П. Зуева 1—22.
Рѣпинскій, Г. К. 61.
Рыбушкинъ, Михайлъ Самсоновичъ 62—63.
Рылѣвъ, Кондратій Ѳедоровичъ 68—88.
Саятовъ, Владиміръ Ивановичъ 108.
Салтыковъ, графъ Сергѣй Николаевичъ 89, 90.
Селезневъ, Иванъ Яковлевичъ 89.
Семеновъ, Николай Петровичъ 105.
Сиваръ, домовлад. въ Одессѣ 103.
Сиповскій, Василій Васильевичъ 88.
Скальковскій, Аполлонъ Александровичъ 98—103.
Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ 107, 110.
„**Современникъ**“ Пушкина 56, 58, 63, 64.
Сперанскій, графъ Михайлъ Михайловичъ 41.
Стрекаловъ, Степанъ Степановичъ 39, 59.
Строгановъ, графъ 98.
Суворинъ, Алексѣй Сергѣевичъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 16, 17, 18, 19, 20.
Суворовъ-Рымникскій, князь А. В. 24.
Суворовъ, П. П. 56.
Сумцовъ, Н. Ѳ. 2.
Сухоруковъ, И. А. 66.
Тепляковъ, Викторъ Григорьевичъ 100, 101, 102.
Тотлебенъ, графъ Эдуардъ Ивановичъ 98.

- Тредіаковскій**, Василій Кирилловичъ 112.
Тройницкій, Николай Григорьевичъ 103.
- „**Утренняя заря**“, альманахъ 1843 г. 25.
- Ушакова**, Варвара Павловна—см. **Барыкова**.
Ушакова, Марья Павловна—см. **Юрьева**.
Ушаковъ, Алексѣй Павловичъ 95.
Ушаковъ, Валеріанъ Павловичъ 95.
Ушаковъ, Павелъ Петровичъ 95.
- Фрикке**, художн. 25.
Фуксъ, Александра Андреевна 27—67.
Фуксъ, Карлъ Ѳедоровичъ 28, 32, 35, 40—43, 45, 47, 50, 51, 54, 57, 62, 65.
- Хомяковъ**, Алексѣй Степановичъ 38.
- Цеплинъ**, Петръ-Даніель-Фридрихъ 42.
- Чернышевъ**, князь Александръ Ивановичъ 24.
- Чернышевъ**, графъ Захаръ Григорьевичъ 27.
Чернышевъ, Ѳедоръ Сергѣевичъ 16.
- Шенрокъ**, Владиміръ Ивановичъ 25.
Шляпкинъ, Илья Александровичъ 89.
Штукенбергъ (псевд. „Крутого-ровъ“) 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 20, 21, 22.
Шуваловъ, графъ П. П. 99.
Шульгинъ, Александръ Сергѣевичъ 59.
- Энгельгардтъ**, Левъ Николаевичъ 36, 38.
- Юрьева**, Марія Павловна, рожд. Ушакова 94—95.
Юрьевъ, Ѳедоръ Филипповичъ 92—95.
- Языковъ**, Александръ Михайловичъ 53, 57.
Языковъ, Николай Михайловичъ 46, 53, 57.
Якушкинъ, Вячеславъ Евгеньевичъ 93, 107, 108.
Ярополецъ, имѣніе Гончаровыхъ 27.

ПОПРАВКА.

Во II выпускѣ «Пушкина и его современниковъ», на стр. 81, въ строкѣ 12-й сверху, вмѣсто «Вошелъ одинъ собой довольный» слѣдуетъ читать: «Вошелъ однимъ собой довольный».